

DRAMATIKA
RUSKÉHO SYMBOLISMU

Hry v originále

I.

Konstantin Balmont

Valerij Brjusov

Vydání, studie, komentáře
Danuše Kšicová, Pavel Klein

Ústav slavistiky
Ústav divadelní a filmové vědy
Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
BRNO 2001

Recenzent: prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.
Redakce: prof. PhDr. Danuše Kšicová, DrSc.
Obálka: Mgr. Pavel Klein

© Danuše Kšicová, Pavel Klein, 2001
ISBN 80-210-2690-1

Úvodem

Studium symbolismu je v dnešní době velmi aktuální. Mluvíme-li o naší současnosti jako o postmoderně, pak nutně vzniká otázka, co to vlastně byla moderna, jaké styly a směry v ní dominovaly, jaký je vztah mezi modernou a avantgardou, co všechno utvářelo kulturu před více než sto lety. Jedním z nejvýraznějších tehdejších směrů byl nepochybně symbolismus, tajuplný svou mnohoznačností, rozevírající průzor textu do hloubky sémantiky jako nekonečnou řadu průchozích sálů, zmenšujících se v perspektivě a provokujících stejně jako ruské skládací matřjošky. V případě ruského symbolismu jeho poznávání zkomplikovala řada faktorů mimoliterární povahy, jež způsobily, že mnohá díla nebyla po řadu let dostupná a za současného stavu kulturních vztahů s Ruskem se k nám dostávají jen velmi sporadicky.

Poznání literatury není možné bez znalosti primárního textu, a to nejlépe originálu. Vzhledem k tomu, že z velkého komplexu ruské symbolistické literatury patří u nás k nejméně dostupným, a proto i nejméně známým textům právě dramatika, dovolujeme si odborné veřejnosti a především studentům schopným číst rusky, předkládat postupně hry, jež vznikaly od přelomu 19. a 20. století do začátku 20. let, tedy v době, kdy ruský symbolismus kulminoval a poté bolestně odcházel ze scény. Nápad vzešel z podnětu Ústavu divadelní a filmové vědy a mohu s potěšením konstatovat, že o to má zásluhu jeho nejmladší představitel a spoluvůrce těchto skript Mgr. Pavel Klein. Právě on většinu textů opatřil z našich i zahraničních knihoven, částečně přepsal, napsal k nim komentář a sehnal i sponzora, aby mohly být uhrazeny alespoň základní technické náklady.

Volba autorů pro tento svazek padla na dva vrstevníky a přátele: Konstantina Dmitrijeviče Balmonta a Valerie Jakovleviče Brjusova. Jestliže první z nich nebyl po dlouhou dobu v Sovětském svazu vydáván, protože kdysi v hladových porevolučních dobách emigroval do Francie, pak v případě Valerie Brjusova byly důvody jiné. Brjusov se sice stal jedním z vůdčích činitelů porevoluční sovětské kultury, zemřel však příliš záhy a v dobách, kdy na syntetizující ediční záměry nebylo dost prostředků. Kromě toho jeho předrevoluční symbolistická dramatika byla svým antiutopickým charakterem zcela cizí požadavkům budování nového státu. O tom, jaké bylo jeho skutečné přesvědčení počátkem 20. let, vypovídá velmi zřetelně to, co v té době napsal a co zůstalo skryto po dlouhá léta

v archivu Puškinského domu v Petrohradě, kam v brežněvovské éře nepouštěli dokonce ani své vlastní badatele, o cizincích, byť ze zpřáteleného Československa, ani nemluvě. Jeden z vedoucích tehdejšího archivu mi to řekl zcela otevřeně: „Ten Brjusov psal bůhvíjaké věci, copak to můžeme dát někomu číst?“ Když jsem si pak po letech přečetla jeho hru *Diktátor*, musela jsem tomu ostražitému ochránci režimu dát za pravdu. To skutečně nebyla četba pro budovatele socialismu. Je to však dílo, jež neztratilo svou aktuálnost ani v dnešní době. Touha po moci trvá stále, jen její podoby mohou být různé. A síla symbolu spočívá právě v jeho nadčasovosti. Zajímavé jsou i další Brjusovovy hry, jež řadíme spíše dle tematiky, než přísně chronologicky. Snažíme se zachytit dobovou atmosféru, v níž podobu symbolu nabývala láska i smrt. Jejich vzájemné propojení a proměny sledujeme od jediného Balmontova dramatu *Trojí květenství* přes Brjusovovo psychodrama *Poutník* a jeho variantu Euripidovy *Laodamie* až po zmíněné antiutopie *Země*, *Diktátor* a nedokončenou hru *Svět sedmi pokolení*. Na závěr připojujeme náčrt hry Pythagorovci, ranou komedii *Vášeň na letním bytě* a rekonstrukci Puškinovy nenapsané frašky *Napravení hráče*.

V Brně 30. 10. 2000.

Danuše Kšicová

Dramatika ruského symbolismu

Ve druhé polovině 19. století se v Západní Evropě začíná projevovat krize divadla. Příčiny se shledávaly ve sféře duchovní i materiální a rovněž v sociální proměně společnosti a s tím spjaté změně herce, diváka či samotného místa děje. „Divadelnost života na královském dvoře byla nahrazena divadelností moderního města a život aristokracie jako subjekt divadla byl nahrazen životem buržoasie.“¹ Herci i konzumenty divadla se stávali měšťané, dějištěm velkoměsto se salony, kavárnami a divadly. Přes velký rozvoj divadla se začíná pochybovat o jeho dalších perspektivách. To vše ohlašovalo nástup moderny. Jakousi přípravnou fází změny estetických hodnot byly Wagnerovy reformy opery a jedinečná zkušenost bayreuthských festivalů, kde byl uváděn do praxe Wagnerův požadavek „Gesamtkunstwerku“, tvůrčího propojení všech druhů umění. Wagnerovi ostatně věnoval svou zásadní studii *Zrození tragédie z ducha hudby* (1872) Friedrich Nietzsche, jenž byl v té době velkým skladatelovým obdivovatelem. Nietzscheovo zdůraznění mýtických zdrojů umění, jež člení na apollinské, spjaté s výtvarným projevem, a dionýzské, neboli hudební, později výrazně ovlivnilo řadu divadelních teorií, budovaných na Nietzscheově myšlence, že řecká tragédie se zrodila právě díky sepětí obou těchto složek. Nietzscheova polemika se Schopenhauerovým pesimistickým názorem na lyriku jako umění poloviční do značné míry předznamenala budoucí lyrizaci dramatu, charakteristickou pro symbolismus, který se nejvýrazněji projevil v poezii a malířství.

V Rusku byl vývoj divadla a dramatu velmi odlišný od Západní Evropy. První dvorské divadlo vzniklo na popud cara Alexeje Michajloviče r. 1672 při příležitosti oslav narození následníka trůnu Petra Velikého. Němečtí a posléze i ruští herci zde uváděli hry na náměty ze Starého zákona. Carská scéna po pěti letech zanikla. Stejně krátké trvání mělo i moskevské divadlo, založené počátkem 18. století Petrem I. O vlastním

¹ František Deák, *Symbolistické divadlo*. Bratislava, Tália-Press 1996, 29–32. Jde o parafrázi myšlenek Luciena Muhlfelda, *La Fin d'un art*. La Revue d'Art Dramatique. 1. 10. 1890.

začátku divadla proto můžeme mluvit až v polovině 18. stol. Pozoruhodné však je, že vzniklo z podnětu nešlechtice – kupce F. G. Volkova, který se pak stal prvním impresáři a režiserem oficiální scény v sídelním městě. Valná část herců a hudebníků soukromých šlechtických divadel, populárních v 18. století, byla angažována z nevolníků. Významnou roli sehrálo v Rusku také tzv. „školní“ divadlo, pěstované v duchovních akademiích. V lidovém prostředí předváděli od raného středověku divadelní scénky různých žánrů a forem lidoví herci, hudebníci a kejklíři – tzv. skomoroši.² Vliv této staré divadelní tradice je patrný v ruském experimentálním divadle. Za analýzu z tohoto aspektu by stálo např. Blokovo *Panoptikum* (*Balagančik*). Výše uvedený sociologický aspekt by tedy vedl k nutnému zjednodušení. Kromě toho v nevolnickém a absolutistickém Rusku literatura, a tím spíše divadlo, často suplovaly roli politického a společenského korektivu. Proto se tak dařilo komedii a satíře. Koncem 19. století však byla situace zcela jiná. Ruská literatura i hudba nabyly světové proslulosti. Nastupuje generace průbojných výtvarníků, režisérů, filozofů a básníků, kteří často žili po řadu let v zahraničí. Rusko-francouzská bilingválnost byla ostatně pro šlechtu z hlavních kulturních center samozřejmostí. Kulturní výměna v té době funguje velmi pružně. Nebývalého rozsahu a vysoké úrovně dosahuje překladatelství, na němž se podílejí významní básníci a spisovatelé. Ruská divadla uvádějí pohotově díla předních dramatiků – H. Ibsena, O. Wildea, M. Maeterlincka aj.³ Symbolismus, jenž otevírá prostor pro těžko zachytitelný svět ireálna pomocí mnohoznačného básnického symbolu, vzniká v Rusku jen o několik roků později než ve Francii. Podobně jako ve Francii se ruský symbolismus ve své počáteční fázi prolíná často v těchže dílech s dekadencí, jejíž výzkum byl v Sovětském svazu z ideologických důvodů po dlouhou dobu opomíjen.⁴

² *Istorija ruskogo dramatičeskogo teatra. Ot istokov do konca 18 veka*. T. I, Moskva, Iskusstvo 1977.

³ N. A. Nilsson, *Ibsen in Rußland*. Stockholm, Almquist 1958. Miluše Zadržilová, *Evropské kontexty vývoje ruské prózy a dramatu na přelomu 19. a 20. století*. In: *Východoevropské studie I. Východoevropská moderna a její evropský kontext*. I. Praha, Karolinum 1999, 25–48.

⁴ Jako jeden z prvních si specifiky symbolismu a dekadence v ruském básnictví povšíml sémiotik I. P. Smirnov v kn.: *Chudožestvennyj smysl' i evoljucija poetičeskich sistem*. Moskva, Nauka 1977. Poté následovala monografie polského badatele J. Smagy, *Dekadentyzm w Rosji*. Wrocław, PAN, Ossolineum 1981. Výzkum obou těchto směrů je aktuální i v současné době, sr. např. Je-

Je to charakteristické pro tzv. „starší“ symbolisty: D. S. Merežkovského, jeho ženu Zinaidu Gippiusovou, K. D. Balmonta, V. Brjusova, V. Sologuba, V. Ivanova aj. Ve Francii periodika obou směrů začala vycházet téměř paralelně (*Le Symbolisme, Le Décadence*, 1888). Manifest francouzského symbolismu z pera Jeana Moréase (1885) je předešel jen o tři roky.⁵

Nástup moderny byl v Rusku ohlašován od konce 70. let 19. století neoromantismem a impresionismem, jež se projevovaly jak v literatuře, tak v malířství a hudbě. V téže době začíná přípravné údobí symbolismu. V ruském výtvarném umění se hovoří o protosymbolismu v souvislosti se známým kulturním centrem v Abramcevu u Moskvy.⁶ Ostatně právě z tohoto místa, sdružujícího talentované umělce různých profesí, vzešel podnět inscenovat pohádkovou hru tvůrce ruského divadelního repertoáru druhé poloviny 19. století **Alexandra Nikolajeviče Ostrovského** (1823–1886) *Sněhurka* (Sněguročka, 1873) se scénickými návrhy **Viktora Vasněcova** a hudbou **Nikolaje Rimského-Korsakova**. Lze-li o tomto divadelním počínu hovořit v souvislosti s vývojem ruské secese,⁷ pak z jiného úhlu pohledu můžeme v této poetické feérii spatřovat předzvěst symbolického nazírání životní reality. Sněhurka – dcera Mrazu a Vesny – umírá při prvním doteku lásky, symbolizovaného paprsky vycházejícího jarního slunce. Drama končí dvojí smrtí – Sněhurky i jejího vášnivého milence Mizgira, jenž bez milované dívky nechce žít. Podobně jako v pozdějším absurdním dramatu však smrt hlavních protagonistů diváka příliš nedojme. Syžet je rozvíjen v rytmu kalendářního roku, v němž zima, v lidových rituálech symbolizovaná vynášenou smrtkou, nutně ustupuje vlně nového života. Folklorním sepětím lásky a smrti, na něž upozornil již Michail Bachtin,⁸ Ostrovskij předjímá základní téma ruského symbolismu a dekadence, v nichž jsou láska a smrt hlavními hrdinkami. Za podobnou

lena Tyryškina, *Ot dekadansa k futurizmu: logika estetičeskoj evoljucii (russkaja literatura 1890-ch – 1900-ch gg.* Slavia Orientalis 48, 1999, 4, 537–548.

⁵ A. Barré, *Le Symbolisme*. Genève, Slatkine Reprints, 1970.

⁶ A. A. Ruskova, *Simvolizm v russkoj živopisi*. Moskva, Iskusstvo. 1995, 7–22.

⁷ Danuše Kšicová, *Secese. Slovo a tvar*. Brno, Masarykova univerzita 1998, 114–116. Táž, *Mýtus a filozofie života v poetice ruské a české moderny*. Česká slavistika, Praha, Euroslavica 1998, 199–205.

⁸ M. Bachtin, *Formy vremeni i chronotopa v romane*. In: Týž, *Voprosy literatury i estetiki*. Moskva 1975, 234–407.

ouverturu ruského symbolistického dramatu, tentokrát však v absurdně groteskní podobě, lze pokládat intelektuální komedie **Vladimíra Sergejeviče Solovjova** (1853–1900). Proslulý filozof, jehož vize Sofie – Duše světa – spojující do ideální jednoty dobro, pravdu a krásu, dala filozofický základ poezii mladších ruských symbolistů, si v nejnámější komedii *Bílá lilie* (*Bělaja lilija*, 1878–1880) tropí posměch ze své stěžejní filozofické teze o „věčném ženství“. To byl zdroj **Blokovy** Překrásné Dámy, jeho tajemné Neznámé, podvojně hrdinky poemy *Noční fialka* a ženy v množném čísle jeho básnických dramát. Pro ruský symbolismus a secesi je podobné snižování velikých témat stejně charakteristické, jak tomu bylo v romantismu. I Lermontov v burlesce *Pohádka pro děti* ironicky komentuje osud poemy *Démon*, kterou psal po celý život. (Předpokládá, že ji někde ve sklepe žerou myši.)

Vlastní začátek ruského symbolismu je spjat se symbolickým gestem. R. 1893 vychází programní stať D. S. Merežkovského *O příčinách úpadku a o nových proudech v současné ruské literatuře*, formující estetické kredo nastupující antipozitivistické generace. Hlásí se v ní k filozofickému odkazu I. Kanta a ke Goethovu přesvědčení, že umělecké dílo je tím krásnější, čím je hlubší a rozumem tíž pochopitelné. Ještě důrazněji to vyjádřil Ťutčev veršem: „Vyslovená myšlenka je lež.“ V duchu Poea a Baudelaira Merežkovskij zdůrazňuje, že krásné musí být neočekávané a vzbuzovat náš údiv. Od nového umění proto požaduje mystičnost, symboličnost vyjádření a sílu uměleckého působení.⁹ Jak si ještě ukážeme dále, mnozí představitelé ruského symbolismu tyto myšlenky posléze rozvíjeli a doplňovali. Do popředí se dostávala díla dalších filozofů: A. Schopenhauera, F. Nietzscheho, V. Solovjova a H. Bergsona, programově vyjadřující odklon nastupující generace od realismu a filozofického materialismu.

Paralelně se formovala nová básnická generace. První sbírka *Básní* (*Stichotvorenija*, 1890) budoucího „krále ruských básníků“ K. D. Balmonta sice propadla a autor se k ní později nehlásil, citovanému manifestu však předcházela kniha veršů Merežkovského s programním názvem *Symboly* (*Simvoljy*, 1892). Poté se objevily tři sborníky poezie a prózy, jež pod názvem *Ruští symbolisté* (*Russkije simvolisty*, 1894–95) vydal Valerij Brjusov, pravděpodobný autor většiny příspěvků a překladů, jež opatřil řadou pseudonymů. Skrytý literární záměr mu vyšel. Nový literární a umělecký směr byl na světě. Na básnické nebe vycházejí nové hvězdy.

⁹ D. S. Merežkovskij, *O příčinách upadka i o nových tečeních v současné ruské literatuře*. Literaturnyje manifesty, I. München 1969, 13.

Balmont i Brjusov vydávají jednu sbírku za druhou, Merežkovskij píše filozoficky hluboce fundované románové trilogie. Spolu se svou ženou Zinaidou Gippiusovou vede v Petrohradě proslulý literární salon a vydává časopis *Nová cesta (Novyj put')*. Postupně vychází řada dalších modernisticky orientovaných periodik a almanachů. Proslulosti dosáhl časopis ruské secese *Svět umění (Mir iskusstva, 1899–1904)* v čele s **S. P. Ďagilevem** a **A. M. Benoisem**, v Moskvě vycházel vůdčí symbolistický časopis *Váhy (Vesy)*, redigovaný **V. Brjusovem**, a reprezentační secesní rusko-francouzský časopis *Zlaté rouno (Zolotoje runo)*, vydávaný bohatým moskevským finančníkem a štedrým mecenášem umění **Nikolajem Rjabušinským**. Na jejich stránkách se setkávali literáti s výtvarníky i hudebníky, úspěšně se rozvíjela esejistika a kritika. Většina básníků se věnovala také uměleckému překladu, který byl často důležitým zdrojem jejich příjmů. Tak tomu bylo zvláště u **K. D. Balmonta**, který překládal systematicky celé sebrané spisy E. A. Poea či G. B. Shelleyho. Vedle básní a prózy se tlumočila rovněž významná dramatická díla klasiků současných autorů, a to natolik, že překladová literatura několikanásobně přesahovala domácí literární produkci. I to je důležitý materiál, doplňující tvůrčí profil ruských dramatiků.

Vzhledem k tomu, že u kolébky ruského symbolismu stáli především básníci, což bylo charakteristické ostatně i pro francouzskou literaturu, stala se jeho doménou zpočátku především poezie. V ruském dramatu a divadle se symbolismus etabluje až v prvním desetiletí 20. století – tedy o deset let později než na Západě.¹⁰ Přesto bylo napsáno již v polovině 90. let jedno pozoruhodné symbolistické drama. Jeho autora **A. P. Čechova** bychom mohli jen stěží označit za programového symbolistu, třebaže řada jeho děl z poloviny 90. let je se symbolismem úzce spjata.¹¹ Mám na mysli hru mladého Trepljova, kterou dramatik vložil do svého *Racka (Čajka, 1896)*. Přestože diskuse o novém typu dramatu, jehož základem se

¹⁰ F. Deák, *Symbolistické divadlo, o. c.*

¹¹ Snad nejmarkantněji je to patrné v novele Černý mnich (Černyj monach, 1894). Srov. V. I. Kulešov, *Realizm Čechova v sootnošenii s naturalizmom i simvolizmom v ruskij literatury konca 19-go – načala 20-go vv.* Čechovovskije čtenija v Jalte. Moskva, Kniga 1973. Řadu materiálů obsahují sborníky z konferencí, konaných v Badenweileri v l. 1985 a 1994 (srov. R. D. Kluge, Hrsg., A. P. Čechov. *Werk und Wirkung, I-II*, Wiesbaden, Otto Harrasowits 1990, 1994. A. P. Čechov, *Philosophie u. Religion in Leben u. Werk*. München, O. Sagner 1997. D. Kšicová, *Secese. Slovo a tvar, o. c.* 120–127.

měla stát mystérie, se vedla na stránkách tisku či za nočních diskusí ve „věži“, jak se tehdy říkalo petrohradskému literárnímu salonu Vjačeslava Ivanova, probíhaly až téměř o deset let později, Čechov strukturu tohoto žánru geniálně předjímá. Hlavní postavou je Duše světa, tedy bytost mystická. Úryvek hry, který zazněl na promyšleně aranžované přírodní scéně, je zřejmým výsekem z delšího monologu. Hra je totiž předčasně přerušena. Monologičnost se posléze stala jedním z charakteristických rysů symbolistických mystérií. Filozofickým zdrojem dramatu byl nejen Vladimír Solovjov, ale i Friedrich Nietzsche, kterého Čechov četl již na gymnáziu, a apokalyptické Zjevení sv. Jana. Ve všech těchto textech hrají důležitou roli kontrapunktu zvířata. Ve Zjevení sv. Jana je Pán obklopen čtveřicí zvířat: lvem, teletem, bytostí podobnou člověku a orlem.¹² Nietzscheova Zarathustra provází početná skupina zvířat, které Zarathustra pokládá za čistší bytosti než je člověk (*Tak pravil Zarathustra*, 1883–1884). Trepljovova antiutopie, zobrazující svět před naprostým zánikem, však obsahuje jen vzpomínku na živé bytosti, jež zanikly spolu s člověkem již před tisíci lety. Všichni tvorové až do poslední pijavice¹³ se slily do jediné duševní substance, jež má právo promluvit jen jedenkrát za sto roků. Čechovův text je předzvěstí řady antiutopií, které do světa ruského dramatu vnesl symbolismus. A prorocký je i osud scénické realizace této hry ve hře, jež propadne stejně, jako později ty nemnohé symbolistické experimenty, jež byly inscenovány. Je příznačné, že Čechova *Racka* objevilo po jeho neúspěchu v Alexandrinském divadle až proslulé Moskevské umělecké divadlo, jehož inscenace *Racka* r.1898 otevřela Čechově dramatice cestu na ruská a záhy i zahraniční divadla. Hlavní tvůrce MCHATu Konstantin Stanislavskij vytvořil r. 1905 symbolistické Studio na Povarské ulici v Moskvě. Přestože činnost studia brzo přerušily revoluční nepokoje r. 1905, právě tam si poprvé vyzkoušel své režijní schopnosti Vsevolod Mejerchold.¹⁴

¹² *Zjevení sv. Jana*, kap. 4, *Biblií svatá* aneb všechna Písma Starého i Nového zákona. Praha 1917, 254.

¹³ Srov. scénu, v níž se Nietzscheův Zarathustra setkává s bahenním člověkem, jenž se záměrně nechal v bažinách vyssávat pijavkami, symbolizujícími svědomí. *Tak pravil Zarathustra*, kap. *Pijavka*. Praha, Odeon 1968, 225–228.

¹⁴ O. Radiščeva, *Stanislavskij i Nemirovič-Dančenko. Istorija teatral'nych otnošenij*. 1898–1906, Moskva 1997. Cit. dle Naděžda Lindovská, *Ruské symbolistické divadlo*. In: *Ruská symbolistická dráma*. Bratislava, Národné divadel-

Intenzivní diskuse o charakteru symbolistického dramatu a jeho prezentace na stránkách literárních časopisů a almanachů jsou spjaty s prvními lety nového století. Bohatou žeň přinesl zvláště moskevský almanach *Severní květy* (*Severnyje Cvety*, I-V, 1901–1911), vydávaný hlavním symbolistickým nakladatelstvím Skorpion a tištěný v typografii významného mecenáše A. I. Mamontova. Hned na úvod prvního ročníku je zařazeno mystické drama **Zinaidy Gippiusové** *Svatá krev* (*Svjataja krov'*, 1901), inovující pohádkové téma rusalky toužící po lidském srdci, sepětím s námětem rituální vraždy, přinášející prokletí věčné viny. Další mystérie, tentokrát z pera studenta moskevské univerzity a pozdějšího vůdčího teoretika symbolismu Andreje Bělého, byla zařazena do třetího ročníku. Téma Vykupitele je v torzu jednoaktovky *Příchozí* (*Prišedšij*, 1904) spjato s motivem velebného, za jehož maskou se skrývá prázdno. Jak tomu bývá často v tvorbě dvou pobratimů, přátel a rivalů Andreje Bělého a Alexandra Bloka, v Blokově hře *Král na náměstí* (*Korol' na ploščadi*, 1906; 1907) nalezneme myšlenku velmi blízkou Bělému. O králi, k němuž se upírají naděje sužovaného města, se lidé v kritickém okamžiku přesvědčí, že je to jen hliněná modla. Čtvrtý ročník *Severních květů* zahájilo jediné drama K. D. Balmonta *Trojí květenství* (*Tri rascveta*, 1905). Do téhož ročníku pak byly zařazeny jedny z nejvýznamějších antiutopií – Brjusovova apokalyptická tragédie *Země* (*Zemlja*) a Ivanovův *Tantalos* (*Tantal*). Paralelně vznikaly hry nejvýznamějšího symbolistického dramatika Alexandra Bloka, jenž r. 1906 spolupracoval s experimentálním petrohradským divadlem Komissarževské. Výsledkem byla pětice jeho her, z nichž největšího scénického úspěchu se dočkalo nepochybně *Panoptikum* (*Balagančik*). Hra vznikla z podnětu G. I. Čulkova, jenž Bloka na jedné ze seancí u Vjačeslava Ivanova požádal, aby svou stejnojmennou báseň rozpracoval do hry, jež by mohla být uvedena v připravovaném symbolistickém divadle *Fakely* (*Pochodně*). Divadlo založeno nebylo. Blokova groteska byla uvedena 30. prosince 1906 u Komissarževské ve vynalézavé režii Vsevoloda Meyercholda, jenž si zde úspěšně zahrál Pierrota.¹⁵ Hra i její scénické ztvárnění měly pro vývoj moderního divadla zásadní význam. Příznivé přijetí burlesky Bloka podnítilo k napsání dalších her. Uvedení lyrického dramatu *Něznakomka* (*Neznámá*, 1906; 1907) v divadle Komissarževské však zakázala cenzura. Stejný osud postihl citovanou hru *Král na náměstí*,

né centrum Tália-press 1997, 5–28. Jevg. A. Znosko-Borovskij, *Russkij teatr načala 20 veka*. Praga, Plamja 1925, gl. IV, Studija M. Ch. T., 254–265.

¹⁵ A. Blok, *Sočinenija v 2-ch tt.* Moskva, Gos. izd. chud. lit 1955, t. 1, 774–779.

vyjadřující v dramatické zkratce dusnou atmosféru revolučního roku 1905. O něco později bylo napsáno autobiografické drama *Pesnja sudby* (*Píseň osudu*, 1908, přepracováno 1919) a středověké podobenství *Roza i krest* (*Růže a kříž*, 1912).¹⁶ Paralelně vznikala dramata dalších představitelů ruského symbolismu: Innokentije Annenského, Fjodora Sologuba aj., i autorů, kteří v dalším svém vývoji směřovali jinam. Tak tomu bylo v případě jednoho z největších dramatiků té doby Leonida Andrejeva, jehož hry *Žizň čelověka* (*Život člověka*, 1907), *Car'golod* (*Car hlad*, 1908), *Černyje maski* (*Černé masky*, 1908), *Anafema* (*Proklatec*, 1909) směřují od symbolismu k expresionismu, zatím co jiné paralelně vznikající divadelní hry rozvíjejí spíše podněty realistické dramatiky. Totéž ostatně platí o poměrně rozsáhlém dramatickém díle Valerie Brjusova, které v tomto svazku představujeme.

Dramatická tvorba dvou „starších“ ruských symbolistů **Konstantina Dmitrijeviče Balmonta** (1867, Gumnišči, Šujský okres, Vladimírský kraj – 1942, Noisy-le-Grand u Paříže) a **Valerije Jakovleviče Brjusova** (1873, Moskva – 1924, Moskva), kterou jsme zařadili do prvního svazku ruského symbolistického dramatu, je značně disparátní co do rozsahu, sémantiky i dramatické struktury. Oba autoři, jež od sebe dělil věkový rozdíl pouhých šesti let, vstupovali do literatury téměř současně. Oba žili v Moskvě a osobně se znali. Pomineme-li první Balmontovu neúspěšnou sbírku,¹⁷ kterou autor posléze až na několik exemplářů spálil, vstupovali do literatury prakticky současně. R. 1894 Balmont vydal sborník *Pod severnym nebom* (*Pod severním nebem*), Brjusov paralelně s vydáním tří svazků almanachu *Russkije simvolisty* připravil k vydání první verše s provokujícím názvem *Chefs d'oeuvre* (*Šedevry 1895, Skvosty*). Oba autoři psali eseje a překládali. Pro Balmonta se překlady staly hlavním zdrojem jeho příjmů. Brjusov, jenž z počátku přijímal Balmontovu tvorbu s obdivem, měl k ní později celou řadu výhrad. Ostře kritizoval jeho překlady i scénickou realizaci Balmontova jediného dramatu *Tri rascveta* (1905, *Trojí květenství*),¹⁸ otištěného stejně jako Brjusovovo antiutopické drama *Zemlja*

16 D. Kšicová, *Secese. Slovo a tvar*, o. c. 128–150. Naděžda Lindovská, *Ruské symbolistické divadlo*, o. c.

17 *Sborník stichotvorenij*. Jaroslavl, Tipo-Litografija G. Falk 1890. Autor ji vydal vlastním nákladem; kniha obsahovala 21 originálních básní. Její druhou část tvoří překlady ze S. Proudhoma, A. Musseta, H. Heineho aj.

18 Název vytvořil Pavel Klein a poprvé jej užil ve své semestrální práci Konstantin Dmitrijevič Balmont (dramatik), Brno 1996.

(1905, *Země*) v témže čtvrtém svazku almanachu *Severnyje cvety*, vydaného v Moskvě v typografii mecenáše ruské moderny A. I. Mamontova.¹⁹ Charakter jejich tvorby se však dosti výrazně lišil. Oba sice začínali jako symbolisté a dekadenti, v dalším vývoji však směřovali jinam. Z Balmonta se stal počátkem 20. století programový impresionista, stylisticky spjatý se secesí,²⁰ v podstatě racionálně zaměřenému Brjusovovi, vzděláním historikovi, byla vždy bližší syžetová lyrika. Podobně jako Svatopluk Machar vytvořil řadu emocionálně koncipovaných výjevů z historie, tvořících mnohdy jakési pendant k ruskému výtvarnému umění. Taková je např. jeho sugestivní báseň *Pompejanka* (sb. *Urbi et Orbi*, 1901), zpracovávající v erotické rovině téma Brjullokových Pompejí (srov. jeho obraz *Poslední den Pompejí*, 1833). Téma lásky a smrti, jež je pro tuto báseň charakteristické, se stalo stěžejním námětem jediného Balmontova dramatu. Balmontova koncepce lásky byla totiž zcela romantická. Explicitně o tom mluví v předmluvě k překladu Wildeovy hry *Salomé* (1908), na němž se spolu s ním podílela Balmontova druhá manželka Je. A. Andrejevová. Esej nazvaná příznačně *O ljubvi* (1903, *O lásce*) vyjadřuje básníkovo přesvědčení, že pro milujícího má život a smrt tutéž hodnotu, neboť láska je hrůzná a nemilosrdná, dovede přivést k šílenství natolik, že se s životem neslučuje. „Láska člověka povznáší nebo vrhá do jámy... Láska nezná tepla, je v ní jen žár nebo chlad... Plamen nebo mrtvý led. Láska nemá lidskou podobu. Má pouze tvář Boha nebo Ďábla.“²¹ Přesně takovou filozofickou podobu dal Balmont svému dramatu *Trojí květenství* (*Tri rascveta*, 1905).²² Kompozice hry je budována na principu písní kalendářního roku. Začíná svěžestí dubna, vrcholí v plném létě, perzonifikovaném postavami sedmi květů, jejichž píseň provází děj ve stylu antického chóru, a končí zimní nocí. Drama o třech obrazech je koncipováno jako trojí podobství lásky, jež nikdy nedochází svého naplnění. V prvních dvou případech proto, že jde o vztah jednostranný, v němž dívka hraje roli femme fatale, přinášející svým partnerům záhubu. Pocitem stárí a milostných zkušeností, neopovídajících jejímu vzhledu, připomíná hrdinku Čapkova dramatu *Věc Makropulos*. Její charakterové vlastnosti i úděl komentuje

¹⁹ Balmontovým dramatem svazek začíná a Brjusovovým končí.

²⁰ D. Kšicová, *Secese. Slovo a tvar*, o. c. 213–225.

²¹ K. D. Bal'mont, *O ljubvi*. In: Týž, *Gornyje veršiny*, o. c. 128–129.

²² *Severnyje cvety* 4, 1905, 1–28. Knižně drama vyšlo ve vyd. N. V. Pirožkova, SPb. 1907.

romantická postava Ducha života (Prizrak žizni). Jméno Jelena i výjimečnost krásy ji spojují s řeckou Helenou, příčinou Trojské války. Stejně jako ona kolem sebe šíří smrt. Jinoch z prvního obrazu zahyne, protože není schopen splnit dívčino přání. Druhý milující se zabíjí, protože nesnese pokoru odmítnutí. Jeleniny představy o dokonalosti splňuje pouze Básník. Jejich vzájemné okouzlení a touha po nejvyšší blaženosti však vedou k dobrovolné smrti v proskleném domě uprostřed zasněžených hor a nekonečného temného nebe s miliony hvězd. Jen v ledovém království ticha lze uchovat harmonii okamžiku nejvyššího štěstí. Faustovo zvolání: „Minuto sladká, neprchej!“ ústí podle Balmonta do věčného nebytí. Hra vznikla z Čechovova podnětu a je snad inspiračně spjata i s některými Maeterlinckovými dramaty o smrti.²³ Skutečnost, že byla napsána nedlouho poté, co Balmont uvedl svou předmluvou překlad Wildeovy *Salomé* z pera V. a L. Andrusonových, je však nepopiratelným faktem. Uvedena byla na scénu pouze jednou, a to v době pro podobný divadelní experiment zcela nevhodné. Její premiéra se konala na scéně nového moskevského Divadla tragédie,²⁴ založeného hercem MCHATu N. N. Vaškevičem. Původně se mělo hrát představení 10. prosince 1905. Premiéra však byla odložena pro pouliční demonstrace. K uvedení hry a zahájení provozu divadla tak došlo až 4. ledna 1906. Na scénickém řešení se podíleli známí symbolističtí výtvarníci N. N. Sapunov a S. Ju. Sudějkin, kteří se snažili odlišit atmosféru děje hrou různobarevných závojų. Návštěvníkům se rozdávaly živé květiny. Hra přesto propadla. Nelíbila se experimentální scéna s černým horizontem a zřejmě nezaujala ani vlastní tragédie. Představení podrobil ostré kritice i Balmontův blízký přítel Valerij Brjusov.²⁵ Autor, jehož s divadlem sblížila řada divadelních překladů,²⁶ se k vlastní dramatické tvorbě již nikdy nevrátil.

23 Může jít o vliv Maeterlinckových jednoaktovek *Vetřelkyně*, *Nitro a Slepici*, jejichž překlady byly pořízeny pro MCHAT.

24 Divadlo bylo záhy přejmenováno v duchu soudobých symbolistických experimentů, navazujících na antickou tragédii, na Dionýzovský spektakl (Dionisovo dejstvo).

25 Vesny 1906, č. 1, s. 74. Podrobněji srov. *Istorija ruskogo dramatičeskogo teatra*. T. 7, 1898–1917, Iskustvo, Moskva 1987, 317–318 a diplomovou práci Pavla Kleina, *Příspěvky k dějinám ruského symbolistního divadla první vlny. (Balmont – Brjusov – Gippius)*. Filozofická fakulta, Brno 1999.

26 Viz komentář ke hře.

Velmi slabou scénickou odezvu mělo i dramatické dílo Valerie Brjusova, jehož význam na rozdíl od lyrika Balmonta spočívá především v próze. Zatímco Balmontova prozaická díla zůstávají nezasloužené zcela ve stínu jeho poezie,²⁷ Brjusovovy novely a romány, především *Ohnivý anděl* (*Ognennyj angel*, 1908) a *Oltář vítězství* (*Oltar'pobedy*, 1913) jsou spolu s novelami a verši stále předmětem čtenářského zájmu. Zato poměrně rozsáhlá dramatická tvorba Brjusovova je dnes prakticky neznámá. Příčin je zřejmě několik. Brjusov se neúspěšně pokoušel prosadit již první jednoaktovku *Vášně na letním bytě* (*Dačnyje strasti*, 1893). Parodií na námluvy, v nichž hlavní roli hrají peníze, hra navazuje na styl Gogolových a Čechovových komedií. Ironickou citací veršů autobiografické postavy mladého básníka Brjusov předjímá jednu z čechovských her Maxima Gorkého *Letní hosté* (*Dačniki*, 1904). Jejím otisknutí a uvedení na scéně však zabránila cenzura. Autor si zřejmě svého prvního pokusu příliš necenil, proto jej nezařadil ani do *Sebraných spisů*, jejichž vydávání přerušila první světová válka.²⁸ Hra byla prozatím otisknuta jen časopisecky, a to dlouho po autorově smrti (1939). Po více než desetileté přestávce se Brjusov vrátil k dramatickému útvaru antiutopií *Země* (*Zemlja*, 1904; 1905). V chronologickém sledu za ní následovala jednoaktovka *Poutník* (*Putnik*, 1910; 1911), tragédie na tehdy populární antické téma *Zesnulý Protesiláos* (*Protesilaj umeršij*, 1911; 1912), torzo o jednom dialogu *Pythágorovci* (*Pifagorejci*, 1920; 1921), řazené do lyriky, a další dvě antiutopie *Diktátor* (1921; 1984) a fragment hry *Svět sedmi pokolení* (*Mir semi pokolenij*, 1923; 1973). S literárněhistorickým Brjusovovým zájmem o Puškina souvisí jeho realizace Puškinova náčrtu komedie *Napravení hráče* (*Urok igroku, začátek 20. let*; 1927).

Ze všech těchto děl se hrálo po nějakou dobu v Petrohradě i v provincii pouze freudovsky koncipované psychodrama *Poutník*.²⁹ S analyzovanou hrou Balmontovou je spojuje táž bachtinská reminiscence na mýticky chápaný koloběh života, v němž za láskou, vnímanou jako synonymum života, nutně následuje smrt. Napětí hry je budováno na kontrastu reality a fikce, charakteristického i pro některé Brjusovovy prózy, zvláště pro

27 Srov. předmluvu D. Kšicové ke knize *K. D. Balmont – Duše českých zemí*. Brno, MU 2001.

28 V. Brjusov, *Polnoje sobranije sočinenij i perevodov*. T. 1–4, 13, 15, 21. SPb. 1913–14, hry obsahuje sv. 15.

29 V *Istorii ruskogo dramatičeskogo teatra*, t. 7, 1898–1917, 77 je uveden jen povšechný údaj, že se hra uváděla v Petrohradě a na provinčních scénách.

román *Ohnivý anděl*, dokončený jen o tři roky dříve. Romantickému koloritu odpovídá výběr prosté hrdinky – lesníkovy dcery, žijící uprostřed lešů. Schéma selanky je však postupně stíráno dívčíným monologem, odhalujícím beznaděj její životní perspektivy. Psychologická i dějová křivka tak odpovídá principům negace negace, charakteristickým pro námluvy Shakespearova *Richarda II.* či Dona Juana z Puškinovy malé tragédie *Kamenný host*. Nevítaný tajemný a záhadně mlčenlivý host je v závěru osloven jako vytoužený milenc. Tím větší je šok, jenž vždy provází nečekané zjevení smrti.

Smrt a touha po překročení jejího prahu je charakteristická pro Brjusovo celovečerní drama *Zesnulý Protesilaos (Protesilaj umeršij, 1910; 1911)*. Byla to jedna z her, jež byly téměř ve stejné době napsány na téma torza Euripidovy *Laodamie*. Námět se stal od konce 19. století velmi populární. Oslovil Stanislava Wyspiańského (*Protesilaos a Laodamie, 1898*), Innokentie Annenského (*Laodamie – Laodamija, 1906*), Fjodora Sologuba (*Dar moudrých včel – Dar mudrych pčel, 1906*) a posléze i Brjusova. Každý z autorů vytvořil svou variantu touhy novomanželky Laodamie po zesnulém manželovi. Brjusov zesiluje erotický motiv. Jeho Laodamie chce především nahradit ztrátu svatební noci. Když zjistí nepřeklenutelnost propasti mezi světem živých a mrtvých, rozhodne se následovat manžela do podsvětí. Antická stylizace se projevuje v celé struktuře veršovaného dramatu, kde chór hraje roli komentátora a informátora. Folklorně je pojata postava čarodějnice, přestože se slovně začleňuje do řeckých reálií.

Brjusovova první celovečerní tragédie *Země* zahajuje celý cyklus jeho antiutopií, které autor vymýšlel již jako gymnazista. Prakticky ve stejné době napsal ve stylu reportáže katastrofickou prózu *Republika Jižního Kříže (Respublika Južnogo Kresta, 1905; 1906)* z umělé civilizace na Jižním pólu, o tři roky později novelu *Povstání strojů (Vosstanije mašin, 1908; 1976)*, předcházející Čapkovu *Továrnu na absolutno (1922)*. Drama *Země* je ze všech těchto děl nejdepresivnější, protože líčí absolutní zánik života na zemi, zbavené kyslíku. Umělá civilizace, vybudovaná v hlubokém podzemí, je líčena v poslední fázi, vedoucí ke kultu smrti. Vrahové svých blízkých nesou hrdý název sekty Osvoboditelů, i moudrý učitel pouze předstírá možnost východiska. Ví, že cesta za sluncem skončí katastrofou pro všechny, a přesto jí napomáhá. Společný zánik všech mu připadá méně krutý než postupné strádání podněcující zvířecí instinkty. Balmontův kult slunce, vyjádřený jeho sbírkou *Budeme jako slunce (Budem kak solnce, 1903)* či Wolkova perzoniifikace slunce jako velikého básníka nabývá v Brjusovově pojetí apokalyptické podoby. V jeho studené záři

umírá v křečích poslední zbytek lidstva. Jestliže se na této první Brjusovově katastrofické hře projeví nálahy fin de siècle, pak další z jeho významných antiutopií *Diktátor*, napsaná již po prvních zkušenostech s diktaturou po Říjnové revoluci, přináší zjevné vlivy této změněné politické situace. Do popředí se dostává problematika moci, provázená ztrátou jakýchkoli etických zábran. Porevoluční sovětské dogma, počítající s postupným rozšířením revoluce do celého světa, se v Brjusovově hře projevilo kosmopolitní motivací. Diktát je rozšířen na celou planetu, jejíž přelidnění se má řešit transportem části obyvatelstva na Venuši bez ohledu na katastrofický výsledek první expedice, jež potvrdila nepřijatelnost podmínek této planety pro život člověka. Nastolená diktatura, přinášejíci lidem zdvojenou práci za poloviční odměnu, se však samovládcí vymyká z rukou. Sen o ovládnutí kosmu končí porážkou, stejně jako porevoluční pokus Sovětů o expanzi do Iránu. Kosmická tematika spojuje s *Diktátorem* fragment dramatu *Svět sedmi pokolení* (1923; 1984). Tentokrát je líčena civilizace na jedné z komet, a to v okamžiku, kdy se její střet se Zemí má stát pro tuto zelenou planetu osudným. I na kometě je moc soustředěna v jedné ruce. Policejnímu dozoru neujde nikdo. Vědecké poznání se i tentokrát dostává do nesmiřitelného konfliktu s absolutní mocí. Diktátoři jsou v obou případech chytří a velkorysí, podobně jako jejich vzory z antické historie. Doba géníů průměrnosti má teprve přijít. Motiv smrti v podobě dobrovolné oběti spojuje *Svět sedmi pokolení* s ranou tragédií *Země*.

K historické tematice, tvořící hlavní náplň Brjusovových románů³⁰ a některých kratších próz, se Brjusov vrátil náčrtem dramatu *Pythagorovci* (*Pifagorejci*, 1920), vysoce oceňující význam vědecké činnosti. Učenec zbavený možnosti bádání na svém objevu umírá. U spisovatele, jenž spatřoval možnost obrody současného dramatu ve znovunalezení dávno ztraceného spojení mezi vědou a uměním,³¹ to není závěr nepochopitelný. Přesto drama nebylo dále rozpracováno.

³⁰ *Ohnivý anděl – Ognennyj angel*, 1908, *Oltář vítězství, altar'pobedy*, 1913, jeho pokračování – *Svržený Jupiter, Jupiter poveržennyj* – zůstalo nedokončené.

³¹ Srov. Brjusovovu esej *Divadlo budoucnosti – Teatr buduščego*. Veřejná přednáška z r. 1907, přetištěná téhož roku v časopisech *Nov', Rus', Teatr*. Srov. *Literaturnoje nasledstvo*, Moskva 1976, 179–185. Ivo Pospíšil, *Ruská literárněvědná metodologie 19. a počátku 20. století*. Praha, SPN 1988, 140–145.

Podobně jako Anna Achmatovová či Marina Cvetajevová byl i Brjusov počátkem 20. let zaujat tvorbou Puškinovou. V oblasti dramatiky se to projevilo pokusem o dokončení Puškinova náčrtu komedie *Napravení hráče* (*Urok igroku*, začátek 20. let; 1927). Jak je patrné již z Brjusovovy předmluvy k této nenáročné hříčce, snažil se jako autor zůstat zcela v pozadí. Jeho rekonstrukce Puškinova textu má význam spíše literárněhistorický než umělecký. Banálnosti i příliš zřejmé didaktičnosti zápletky si byl patrně vědom i Puškin, proto svůj záměr nerealizoval. Autor skvělých malých tragédií mohl jen stěží připustit, aby zůstal v komediálním žánru jen neobratným klaunem. Zápletka založená na intrice a začlenění do běžné životní reality spojuje tuto Brjusovovu rekonstrukci s jeho vlastní studentskou hříčkou *Vášně na letním bytě*. Oba texty proto řadíme na závěr tohoto náhledu do Brjusovovy dramatiky, jejíž široká polarita je tím ještě patrnější.

Константин Бальмонт
(1867 – 1942)

ТРИ РАСЦВЕТА

Константин Бальмонт

ПЕРВАЯ КАРТИНА

ЛИЦА ПЕРВОЙ КАРТИНЫ

Елена

Юноша

Золотистое утро Весны. Время – около полудня. Лес, покрытый нежной зеленью. Множество разных цветов, голубых, синих, золотистых, желтых. Слева, в глубине, обрывистый берег озера, которое виднеется за лесом, уходящую в даль зеркальностью.

Елена и Юноша, оба на утре своих дней, с красотой скорее апрельской, чем майской, веселые, смеющиеся, проходят по лесной прогалине, образующей передний фон, наклоняются, срывают цветы, подбирают стебель к стебелю, бросают цветы, ищут новых, садятся, снова встают, уходят, возвращаются, ускользящим взглядом смотрят друг на друга, но как будто все время видят не друг друга, а только весенний лес кругом и грезы собственного сердца.

Елена, с пучком фиалок в левой руке, между которыми есть один желтый цветок, говорит нараспев.

Есть растение, зовется золотым дождем,
На богато-желтых гроздьях бабочки садятся,
Меж его тройчатых листьев, мотыльки на нем,
Любят, любят, влюбляют, тройственно пьянятся.

Юноша. Кто научил тебя этим словам?

- Елена.** Я не знаю. Сами пришли ко мне.
- Юноша.** Ты говоришь неправду.
- Елена.** А что такое правда?
- Юноша.** Ты знаешь сама.
- Елена.** Ты думаешь? Нет, не знаю. Да и ты не знаешь, хоть говоришь о ней.
- Юноша.** Солнце светит, – это правда. Цветы цветут, – это правда. Я люблю тебя, – это правда.
- Елена.** Солнце зайдет, – где же тут правда? Цветы отцветут, – где же тут правда? А слово «люблю» я не понимаю.
- Юноша.** Ты красива, Елена, ты красива как Мир. Я счастлив, когда я гляжу на тебя. Мне хочется глядеть еще и еще. Я хочу быть с тобой. Близко, рядом, всегда. Я не знаю ничего лучше тебя. Вот что есть любовь.
- Елена.** Если так, то я все люблю. Мне хочется быть в лесу, – он красивый. Я хочу глядеть на небо, – оно синее. Я хочу, чтобы лес кончался, – на опушке его видны дали. Я люблю голубые цветы, – и ищу золотистых, воздушно-желтых. Я все люблю.
- Юноша.** А меня?
- Елена.** Ты умный и глупый.
- Юноша.** А меня?
- Елена, шутливо.** Немножко. Так, чуточку.

Юноша, грустно.

Ты все смеешься надо мною.

Елена.

Я не понимаю, о чем ты говоришь. Мне хорошо с тобой.

Юноша.

Я хотел бы с тобой быть всегда. Не видеть ничего кроме тебя.

Елена.

Я не знаю ничего, что бывает всегда. Мне нравится, что все изменяется. Ты любишь яркие краски? Ах, как я люблю их. Цветы и краски. И в радуге – все они без счета. Но разве радуга – всегда? Ты уже знаешь, как и я. Чтобы она засветилась на несколько минут, нужно, чтобы долго тянулись тучи, такие темные, и чтобы гром гремел, и чтобы молния сверкала, страшно так, и чтобы дождь шел. А потом листья зеленые, и цветы, голубые и желтые, нежные растения...

Есть растение, зовется золотым дождем, На богато-желтых гроздьях бабочки садятся...

Юноша.

Да, но кто же тебе сказал эти слова?

Елена.

Постой, я тебе расскажу. Когда я была совсем еще девочкой...

Юноша.

А сколько тебе лет, Елена?

Елена.

Право, какие ты смешные вопросы предлагаешь. Ты старше меня, а мне кажется, что ты маленький мальчик, которому нужно рассказать что-нибудь интересное. «Сколько лет.» Начинаю я жизнь каждый день, – каждый день умираю. Я не такая, как другие. Иногда мне кажется,

что я жила всегда. Люди кругом меняются, плачут, страдают, смеются, болеют, умирают, – а я всегда одна и та же, и всегда в душе у меня ясно. Точно я гляжу на все через высокое окно. Или точно передо мною зеркало, и там, за спиной моей тени приходят и уходят, а я гляжу в светлую – светлую зеркальную глубину. Как хорошо, как хрустально, и красиво, и ласково-холодно. Я молода, как утро, и я душой своей – не умом, а душой – помню, что было тысячи лет. *Замолкает.*

Юноша.

Говори, милая. Я слушаю тебя.

Елена.

Когда я была совсем маленькой девочкой, я любила уходить одна из дому, и днем, когда солнце такое яркое, и птицы поют среди ветвей, я ложилась на траву, на лесной опушке, закрывала глаза, и видела новый мир, он был такой же, как этот, но только лучше. Небо глубже, трава зеленее, цветы нежнее и воздушнее. В мире, который я видела закрытыми глазами, не было ни одного резкого звука, и самые яркие краски не были тревожащими. Мне чудилось, будто с высокой горы беззвучно падали серебряные воды. Они упали в озеро, в котором никогда не было волн. Светлая водная равнина, вольная, без конца спокойная.

Юноша.

Как это, вон там?

Елена.

Нет, то было лучше. В том нельзя было утонуть. По нему проходили какие-то призраки, они шли к далекому замку, который возвышался из серебряных вод, а он был золотистый и всходил до самой

синевы. Когда я долго на него смотрела, – так, душой, с закрытыми глазами, – в этом замке раздавалась музыка. Тихая, красивая как небо, далекая как вечерняя звезда. Я была в них, в этих радостных звонах, они окружали меня отовсюду, я была в них – и они во мне.

Юноша.

Как странно изменяется твое лицо. Мне кажется, что я вижу тебя через прозрачную недостижимую преграду.

Елена.

Когда я так грезила на лесной опушке, ко мне наклонялись какие-то призрачные лица. Я видела блестящие зрачки, и мне казалось, я куда-то ухожу все дальше и дальше, все глубже. Я читала тайны душ. В моей душе возникали слова, и кто их говорил, не знаю. Кругом было молчание. А слова пели в моей душе.

Юноша.

Ты так и узнала эти строки о цветке, что зовется золотым дождем?

Елена.

Да так. Близко-близко было от меня чье-то лицо, я помню золотистые волосы, и светлые глаза, которые менялись. Они были как морская волна, голубовато-зеленые. Но когда лицо приближалось ко мне, они темнели. И они казались совсем черными, когда лицо совсем наклонялось ко мне. Он ничего мне – я говорю он, потому что я как сейчас помню это лицо – он не говорил мне ничего, он только пристально смотрел. Но я все читала, что было у него в душе. Мне было радостно и уютно. Мы оба так верили друг другу, – точно брат к сестре вернулся из-за дальнего моря. Точно снова ум понял, что раньше понимал, но забыл. Точно вся я

стала легкая, вся стала как воздух и свет, и в одно и то же время была всюду и была там, где мне было так уютно. Весь мир превратился в один золотой сон. Ото всего было сияние. Длинные гроздья цветов, душистых, как желтая и белая акация, откуда-то тянулись ко мне, качались, хотя ветра не было. И бабочки порхали, голубые и желтые, такие веселые, узорные. Все смешалось. Я слышала, как трепещут маленькие крылышки. Хотела открыть глаза, а они не раскрылись. Хотела встать – и не могла. Солнечный луч, широкой полосой, захватил меня, обнял, и точно не пускал. А строки пели во мне... «Золотым дождем»... «Золотым дождем»...

Юноша.

А потом?

Елена.

С тех пор я всегда их помнила. Я их часто вспоминаю, когда я вижу что-нибудь красивое. Лицо, в котором свет, или весенние цветы, нежные лютики, или небо, на котором одно только облачко, по краям золотое.

Юноша.

Ты очень любишь эти строки?

Елена.

Очень.

Юноша.

А что в них – ты знаешь?

Елена.

Я не умею этого рассказать. Я их вспоминаю всегда неожиданно, и в душе у меня тогда так прозрачно и радостно. Точно весенний ручеек, только-что разбил свои льдинки, и журчит по камешкам. Спешит, бежит, спешит, бежит. И последние льдинки звенят. Нет, я не знаю, что в этих

строках, но когда я их вспоминаю, мне кажется, что в них весь мир.

Юноша, *наклоняясь к Елене.*

Елена, поцелуй меня.

Елена, *отстраняясь слегка.*

Ты опять об этом. Зачем тебе это нужно?

Юноша.

Я люблю тебя. Поцелуй меня, милая.

Елена.

Ты совсем как моя мать, которую я схоронила. Ей тоже непременно хотелось, чтобы я целовала ее. Я ее очень любила, но мне не хотелось ее целовать.

Юноша.

Какой ты безумный, жестокий ребенок!

Елена.

Но мне правда хорошо с тобой. Ты мне нравишься. А только целоваться мне не хочется. Давай лучше собирать цветы.

Юноша.

А потом?

Елена.

Я не знаю «потом», я знаю только «сейчас».

Юноша.

Хорошо, давай собирать цветы. Я хочу всего, чего хочешь ты, Елена. – Ты хочешь голубых цветов, или золотистых?

Елена.

Знаешь, милый, ты не сердись на меня. Но я правда же не умею желать многого. Люди такие странные и чужие мне. Даже ты. Они все чего-то хотят, чего никак нельзя хотеть, гонятся, как безумные, за призраками, но и самые призраки хотят сковать. Им хочется, чтобы облачко было вот такое, именно такое, а оно ведь хочет быть

другим каждую минуту, и всегда меняет очертания. Ты не принуждай меня. Когда мне голос мой внутренний велит мне быть иной, чем я теперь, я буду иная. А раньше – невозможно.

Юноша.

Я хочу того, чего хочешь ты.

Елена.

Мне хорошо с тобой. Я чувствую, что мы как дети, и что это быстро пройдет. Ты же увидишь. Но сейчас хорошо. Пусть будет это сейчас. Милый, кто свободнее сейчас, чем мы с тобой? Разве только ветер, да птицы, у которых – крылья. Давай собирать цветы. Я бросила незабудки. Они такие наивные. Я не хочу больше фиалок. Они грустные, и цвет их какой-то прощальный, предельный. Я хочу золотистых желтых цветов. В них Солнце, лучи, в них радость. Вот в этих – какое торжество весны. Одуванчики. Нежные. Я их люблю с детства. Каждый желтый цветок – точно радостная весть оттуда, из чертогов Солнца.

Юноша.

А потом они отцветут и будут седые.

Елена.

Я тебе сказала, что не хочу «потом». Я хочу вон тех цветков, лютиков. Каждый из них – точно маленькое солнце. И какое свежее у них дыхание. В них и золото Огня, и влажность свежей Воды. Когда я гляжу на них, во мне что-то тихонько поет.

Юноша.

Да, лютики красивые. Но только они ядовитые.

Елена, после минутного молчания.

Так скоро ты уже забыл свои, свои же

слова. Не ты ли говорил мне, что цветы цветут и Солнце светит. А когда я на мгновение так радостно забыла, что цветы отцветают и Солнце заходит, ты мне об этом торопишься напомнить. Я больше не хочу быть с тобой.

Юноша. Милая, прости меня. Но мне было больно. Это оттого.

Елена. «Лютики ядовитые». Но они не отравляют меня. Ты отравляешь мои мгновения, и изменяешь их красоту.

Юноша. Тебе не жаль меня. Ты знаешь, что я тебя люблю, и ты говоришь, что я тебе нравлюсь, но ты не хочешь подарить мне один поцелуй. А я за тебя отдал бы целую жизнь.

Елена. Ну, хорошо. Если-ты так этого хочешь. Только жизни мне целой не нужно. Мне довольно одного цветка.

Юноша. Какого? Скажи. Я его тебе найду.

Елена. Он и близко и далеко. Вон там, под срывом, в Воде есть белая лилия. Если не боишься, и можешь, сойди по обрыву, и сорви ее мне.

Юноша. Боюсь? Вот слово. Я сейчас ее сорву...

Елена. Ты, быть может, не знаешь. Там очень крутой спуск. И лилия растет у самого края, а край у срыва скользкий и покатый. Ты пожалуй упадешь.

Юноша. Нет, милая, я сорву тебе твой цветок, и узнаю счастье.

- Елена.** Смотри, утонешь. Там глубоко.
- Юноша.** Я иду к Воде.
- Елена.** Принесешь мне лилию, я тебя поцелую.
- Юноша.** Как хорошо мне. Точно весь мир изменился.
- Елена.** Мне тоже хорошо. Пойдем вместе. Я подожду тебя здесь наверху, и буду смотреть на тебя сверху.
- Юноша.** Я люблю тебя!
- Елена.** Ну, иди. Люби.
- Юноша.** Белая лилия! Сейчас!

Спускается по обрыву и исчезает за скатом. Елена приближается к краю обрыва слева, и, перегибаясь, глядит вниз, четкая красивым своим профилем.

- Елена.** Он скользит. Цепляется. Он спускается все ниже.
- Юноша, за срывом.** Елена!
- Елена.** Я здесь наверху.
- Юноша, за срывом.** Я сейчас дойду до края.
- Елена.** Я жду тебя! – Он все ближе и ближе к Воде. Он сейчас дойдет. Он скользит, но не боится.
- Юноша, за срывом.** Елена! Я люблю тебя. – Елена!
- Елена.** Что, милый?

Юноша, за срывом.

Я сейчас сорву твою белую лилию!

Елена.

Он склоняется к воде. Он тянется, тянется. Он сейчас прикоснется к цветку! Он весь искривился. Он на самом краю. Он на скользком краю. Он скользит. Он коснулся цветка! – А! – *Пауза.* Он упал! *Длинная пауза. Елена выпрямляется, как бы вырастает, и отвращается всем телом от обрыва. Утонул. Я так и знала.*

ВТОРАЯ КАРТИНА

ЛИЦА ВТОРОЙ КАРТИНЫ

Елена
Любящий
Призрак жизни
Хоровод семи девушек

1. Девушка–Роза
2. Девушка–Мак
3. Девушка–Гвоздика
4. Девушка–Дрема
5. Девушка–Рубин
6. Девушка–Коралл
7. Девушка–Плакун–трава

Налево – старинный замок; среднее пространство – садовая лужайка; направо – группа деревьев, образующих чащу. Повсюду – множество красных цветков. Час – предзакатный. На Небе – воздушность розовых, алых, и густо-красных тонов.

Елена и любящий выходят из чащи деревьев, и, пересекая лужайку, вкось, медленно приближаются к замку.

- Любящий.** Я люблю тебя! Я люблю тебя, Елена!
- Елена.** Зачем ты говоришь слова любви – как будто произносишь слово угрозы?
- Любящий.** Но, Елена, ведь я же люблю тебя.
- Елена.** Ты сказал, ты говоришь. Но я слышу в твоих словах не ласку, а гнев.
- Любящий.** О, Елена, ты меня мучишь. Ты не можешь не понимать, что я жду от тебя признания.

- Елена.** Разве все нужно замыкать в слова? Ведь я с тобой.
- Любящий.** Милая, любимая, вся душа благодарит тебя за это. Я дрожу от счастья, видя тебя. Но я и дрожу от боли, потому что со мной ли ты, или не со мной, ты каждую минуту ускользаешь от меня.
- Елена.** Я не могу быть иной. Я всегда такая, какую мне суждено быть. Ты знаешь, что я всегда одна и та же. И ты знаешь, что я только с тобой чувствую себя не мертвой.
- Любящий.** Каждый раз, когда я иду на свидание с тобой, я чувствую себя богом, которому принадлежит Вселенная. Каждый раз, когда я ухожу, мне кажется, что, нищий, я падаю в безмерную пустоту. Ты говоришь и не говоришь. Ты любишь и не любишь. Ты моя и не моя. Я в отчаянии. Я не могу больше ждать. Я люблю, я слишком люблю тебя.
- Елена.** Я не умею сковывать свои ощущения со словами. Но, если ты этого непременно хочешь, я могу сказать, что во мне.
- Любящий.** Скажи, скорее.
- Елена.** Быть может ты сам пожалеешь, что так торопишься к словам.
- Любящий.** Каждое слово есть луч для меня.
- Елена.** Есть странный цветок, который зовется – любовь в тумане.
- Любящий.** Ну?

- Елена.** Ты думаешь, что все цветы любят свет? Ты не знаешь. Цветок, который зовется любовью в тумане, боится именно лучей.
- Любящий.** Он умрет от лучей?
- Елена.** Он умрет.
- Любящий.** Сколько других цветов. Есть розы, гвоздики, шиповник, и маки. Есть красные лепестки, напоенные лучами и кровью.
- Елена.** И кровью.
- Любящий.** Это цвет жизни.
- Елена.** Мы живем в таком странном мире, что цвет жизни совпадает в нем со цветом смерти.
- Любящий.** Елена, не мучь меня больше. Я устал от слов.
- Елена.** Больше слов не будет. Мы уже убили словами тот цветок, который был мне дорог. Слушай. Ты уйдешь сейчас, и придешь сюда, когда солнце зайдет за край горизонта. Я буду ждать тебя. Если я почувствую, что в душе моей цветут те яркие цветы, в которых ты видишь цвет жизни, ты будешь счастлив – как бог, которому принадлежит Вселенная. Но, если... Если под красными красками потухающего неба не раскроются в душе моей красные цветы, ты упадешь навсегда в безмерную пустоту. Я не знаю, нравится ли мне алый цвет.
- Любящий** Тогда в мире порвется чья-то жизнь.

Елена. Быть может две. Зачем предугадывать?
Иди.

Любящий. Я приду!

Елена. Я буду ждать тебя. Ты придешь.

Любящий делает правой рукой прощальный жест, наполовину приветственный, наполовину напоминательный, и уходит, огибая Замок.

Елена. «Я приду.» Быть может было бы вернее сказать: «Я уйду навсегда.» Ты не знаешь, чего ты меня лишил. Ты не знаешь, куда ты идешь. Но день должен уходить к ночи.

Елена входит на террасу Замка, садится, и смотрит на лужайку.

Призрак жизни вырастает перед Еленой, возникая перед ее глазами как бы из некоего темного пятна. Свет на время делается более тусклым, чтобы в конце вспыхнуть еще роскошнее красными тонами.

Призрак жизни. Елена! Елена вздрагивает, но сохраняет молчание.

Призрак жизни. Елена, я снова прихожу к тебе, и снова и снова ты кого-то убьешь – не ножом – не ядом – красотой. Столькие погибли из-за тебя, вспомни. Ты живешь как колдунья. Ты живешь на Земле – не подчиняясь земному. Ты привлекаешь сердца – и отбрасываешь их. Время не имеет над тобой силы. Ты не знаешь жалости. Ты безжалостна, потому что ты чудом своего су-

щества остаешься бесконечно все тою же юною... А, юною девушкой, с прозрачными глазами! Я говорю это с бешенством. Я говорю это как убитый, которому на несколько секунд дали власть говорить о том, кто убил его. Кто его убил, и как убили. Отняли жизнь, затмили Небо, Землю сделали тюрьмой. Я хочу мести! Я отомщу тебе той же гибелью!

Елена.

Ты еще любишь меня. Ты, призрак.

Призрак жизни.

Елена, я люблю тебя. Я сам себя убил, я сам умертвил все возможности, захотев того, чего нельзя желать. Я раб страсти, я тень, я призрак. Но ты, скажи мне, кто ты, Елена?

Елена.

Я жизнь, и я смерть, ты знаешь. Я убиваю своим безучастием, но ты же ведь знаешь, что только мною жизнь жива.

Призрак жизни.

Я знаю. Ты была тогда красивой и юной, когда красное зарево освещало безумье троян эллинов. Ты была красивой и юной, когда из крови растерзанного вепрем Адониса родился цветок анемоны. Ты глядела неразгаданно, когда за тебя шли биться с неверными рыцари. Ты была всегда. Ты была всюду. Тобою движутся миры. Тобою вечно живет и обновляется жизнь. Без тебя нет и не было бы жизни. Все звезды только для тебя. Но зачем же нельзя с тобою слиться? Зачем ты ускользаешь каждую секунду от тех, кто тебя любит больше всего? Ты взглянешь – и тебя нет. Ты сделаешь мгновение красивым – и за это месяцы и годы мучений. В моих словах не мой лишь

голос, а вопли тысяч и тысяч тех, которые умерли в отчаянии. Я люблю тебя, но любовь и ненависть – одно. Я хочу вечно любить тебя и быть счастливым, или убить тебя своею ненавистью. Я убью тебя, Елена.

Елена.

Если бы в тебе стонала вся Вселенная, ты не мог бы убить меня, потому что Жизнь, и тайна Жизни, бессмертна.

Призрак жизни.

Но ты умрешь!

Елена.

Я исчезаю – и возникаю. Мне умереть нельзя. Во мне есть тайна, которой не коснется никто. Я должна быть такой, какой я всегда. – Вот сейчас, выйдут из Замка семь девушек, и будут – как цветы, и будут говорить мне о цветах. Я буду глядеть на краски и буду слушать созвучия. Быть может я и опять полюблю красный цвет, как любила его где-то, когда-то. Быть может не полюблю, и вместо жизни вдруг возникнет смерть. Колесо должно кружиться, ткань разноцветностей должна создаваться. Пусть шумит станок, и тянется длинная нить. Тени мелкают, но я бессмертна. Если же я уйду от этого Замка, я буду безмолвно сидеть у других окон, близь других дверей и цветов.

Призрак жизни.

Елена, и ты будешь убита! *Исчезает.*

Елена.

Как однообразны сердца людей. Мне хочется созвучий, звонких свободных строк.

Семь Девушек, каждая в одежде, соответствующей ее наименованию, выходят

из Замка, и под звуки тихой струнной музыки, звучащей в отдалении, безмолвно ведут хоровод. Постепенно музыка смолкает, и девушки говорят, нараспев, все вместе, гармонично перебивая друг друга, и произнося строки так, что одна девушка подхватывает кончающуюся строку, произносимую другой.

Семь Девушек.

Мы цветы, цветы, цветы,
Мы живем для Красоты,
Светлым сном.
Ночью, вечером, и днем.
Для мечты

Мы в цветении живем.
Мы цветы, цветы.

Утром, в полдень, в час ночной,
Под ущербною Луной,
При звездах,
В ярких, солнечных лучах,

В темноте,
Мы в нарядных лепестках
Сердцем рвемся к Красоте.

Красный, желтый, голубой—
Три расцвета, пред Судьбой,
В них несчетность разных снов,
Несосчитанность тонов,
Все цветы,
Изумрудность всех листов,
Пышный праздник Красоты.

Пред победой Белизны
Дышут сны,
Мы цветом,
Для мгновенья мы живем,

И поим, пьяним мечты,
Жизнь и смерть к Любви зовем,
Красота – цвета – цветы.
Для мечты,

*Девушки снова ведут хоровод, опять звучит тихая струнная
отдаленная музыка, через несколько мгновений она снова
замолкнет, и Девушки опять говорят строки.*

Семь Девушек.

В каждом миге – свой завет
Повторенья мигу нет.
О, живой, живи,
Все скорей своим зови,
Что тебе дарит свой цвет.
Ярче всех – цветок любви,
Яркий, жаркий, красный цвет.

Семь нас, девушек, смотри,
Солнце жжет, и ты гори,
Сердце, где живет мечта,
Семь нас, девушек, и мы
Перед тем как темнота
Все смешает в царстве тьмы
Позабыли все цвета.

Помним только, что для нас,
Перед тем как свет погас,
Есть завет,
Свет заката, красный цвет.
Сердце, быстрый миг лови,
Раз цветет цветок любви,
Миг пройдет, – возврата нет.

*Девушки садятся, лицом полуобращенные к Елене: Девушка–
Роза, Девушка–Мак, Девушка–Гвоздика, Девушка–Дрема рядом, на
дерновой скамейке, Девушка–Коралл – у ног с левой стороны,
Девушка–Рубин – у ног с правой стороны, Девушка–Плакун–трава
– одна, на земле, поодаль ото всех, с лицом склоненным, как тот,
кто плачет.*

Семь Девушек.

Время уходит, время не ждет,
Скоро уж Солнце в Море потонет,
Прежде чем Солнце зайдет,
Прежде чем Ночь нас в мраке схоронит,
Снова расскажем друг другу, кто мы,
Будем как дети,
Вспомним, о, вспомним о красочном
свете,
Будем сильнее уродливой Тьмы.

Девушка–Роза.

Мой миг летит, мгновения греза,
Зажгутся скоро янтари,
Не будет многодневной роза,
Она лишь знает две зари.
Заря расцвета и заката
Во мне рождает все мечты,
Но кратки ласки аромата,
Минутна пышность Красоты.
Царицей–розой сад украшен,
Люби же, сердце, нежный свет,
Уж Ночь глядит с небесных башен,
Расцвету грез возврата нет.

Девушка–Мак.

Красным маком пышно поле,
В красном маке – сладкий сон,
Я живу на вольной воле,
Вижу землю, небосклон,
Опьяняясь, опьяняю,
Сновидения – мой мир,
Слишком помню, слишком знаю:
Сон окончен, – кончен пир.
Снов, зажженных красной краской,
Ярко светит череда.
Сердце пей, упейся сказкой,
Сны проходят без следа.

Девушка–Гвоздика.

Я гвоздика луговая,
Мне желанен алый цвет,
Я горю, пылая, зная,

Что для грез возврата нет.
Я вбираю луч горячий,
Вижу Солнце, вижу луг.
Сердце, будь как я, – иначе
Свет уйдет, – он гаснет вдруг.

Девушка–Дрема.

Темнеет чаша леса,
Тяжелый мрак печален,
И тучи – как завеса,
Но есть просвет прогалин.
Вдруг раздастся тьма,
Расцветет дрема.
Лес украшен мной,
Я цветок лесной.
Проползет змея,
Зашуршат листья,
Но цветут цветы.
Сердце, будь как я,
Расцвети и ты.

Девушка–Рубин.

Лишь для красного огня,
Лишь для алого расцвета,
Лишь для пламенного дня
Можно зиму знать и лето,
Знать и осень и весну,
Бесконечность изменения,
Ожиданье, утомленье,
За минуту, за одну
Можно мучиться несчетно
День за днем, за годом год, –
Лишь поверить безотчетно,
Что за мукой счастье ждет.
Долго в царстве гор ждала я:
Меж камней как между льдин,
Дождалась я, твердо зная,
Что дождусь, чего ждала я
Вот, зажглась любовь, пылая,
Талисман ее – рубин.

Девушка–Коралл.

Только любовью, в безбрежности Моря,
Мыслями мыслям сочувственно вторя,
Только любя,
Позабывая в мечтах про себя,
Только любовью, над пропастью бурной,
Можно взлелеять оазис пурпурный,
Остров кораллов над бездной морей,
Где поняла я, что чувство бездонно,
Остров кораллов, где сонно, влюбленно,
Дышет Любовь до скончания дней.

Все Шесть Девушек, сидящих рядом, тесно прижимаются друг к другу, и опускают глаза. Раздается отдаленная музыка. Девушка–Плакун–трава медленно поднимает голову, и, продолжая сидеть на земле одна, выпрямляется, скорбная, но и торжествующая. Музыка вдруг обрывается, шесть девушек меняют положение, вздрогнув, и все смотрят на Девушку–Плакун–траву.

Шесть девушек.

Отчего же ты молчишь, одна?
Отчего же ты вспоминаешь,
Не зовешь, и сердце не пленяешь?
Красный цвет, как мы, и ты ведь знаешь.
Или мысль тебе иная в этот яркий час
видна?
Иль ты Солнце разлюбила, и душа твоя
темна?
Иль мечту твою пленила Ночь и желтая
Луна?

Девушка–Плакун–трава.

Странно слышать мне хваления
Торопливости минут,
Если долгие мучения
За восторг минутный ждут.
Странно видеть соблазнение
В том, что быстрый миг не ждет: –
Так известно мне мучение,
Что во тьме одно мгновение
Дольше, чем под Солнцем год.
И безумные, бесстыдные

И неверные слова
Отвергаю – как обидные,
И дрожит Плакун–трава.

Что вы сделали без жалости
Опьяняя так мечту,
За одну лишь вспышку алости
Вовлекая в темноту?
Знаю, знаю, краска страстная
Расцветает и во мне,
Но в глуши болот – ужасная
Мысль не гаснет, что напрасная
Боль во всем – в душе – на дне.
Лес вам, луг, и горы черные,
Море, поле, сад, слова, –
Но в повторности позорные
Не войдет Плакун–трава.

И с мучительною радостью
Ожерелье ваших слов
Я бросаю, с этой сладостью,
С этой горечью их снов.
Я видала умирающих,
Достигающих до дна,
Не хочу я снов пленяющих, –
Что мне Солнце, в красках тающих,
Что мне желтая Луна.
Ваша греза безотчетная,
Ваша страсть – лишь миг жива,
Но навеки – глушь болотная,
Век дрожит Плакун–трава.

*Встает, и, обменявшись долгим взглядом с Еленой, уходит
в чашу деревьев.*

**Шесть Девушек, вставая, уходят, не смотря на Елену, вслед за
седьмой Девушкой, и пониженным голосом договаривая свои
строки.**

Солнце в морской неоглядности тонет,
Темные пропасти Солнце хоронят.
Ночь наступает, окончился час,
Цвет еще светит, но вечер погас.

Елена глубоко вздыхает и вытягивается как бы вослед ушедшим Девушкам, потом откидывается назад, и роняет голову на правую руку, прижимая к ней и закрывая ею свое лицо. Любящий возвращается оттуда, куда ушел, и подходит к Елене, сохраняющей свою позу.

Любящий.

Елена.

Елена, вздрагивая и поднимая голову.

Ты пришел!

Любящий.

Солнце зашло, Елена.

Елена.

Я смотрела на красные цветы.

Любящий.

Елена, я люблю тебя...

Елена.

Я видела красные цветы.

Любящий.

Елена, жизнь моя, радость, счастье...

Елена.

Как прекрасны, как они желанны, красные цветы!

Любящий.

Люблю тебя.

Елена.

Больше нет красных цветов!

Любящий.

Елена?

Елена.

Красные цветы бессильны!

Любящий.

Елена, Елена, я лишаюсь рассудка... Что

говоришь ты? Я люблю тебя. Что говоришь ты о цветах? Я люблю тебя.

Елена.

Ты убил тот цветок, который я любила. Я увидела взамен его красные цветы. Красный цвет – желанен. Но когда умирает желание, красный цвет – грубый цвет, тяжкий цвет, гнетущий. Ты отнял у меня мой воздушный цветок. Красные цветы ужасны. Уйди! Уйди!

Любящий.

Елена, ты губишь сейчас, и погубишь две жизни.

Елена.

Я не жалела себя – и мне не жаль тебя.

Любящий.

Но я люблю, я хочу тебя.

Елена, вставая быстро. Прочь!

Любящий, выхватывая стилет.

Я убью тебя.

Елена, спокойно.

Я жду.

Любящий, отступая на шаг, ударяет в себя, и падает.

Я люблю тебя.

Елена, после долгого взгляда. И это – любовь!

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

ЛИЦА ТРЕТЬЕЙ КАРТИНЫ

Елена
Поэт

Голубая комната. Убранство изысканно-простое и строгое. Спереди, слева, длинный диван, подобный саркофагу. Высокая лампа, с золотистым светом, восходит от пола, как стебель тонкий, но кончающийся пышным цветком. Направо, в глубине, большое окно из цельного стекла. Ночь. В окно виден горный пейзаж. Высокие горные вершины, увенчанные сплошь белыми снегами.

Елена и Поэт, тесно обнявшись, сидят на диване, лицами полуобращенные к окну.

Елена. Милый, любимый, скажи мне, где же мы с тобой? Я так ведь этого не знаю. И я не знаю, что со мной. Ты меня околдовал.

Поэт. Ты меня заколдовала, Елена. И такого счастья, как ты, красота, я не знал до сих пор никогда. Но знаю, что с нами, и где мы теперь. Мы с тобой в моем родовом замке, на далеком Севере, овечьем сагами. Мы с тобой в полярных областях, близ горных вершин, живущих Молчанием, и близко от великого Моря, где со звоном стоят и плывут высокие льдины, в которых не раз были затерты мертвые корабли.

Елена. Ты увлек меня ото всех, но мне радостно было идти за тобой. Ты не такой, как все, и, когда я тебя слушаю, мне кажется, что я в хрустальной лунной сказке. Я счастлива как в детстве. Мир отодвинулся. Мы с тобой в зачарованном царстве.

Поэт.

То же самое и со мной. Все отошло от меня, и я чувствую только тебя. Тебе легко и радостно со мной, как в сновидении, где все сбывается, чуть только о чем подумаешь. А мне хорошо, как тому, за кого другой, более красивый и вещей, чем он, говорит его словами о желанном, читает угадчивым голосом то, что жило в душе, но искало слов, то, что было цветком, но ждало расцвета, что было внизу, подо льдом, виднелось, но было скованно, – а теперь прошло через прозрачную преграду, вышло на волю, к счастью, к жизни, к новой, не бывшей еще, радости – видеть себя, глядеться всем ликом в чистую манящую зеркальность.

Елена.

О чем бы я ни заговорила, родной, ты всегда находишь самые верные слова.

Поэт.

Когда я говорю с тобой, моя душа обнимается с твоею, и это ты говоришь через меня. Я гляжу в твои глаза. Твои глаза – бездонность. Твои глаза чаруют, в них Вечность, они завладевают мной. Ты глядишь на меня, и мир отделен от меня. Ты как будто все ближе ко мне, то во мне, ты – я, и я – ты. Я тону в Красоте. С высоты ко мне льются хрустальные звоны. Мы с тобой вознесены в призрачные страны, в которых все воздушно, как белые хлопья облаков. Одна душа переливается в другую. Облако сливается с облаком. Белизна с белизной, и эфирность с эфирностью. Очертанья легко вовлекаются одно в другое. Призрачные края сливаются. Родное льнет к родному. Два становятся одно. Это – счастье, любовь, неожиданность. Это – лунная сказка

в Лазури, где лишь несколько крупных дрожащих звезд, меж которых узорно царит Семизвездие.

Елена.

Ты говоришь, и мне кажется, что я в голубых гротах, где сиянья сливаются с ответными сияньями. Ты говоришь, и все сердце мое с сладкой болью устремляется к тебе. Во мне звучат струны. Я вся – как арфа, но что – твоё прикосновение создает во мне напевность. И мне страшно, что она кончится. В ней такое счастье. Я хочу еще звуков, еще, милый, говори.

Поэт.

Я мысленно прохожу всю дорогу своей жизни, и вижу, что все в моей жизни было лишь смутным приближением к тебе. Я искал и не находил. Я был безжалостным. Я топтал и отбрасывал, когда то, к чему я приближался, обманывало своим ликом мою душу. Я не знаю, что такое жалость, потому что, принося с собой целый мир, отдавая в себе другому целое Небо, все возможности, я невольно хотел такой же цельности в другом. Но полноты всех звуков и отзвуков я не находил нигде. Я через минуту обладанья, как через непрочный мост, который пропустив путника, обрушивается, отходил, безвозвратно от души и тела, которыми владел. Между мной и тем, кому я только-что отдавал все сиянья своих глаз, вдруг выросла широкая холодная река. Я был снова один по эту сторону, а обман оставался на том берегу. И, если ко мне доносились крики и мольбы, в которых звучали рыдания, я не отвечал на них, потому что знал, что это безвозвратно. И холодная река, убегая к безгранному

Морю, хоронила в себе отражения минут, хоронила, порою весь ужас сердечных кипений, которым так и не было вырваться наружу сполна.

Елена.

Я слишком хорошо это знаю.

Поэт.

Когда я увидел впервые тебя, я сразу узнал, что с тобой нас не разлучит холодная преграда. Ты взглянула на меня – помнишь? – когда я гордо бросил презрительное слово одному из тех ничтожных, вся жизнь которых проходит в том, что они сплетают путы для того, что рвется на волю. Твои глаза радостно блеснули, и так странно ты на меня взглянула, как будто душа твоя близко подошла к моей, и доверчиво, – бесстрастно, но крепко, – поцеловала мою душу. Ты слегка склонила на бок свою голову – и заглянула мне прямо в глаза. Так склоняет на бок свою головку певучая птичка, когда Солнце тепло скользнет по ее горлу, издающему самые вдохновенные звуки. Я подошел к тебе – и это было не первое свидание, а радость желанной встречи после долгой разлуки.

Елена.

Я полюбила тебя с первого взгляда.

Поэт.

Наш последний миг будет как первый. В любви нет времени и нет «раньше» и «после». В любви, когда ее найдешь, узнаешь всем радостным сердцем эту безумно-сладостную достоверность, что вот так, как сейчас, будет и еще, и много, и еще, и всегда. Но прежде чем я нашел тебя, Елена, я прошел по змеиностям несчетных дорог. Они жестоки, дороги любви. Один из великих людей Севера,

чи слова находят отклик в тысячах, и тысячах сердец, горько и верно воскликнул, что дороги любви наполнены цветами и кровью, цветами и кровью.

Елена.

Милый, зачем ты говоришь об этом? Мне больно. Я тоже знаю, что такое – красный цвет. Я знаю все, о чем думают и думают красные цветы.

Поэт, встает.

Цвет страсти, цвет гнева, цвет негодованья, убийственный цвет, даже в тот миг, когда в нежном оттенке он – ласковый цвет стыда.

Елена.

Милый, не нужно. Ты видишь, он уже разъединил нас. Ты ушел от меня, едва мы о нем заговорили. От нас навсегда отделился этот кошмар красных цветов. Мне ласково и нежно в твоей голубой комнате. Мне сказочно и радостно видеть сквозь это огромное окно царство вершинной Белизны. От лампы струится золотистый цвет, в нем ласковость детской сказки. Но погасим лампу, и впустим к нам лунный свет.

Поэт подходит к лампе, и уменьшает ее пламя. Несколько раз вспыхивая, лампа гаснет. Наклоняясь к Елене, он целует ее в лоб. Они оба, обнявшись, подходят к окну. Комнатой постепенно завладевает голубовато-зеленоватый свет Луны. Молчание.

Елена.

Лунный свет до нас доходит, но Луна еще далеко. Она взойдет сегодня позднее.

Поэт.

Я уже чувствую ее ласки на твоём и на моем лице. Ты стала еще воздушнее и нежнее.

Елена.

Когда мы приближались к этим горам, она

была серебряной. Когда мы были в самой тесной запутанности ущелий, она светила нам как золотая чаша, из которой пьют сладость Индийские боги. А вчера она утратила часть своего золота. И сегодня она будет уцербной.

Поэт.

Она красива всегда, от начала до конца, как любовь.

Елена.

Я жду, чтобы она глянула на нас через окно.

Поэт.

Посмотри, как спокойны горные вершины. Они живут Луною и Молчанием. Я гляжу и вспоминаю о том, что было в безымерно далеком прошлом нашей Земли. Гении Луны когда-то низошли сюда оттуда, и это от них у нас человеческий наш лик. Они отбросили от себя лучистую тень, и эти светлые призраки облекли нашу страстность. Они замкнули нашу бурю, и все стихии нашей крови, в эфирно-легкую одежду красивых стройных тел. Мы на Земле, но мы небесные. Нам дала свою воздушную загадочность Луна. Оттого-то мы так любим ее, когда мы любим. Оттого мы ждем ее возникновения, когда мы счастливы, как счастливы сейчас, или когда мы жаждем и ждем сочетаний влюбленности. Оттого наше Море безумствует, и волны тянутся к Луне, когда нежный полумесяц пронзит глубокую Лазурь своим серебряным намеком.

Елена.

Луна отдала нам свою жизнь, а сама умерла? Я часто об этом думала. Ей хочется снова и снова быть живой. Она живет, но

как привидение, и зовет к жизни ночные травы, чтобы вдыхать их аромат и зовет на свидание всех влюбленных, чтобы выпить из неосторожного, и сияньем своим сделать румяное лицо бледным, убить земное, и сблизить нас этим колдовством с призрачными странами Неба.

Поэт. Луна – Любовь, а в Любви и жизнь и смерть сливаются в одно.

Елена. Луна всегда посылает мне странные сны. Я скажу тебе, что мне снилось вчера. Но только скажи мне раньше опять строки, которые ты вчера говорил мне. Вчера, в полночь. Когда последняя боязнь ушла. Растаяла, как дымка тумана над водой.

Поэт. Те строки о золоте сна?

Елена. Да. Но только сядем опять, как мы были раньше. Пойдем.

Поэт. Пойдем. Луна сейчас заглянет нам в окно.

Они садятся на прежнем месте, на диване, и тихо сидят, обнявшись, в полосе лунного света. В течении их разговора, медленно, с левой стороны, возникает против окна между снежных гор, странная над дымным одиноким облаком, ущербная Луна.

Елена. Мне кажется, как будто что-то ласковое нас опять сковало. Опять, как вчера. Я люблю тебя, милый. Как мне радостно, что я вся – твоя, вся – ты.

Поэт. Я опять как во сне. Цепи золотого сна. Ты спросила меня вчера, что больше всего меня волнует напоминанием о таинстве

любви. Я сказал тебе. Не лес, не горы, не люди, не музыка, не звезды, не Солнце, а Луна. Царица облачных просторов и полных трав. Луна, своим внезапным появлением взметающая в душе целую бурю воспоминаний непостижных.

Луна, когда она сверкает
Над Морем, жаждущим лучей,
Или над лугом возникает,
С его качанием стеблей,
С его щепетаньем, замираньем
Неуловимых ветерков,
С его колдующим влияньем
Влюбленно-дышащих цветков.
Луна, когда она так низко,
Что сердцу кажется земной,
И шепчет девушка: «Он близко!»
«О, что он сделает со мной?»
Луна, венчальница смущенных,
Боящихся самих себя,
На свадьбе мыслей позлащенных,
Где сладко он жесток, любя.

Молчание.

Елена.

Я жалею, что я не могу тысячу и тысячу раз встретить тебя опять впервые, и сказать тебе впервые «Люблю», и отдать себя впервые тебе, тебе, единственное мое счастье.

Поэт.

Елена, ты не знаешь, что этот Замок заколдован? Быть может, мы уже никогда не уйдем отсюда.

Елена.

Если не умом, я сердцем знаю все. Я не боюсь ничего, кроме разлуки с тобой. Ты как волшебное зеркало, в котором я впервые вижу себя, и вижу, что я красива.

Поэт.

Этот Замок – горный чертог душ, влюбленных в Красоту. Кто, любя в нем, любит не сполна, тот может, и должен, уйти отсюда, спуститься опять вниз, в долины, с сердцем полусчастливым от изведанной радости, и полуразбитым от оконченности счастья, и от стыда своей неполноты. А тот, кто, любя в нем, любит сполна, холодеет, и становится белым призраком, и никогда уже не может возвратиться к земному, не будет больше знать унижения, но никогда и не узнает розовой улыбки земного Утра. Он будет вечно в царстве Белизны и в таинстве лунного света. В зеленых гротах меж голубых цветов.

Елена.

Родной, любимый, ты все время читаешь в моей душе. Я хотела рассказать тебе свой сон. Слушай. Ты поймешь. Я видела Море синих душистых цветов, каких никогда еще не встречала, и среди них тебя и себя. Мы стояли утопая в душистой живой синеве. Сверху сыпались, окропляя наши лица росой, эти странные синие цветы. Между ними мелькали знакомые лица, знакомые призраки несли нам синие цветы, и торопливо исчезали. Ты стоял с закрытыми глазами, и лицо твое с каждым мигом преображалось, каждый миг становилось все озареннее. Казалось, ты видел, видел, видел то, чего я не вижу, но вот сейчас увижу. Ты все прозрачнее. Все тоньше преграда. Синий дождь цветовой все обильнее. Я закрываю на мгновение глаза. Вдруг у тебя вырывается безумный страшный далекий крик. Цветы раздвигаются, и мы, упав друг на друга, летим в бездонную, черную, но блистающую своей чернотой, пропасть. Я проснулась, но ты был

около меня. И я знаю теперь, почему это счастье смешалось со страхом.

Поэт.

Скажи.

Елена.

Мы больше не выйдем из этого Замка. Мы сами заколдовали себя. Мы умрем для земного, и миг перехода страшен для души, которая скована телом. Но мы навсегда, навсегда соединились. Можно ли жить земным, когда изведал Любовь. Милый, единственный, ты, который понимаешь и любишь все, ты, который нашел и сразу увидел меня, ты не уйдешь больше от меня, как не уйду от тебя я. Мы связаны – нашей свободой и таинством Любви. Нас обвенчала – Луна.

Они теснее обнимаются, и озаренные лунным светом, кажутся как бы слытыми в одно, двумя призраками. Прямо перед ними, за огромным окном, возникает между гор Луна.

Поэт.

Я всю жизнь тебя ждал, и буду любить тебя здесь и повсюду.

Елена.

Я тебя полюбила, и только с тобой узнала, что значит дышать.

Поэт.

Ты чувствуешь, это место, этот час, эти чары – пьют нашу кровь.

Елена.

Я отдала бы тебе тысячу жизней, и рада быть с тобой везде.

Поэт.

Мы уснем, но проснемся. Мы здесь уснем, но проснемся не здесь.

- Елена.** Горные вершины и лунный свет сохраняют нас и память о нас.
- Поэт.** Я чувствую, что я все ближе и ближе к тебе.
- Елена.** Милый, я холодаю.
- Поэт.** Ты вся стала воздушной и бледной, ты с каждым мигом все прекраснее.
- Елена.** Я стыну, о, счастье, я гасну – в тебе, ты – лунный, я люблю тебя.
- Поэт.** Голубые цветы цветут, мы вместе, ты – все, я люблю тебя.

Царство великого Молчания.

К. Бальмонт

Валерий Брюсов
(1873 – 1924)

ПУТНИК

Психодрама в 1 действии

Валерий Брюсов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юлия, дочь лесника
Путник, лицо без речей

Комната в доме лесничего. Ненастный вечер. Окна закрыты ставнями. Слышен вой ветра и удары дождя. Комната плохо освещена керосиновой лампой. Топится печь. Стук в ворота. Лай собаки.

Юлия, у окна, стараясь заглянуть в отверстие ставня.

Кто там?

Я не могу впустить вас, я одна.

Идите к мельнику, налево, по тропинке,

Через ручей... Да перестанте так

Стучать. Вы просто руки обобьете!

Дверь крепкая, вам не сломать ее.

Я ни за что не отопру. А в доме

Собака злая. Проходите с миром.

До мельницы не более двух верст.

Там впустят вас...

В сторону.

А он все знай колотит!

Отходит от окна. Стук продолжается. Собака лает.

Юлия, возвращается к окну, но все не открывает ставней.

Послушайте! Как вас? Вы слышите:

Я – девушка, и в доме я одна,

Я вас не знаю. Сами рассудите,
Как я могу впустить вас. Обо мне
Что будут говорить соседи, если
Со мной вы проведете ночь. Нельзя!
И, уезжая, запретил отец мне
Кого-нибудь впускать. И нет беды
Вам две версты под соснами пройтись.
Ну, дождь, так дождь! Ведь не совсем раз-
мочит.

Молчание. Стук в ворота. Собака лает.

Юлия, сама с собой.

Стоит, стучит... Он, кажется, устал,
А, может быть, и болен. Как прижался,
У косяка, так не отходит прочь,
И, как машина, в доску бьет рукою.
Как он измок, бедняга! Он одет
По-городскому, – молод, – бледен, – или
Так, в темноте, мне кажется. Должно
быть,
Не здешний он, в лесу дорог не знает...
А ну – впустить?

Громко.

Послушайте, скажите,
Откуда вы? Куда идете? Что
Вам нужно здесь? Да отвечайте! Как же
Впусти я в дом, кого сама не знаю!
Что вы воды набрали в рот, как рыба?
Коль будете молчать, тогда – адье,
Меня вы только и видали! Стойте.
Хоть до утра, стучитесь! Ни по чем
Не отопру.

Отходит от окна.

Вот – важная персона!
Вот – принц какой! Не хочет говорить,
Зато и мокни.

Молчание. Стук в ворота.

Боже мой! Он мне
Всю ночь не даст покоя. Иль помрет
Под дверью, – этого недоставало!
Шел, заблудился, франтик городской,
Увидел дом, – не отойдет теперь.
В лесу волков боится. А, проклятый!
Что с ним поделаешь.

Идет опять к окну.

Эй, вы, – как вас? -
Прохожий принц! – извольте показать,
Что с вами нет оружия. Раскройте
Пальтишко! подымите руки, так...
Ну, ладно! Мне вас жалко. Отпираю.

Убегает. Звук отодвигаемого засова. Лай собаки. Входят Юлия и Путник, весь измокший.

Юлия.

Собака на цепи, не бойтесь. Ну
И вымокли же вы! Насквозь! Снимайте
Пальто и сапоги. На лавке плед, –
Возьмите, пользуйтесь. Под лавкой туфли, –
Наденьте. Хорошо. Теперь садитесь,
И грейтесь, я подкину в печку дров.

Путник, снимает пальто и сапоги, надевает туфли, закутывается в плед. Юлия подбрасывает полена в печь.

Юлия.

Хотите водки? Так и быть, берите!

Подает бутылку и наливает рюмку.

Путник, кивает головой в знак благодарности и пьет.

Юлия.

А есть так нечего, и хлеба нет.

Путник, кивает головой отрицательно, показывая, что он не голоден.

Юлия. Ну, слушайте меня. Я на ночь вам
Вот эту комнату отдам. Здесь мягкий
Диван, ложитесь, спите до утра.
А я, – я лягу за перегородкой.
Там у меня ружье, и если вы
К порогу подойдете, я сейчас же
Влеплю, без промаха, вам пулю в лоб.
Да и Полкан не даст меня в обиду!
Вы поняли? Ну, мы пока друзья.

Путник, кивает головой.

Юлия. Да что же вы молчите! Отвечайте!

Путник, делает знак рукой.

Юлия. Что это значит?

Путник, повторяет знак.

Юлия. Я не понимаю.
Иль вы немой?

Путник, делает знак не то утвердительный, не то отрицательный.

Юлия. Не верю. Этак вы
Хотите посмеяться надо мной!
Эй, берегись! В обиду я не дамся!

Путник, хватая руку Юлии и почтительно ее целует.

Юлия. Ну, полно, полно, я ведь ничего.
Так ты немой? Теперь мне все понятно.
Вот почему все время ты молчал.
Но ты не глух?

Путник, кивает головой отрицательно.

Юлия. Меня ты понимаешь?

Путник, кивает головой утвердительно.

Юлия. Ах, бедный, бедный! Ну, прости меня.
Пойми: отец с утра уехал в город,
Вернется завтра. Мельник – в двух верстах,
Деревня за рекой, и в целом доме
Нет никого: Полкан да я. Понятно,
Что опасалась я впустить мужчину.
Но ты совсем другое дело. Ты -
Такой худой и бледный, хилый, слабый.
Должно быть, ты несчастен.

Путник, кивает головой утвердительно.

Юлия. Но, скажи:
Ведь ты из города? Ты там живешь?

Путник, кивает головой отрицательно.

Юлия. Не в городе? Так где же? Далеко?

Путник, кивает головой утвердительно.

Юлия. А как тебя зовут? Сергей? Иван?
Никита? Николай? Петр? Александр?

Путник, кивает головой отрицательно.

Юлия. Ну, все равно. Я – Юлия. Тебя же
Я буду звать Робэр. Мне это имя
Понравилось. Итак, скажи, Робэр,
Куда ты шел? На мельницу? Иль дальше,
В село Отрадное? Иль на усадьбу,
К Возницыным? Иль и еще подальше?

Путник, кивает головой отрицательно и закрывает лицо руками.

Юлия. Не хочешь отвечать? Что-ж это – тайна?

Путник, кивает головой утвердительно.

Юлия. Тайна? Ах, вот что! Как в романе? Я Прочла их много. Года два назад Жила в Отрадном барышня, и мне Давала книги. У меня теперь Еще есть две: *Графиня-судомойка* И *Черный принц*. Ты их читал?

Путник, кивает головой отрицательно.

Юлия. А жаль.
Я их читала восемь раз, и все-ж,
Когда дойду до трогательной сцены,
Сейчас заплачу, – не могу не плакать!
Графиню девочкой украл цыган,
Она не знала, что она графиня,
Росла, как нищая, работала,
И вдруг...
Но, впрочем не расскажешь... Иногда
Мне вдруг приходит в голову: что, если
И я не дочь лесничего, а тоже
Графиня! Только ты не смейся. Это
Все глупости. Ну, хочешь, вышей водки.

Подает стакан.

Путник, кивает головой отрицательно.

Молчание.

Юлия. Робэр, ты знаешь, очень я несчастна!
Всю жизнь свою я провела в лесу.
Мать умерла давно. Отец сердитый,
Все ходит по лесу, по целым дням,
То на охоте, то по делу. Гости
Бывают редко, да и кто? – дьячок,

Садовник от Возницыных да мельник...
Лишь летом приезжают господа
В Отрадное, – но как я к ним пойду?
Мне стыдно; говорить я не умею
По-ихнему; они смеются; я
Не образована... Но не могу
Я этой жизнью жить! Мне скучно! Скучно!
Мне хочется другого. Я люблю
Наряды, роскошь. Я хочу бывать
В театрах, на балах. Хочу в салонах
Беседовать. Я знаю, я-б сумела
Быть не глупей любой графини. Право,
Я – красива! У меня глаза –
Большие, маленькие уши, ноги –
Изящные и мраморное тело!
Я потягалась бы с иной графиней,
При всех ее духах и притираньях!
Я быстро-б научилась на рояли
Играть, и танцевать все танцы! Есть
Врожденное изящество во мне!
А кто меня здесь видит? Сосны, птицы,
Отец да мужики! Что здесь я слышу?
Лай, ругань, выстрелы да вой волков,
Когда они подходят к нам по снегу...
Мне хочется раскинуться на кресле
И, чашку взяв небрежною рукою,
Влюбленный шопот по-французски слу-
шать...
А я должна – мести полы, готовить
Обед, стирать белье, и нашу лошадь
Поить, и думать, что во век, во век
Я ничего другого не узнаю!

Угли в печи гаснут.

Ну, замуж выйду. За кого? Конечно,
За лесника! Иль хуже, может быть,
За мельника! И буду, растолстев,
Кули муки считать, и ночью слушать,

Как под водой шумят колеса... Будет
Меня муж нелюбимый в щеки, в губы
Тяжелыми губами целовать,
Порой ласкать насмешливо и грубо,
Порой, подвыпив, за косу таскать!
Родятся дети, буду мыть и стричь их,
Варить им кашу, прутьями их сечь!
И позабуду о мечтах девичьих
Как об огарках догоревших свеч!
Ах! Силы нет об этом даже думать!

Молчание.

Робэр! ты думаешь, живя в лесу,
Как девки деревенские, я честь
Свою не соблюдала? Всем святым
Клянусь тебе: никто до этих пор
Не целовал меня, и никому
Я слов любви не говорила, Я -
Чиста, как небо летом, как родник.
Я ложа короля не постыдила-б.
Дурного про меня сказать не мог бы
Последний клеветник!... Чего я жду?
Не знаю. Может быть, я жду того,
Что дочерью графини окажусь я,
Что некий принц придет в мою страну
И скажет мне: тебя я в целом мире
Искал, и вот нашел, иди за мной
В роскошный мой дворец и будь царицей!
Я жду, проходят годы, я одна,
Нет радости, да и не будет, видно!
И, если признаваться, так, порой,
Того, что я была честна, мне стыдно!

Молчание. В комнате все темнее.

А, может быть, я жалуюсь напрасно,
И день, который я ждала, настал,
И это – ты был послан мне, Робэр,

В ответ на все мои мольбы! Ждала я,
Что принц приедет в золотой карете,
С толпою слуг, в сопровожденьи свиты,
А он пришел пешком, один. Ждала я,
Что будет он одет в парчу и бархат,
Он оказался – в куртке и в пальто!
Я ожидала, что, склонив колено,
Он в длинной речи, страстной и любезной,
Мне выразит ко мне любовь,
А он – немой!... Ну, что-ж! Не явно ль, это –
Он! Страшно! Отвечай, Робэр! Ты понял,
Что послан был сюда Судьбой, ко мне!
Ты – тот, кого я ожидала долго!
Ты – тот, кого Господь назначил мне!
Мой суженый! Возлюбленный! Мой милый!
Да! Узнаю твои глаза, твой скорбный,
Печальный взгляд, твоих красивых рук
Точеные, изломанные пальцы!
Робэр! Робэр! Скажи мне: это – я!

Путник, не дает никакого ответа.

Молчание.

Юлия.

Ну, все равно, послушай! Кто-б ты ни был,
Тот иль не тот, не все ли нам равно!
Мне не дожидаться лучшего, а где ты
Другую встретишь девушку, как я?
Ведь я красива! Молода! Доныне
Не целовала никого! Всю силу
Девичьей нежности отдам тебе!
Тебе отдам мою невинность, словно
Ты – мой жених, мой муж, мой господин!
Я верить буду, что ты некий принц,
Переодетый, потерявший трон,
До времени свое таящий имя!
Тебе служить я, как служанка, буду.
И, как царица, буду я тебя
Ласкать! Доверься мне! Со мной останься!

Ты эту ночь, как в сказке, проведешь!
Ты сам поверишь, что с тобой мы в замке,
Что над постелью нашей – балдахин
Из золотой парчи, что сотни слуг
За дверью ждут ревниво, что довольно
Сказать нам слово – загорится зал
Огнем, и с хоров грянут музыканты!
О, как тебя я буду миловать,
И нежить, и ласкать! Все, все твои
Желанья я исполню! Буду страстной,
Покорной, ласковой, какой ты хочешь!
Проснувшись, утром, ты увидишь – дочь
Лесничего, хлопчущую в доме,
Она тебе предложит молока,
И ты подумаешь, что видел странный
Сон. Поблаговаришь, пальто наденешь
И навсегда уйдешь из наших мест,
И, если хочешь, обо мне забудешь...
Робэр! Мой принц! Мой властелин! Возьми
Меня, как некий драгоценный перл,
Тебе бросаемый из глуби моря!
Возьми меня, как дар безвестной феи,
Тебя завидевшей в глухом лесу!
Возьми меня! владей мной! я твоя!

Бросается к Путнику.

Дай мне к тебе прижаться! Дай мне губы,
Чтоб к ним припасть губами! Дай мне руки,
Чтоб их обвить вокруг стана!... Ты не
хочешь?

*Смотрит пристально и вдруг в ужасе
отступает.*

Робер! Робэр! Не может быть! Он умер!

*Еще раз наклоняется к неподвижно
сидящему в кресле Путнику, потом в
страхе бросается к окну.*

Он умер! Кто тут! Люди! Помогите!

Занавес.

6-7 августа 1910 г. Белкино.

ПРОТЕСИЛАЙ УМЕРШИЙ

Трагедия в пяти сценах, с хором

Валерий Брюсов

Что весна, – кто видел севы
Асфоделевой страны!
Орфей и Эвридика.

ИЗОБРАЖАЕМЫЕ ЛИЦА

Лаодамия, вдова Протесилая, царя Филаки (Протагонист)

Тень умершего Протесилая

Тимандр, знатный гражданин Филаки (Девтерогенист)

Гонец

Фрасон, брат Лаодамии

Заклинательница (Тригонист)

Гермес

Первый страж, за сценой

Второй страж, за сценой

Предводительница хора

1-ая из хора

2-ая из хора

3-ья из хора

Хор прислужниц царицы

Действие в Филаке, перед дворцом Протесилая.

Время действия – первый год Троянской войны.

I.

Фрасон и Тимандр. Потом Лаодамия.

Фрасон.

Тимандр! Нрав Лаодамии знаком тебе.
Она, сказав однажды, не отступится,
И, что решила, будет то исполнено.
Она не хочет верить, что погиб супруг,
Гонцов известья называет лживыми,

И верит больше снам своим и вымыслам,
Всем моряков рассказам и молве людской.
Поверь, напрасны будут настояния,
Как тщетных волн удары в грудь при-
бережных скал.

Тимандр.

Но мудрый внемлет доводам и разуму.
Нам всем прискорбно было убедиться
в том,
Что нет Протесилая среди живых людей,
Царя, народом с юности любимого,
Достойного героя и последнего
В роду царей Филаки, славном издавна.
Но можно ль спорить против очевидности?
Что есть, то есть, что было, больше нет
того.
Мы темной воле Рока уступить должны,
И, – как прилично, смерть царя опла-
кавши, –
О деле общем думать и заботиться.

Фрасон.

Что-ж вы хотите от сестры потребовать?

Тимандр.

Ты, Фрасон, не ведаешь, что городу
Быть непристойно под рукой у женщины.
Царице подчинялись мы, была пока
Она царя отплывшего наместница,
И чли ее решенья; но теперь, когда
Протесилай покончил жизнь, наследника
Нам не оставив, должно нам избрать царя.
Не с тем об этом говорю я, чтоб твоей
Сестры права, беспорные, оспаривать,
Жены, царем избранной, хоть лишь ночь
одну
На новобрачном ложе знала с ним она.
Но кто не скажет ныне: подобает ей
себе, из лиц достойных, мужа вновь
избрав,

С ним бремя власти поделить. Кто правит,
тот
Владеть копьем обязан, с силой мечь взно-
сить,
Там, где бушует Арес, впереди быть всех:
Постыдно подчиняться безоружному.
Не женщине в Филаке древней царство-
вать,
Героями богатой! Но, так говоря,
Твоей сестры достоинств не порочу я.

Фрасон.

В твоих словах я слышу истину, Тимандр.
Но ты не сломишь воли Лаодамии.
Когда она, с прискорбием, уверится, пред-
почтет она
В родимый дом Акаста возвратиться вновь
И там, среди женщин, пражу вновь, как
дева пряхть,
Чем отступить от клятвы, данной мерт-
вому,
И выбрать вновь супруга. Будет ей милей
В дому отца молчанье горниц девичьих,
Чем мужа поцелуи нелюбимого.

Тимандр.

Когда не согласится просьбам внять она,
Всем городом мы сами изберем царя.
Но это будет к распрям повод горестный:
Венец все жаждут на себя взложить, и все
В душе мечтают, что венца достойны. Спор
Поднимется, и может возгореться бой.
Царицы вольный выбор примирил бы
всех.

Фрасон.

Кого же вы ей в женихи наметили?

Тимандр.

Царицу мы не волишь не хотим. Сама
Пусть нам укажет, кто из нас достой-
нейший.
В Филаке граждан много, рода, знатностью

Прославленных, достойных скиптра.
Например,
Я сам не из последних; мой отец в бою
Не ведал равных; написал законы дед,
Те, что поныне свято чтутся в городе,
И в Скире правил прадед мой со славою.
Избрав меня супругом и правителем,
Твоя сестра не постыдила-б имени,
И выбор этот весь народ одобрил бы.

Фрасон.

Но вот сама царица; передай ей все.

Входит Лаодамия.

Лаодамия.

Тимандр и брат мой, рада вас приветствовать.

Тимандр.

И мы тебе, царица, говорим: привет.

Лаодамия, к Тимандру.

Пришел ли ты как вестник иль как гость
ко мне?

Тимандр.

Народ скорбит, царица, что погиб твой
муж.
Протесилая вечно нам оплакивать!

Лаодамия.

Откуда вам известно, что погиб мой муж?

Тимандр.

Увы, царица, эта весть печальная
Давно пришла в Филаку. Царь сражен
в бою,
Но пал героем, как воитель доблестный.
Об этом сообщали корабельщики,
Браздящие пределы всех пяти морей.

Лаодамия.

И ты, Тимандр, ты веришь этим рос-
сказням!
Что о царе Филаки где-то речь идет,
И вы готовы позабыть о верности,

От клятв отречься, нового царя искать,
Оплакивать живого! – Жив Протесилай!
Мне так внушает сердца голос внутрен-
ний,
Меня в том убеждают каждой ночью сны.
Протесилай не умер! Возвратится он
И отомстит жестоко тем изменникам,
Что, под предлогом лживого известия,
Взложить спешили на себя венец его!

Фрасон.

Сестра, ты в речи слишком увлекаешься.
Твои несправедливы нарекания.
Тимандр...

Тимандр.

Я их не слышал. Горе тяжкое
Смутило ум царицы. Но поймет она,
Что о погибшем скорбим мы не менее,
Что только долг священный перед го-
родом
Нас заставляет мыслить о преемнике
Протесилая...

Лаодамия.

Как! Объявлен новый царь?

Тимандр.

Твои права, царица, уважаем мы.
Никто из нас не мыслит посягнуть на них.
Протесилаем ты была поставлена
Правительницей града: при тебе твой
скиптр.
Но ныне все мы знаем, что погиб наш
царь.
А без царя народу невозможно жить.
Град без державца – что корабль без корм-
щика,
Конь без узды иль войско без начальника!
Как все мы ни печальны, как ни скорбна
ты,
Но время думать, где найти нам пре-
емника

Царю, кто-б с силой в руки взял правленье, вновь
В стране, главы лишенной, правый суд
воздвиг.
Мы чтим в тебе, царица, горе вдове, но
Должны поставить выше благо родины.
Нам сердце наше любо, больше люб народ,
Всего-ж на свете выше – пред богами страх.
Наш долг – блюсти Филаку, и меня сюда
Послал совет старейшин, чтоб просить
тебя, –
Когда известье подтвердилось горькое, –
Себе избрать супруга, городу – царя.

Лаодамия.

Пусть верите вы басням корабельщиков,
Но почему-ж с избраньем так торопиться?
Что я за эти совершила месяцы
Недолжного? Неправо осудила ль я
Кого-нибудь? Наслал ли бог разгне-
ванный
Мор на стада? Не пал ли над посевами
Небесный град? Иль предрекли гадатели
Болезнь и глад?

Тимандр.

Нет, боги благосклонны к нам;
Твое правленье славят все, но граждане
Сгибать привыкли выю только пред
царем.
Лишь муж, одетый в панцырь, может власт-
вовать
Детьми Филаки, что везде прославлены
Метать копьё уменьем и коней смирять.
Склони гордыню перед долгом, женщина,
И славный жребий – быть женой царя –
прими.

Лаодамия.

Со мной мой брат. Рукою твердо мужес-
кой

Крепит мою он слабость, как костыль лозу.

Тимандр.

Хвалы твой брат достоин, но он нам чужой,
Царем Филаки древней может быть лишь свой.

Лаодамия.

Но если даже правы все известия,
Мне все же странны ваши настояния.
Вдовство мое не мерится и месяцем,
Супруга прах оплакать не успела я,
Обрядов погребальных не исполнила,
Одежд унылых не носила. Мне ль мечтать
Вновь о замужестве, о брачных факелах!
Пусть подтвердится страшный слух, пусть скорбные
Обряды я исправлю, – я подумаю
Тогда о воле, переданной мне тобой.

Тимандр.

Мне поручили сообщить старейшины
Тебе, что медлить более нет времени.
Народ, волнуясь, буйствует на площади,
Его смущают разные искатели,
Возникнуть в граде могут распри буйные.
Спешить нам должно – смуте положить
конец.
Свой брак ты справишь после дней вдовства,
Но объявить свой выбор ты теперь должна.

Лаодамия.

Когда-ж ответ мой знать хотят старейшины?

Тимандр.

Сегодня ты подумай, завтра дай ответ.

Тимандр кланяется и уходит.

Лаодамия.

Благодарю за вести. Повинуюсь я.

Фрасон. Мне кажется, он дело говорит сестра.
Как ни прискорбно, но поверить должно
нам...

Лаодамия. Нет! Я не верю! Могут ли бессмертные,
Что справедливость с высоты небес блодут,
Жестокость эту допустить: чтоб мой супруг,
Чтоб храбрый, честный, доблестный,
возлюбленный
Протесилай сражен был первым, раньше
всех,
Тогда как столько низких, недостой-
нейших
От жала смерти уклонились счастливо!
Быть этого не может!

Фрасон. Иль не знаешь ты,
Что часто доблесть гибнет, а порок живет.
Судьба слепая правит человечеством:
Сражен могучий, слабый цел; над юностью,
В гробу лежащей, старость слезы льет,
И Ате спорит дерзостно с Немесидой.
Тот Финикиец, что привез известие...

Лаодамия. Рассказывать купцам ли о судьбе царей!
Послушай брат! Я тайно, от тебя таясь,
Гонца послала в Аргос, ко дворцу Микен:
Туда сам Агамемнон часто вести шлет,
Там все известно, что под Троей деется,
Оттуда я узнаю без обмана все!
Гонец давно отправлен, скоро будет здесь,
И ты увидишь, верны ли предчувствия
Моей души!

Фрасон. Да будет по словам твоим.

*Расходятся.
Выступает хор.
Пародос.*

Строфа I.

Хор.
Бог растерзанный, бог оживший вновь,
Бывший мертвым, и вновь узревшим день,
Бакх-Загрей прославлен будь!
Сильный в разных обликах,
Жив из пепла вышедший,
Дух людей врачующий,
Сын Семелы дважды рожденный!

Антистрофа I.

Тигры лютые, псы Индийские,
Колесницу твою влекут рыча.
Пал Пентей, растерзанный
Вдохновенной матерью;
Ариадны злат венец
Взброшен в небо темное;
Ввек бессмертны хоры трагедий!

Строфа II.

Мы, мэнэды иступленные,
Сотрясая тирсы буйные,
Мчимся в пляске опьянительной,
Прославляя вечно юного
Бога, бога, бога с чашею
Вина золотого,
В небриде свободной!

Антистрофа II.

Сестры, сестры, шаг замедлите,
Близко, близко дуновение
Уст божественных! Присутствием
Божества душа исполнена!
Вновь свершится несказанное,
И явлена будет
Великая тайна.

II.

Гонец из Микен. Потом Лаодамия и Фрасон.

Гонец, *входит с левой стороны.*

Царице передайте, что пришел гонец.

Предводительница хора. Откуда ты?

Гонец. Из Аргоса.

Предводительница хора. С хорошими вестями иль с дурными?

Гонец. Хуже не бывать!

1-ая из хора. Так что-ж, безумный, их ты передать спешишь?

С утешной вестью смело в дом царя стучись,

С дурной помедли у порога. Во-время

Всегда приходит радость, грусть всегда не в срок.

Гонец. Царица приказала торопиться мне.

Одна из хора уходит известить Лаодамию.

2-ая из хора. Ты был в Микенах?

Гонец. Кругом голова идет

Еще сейчас, как вспомню пышность, роскошь, блеск

Дворца царевладыки. Злато взор слепит,
Колонны, как деревья, потолок – что свод
Небесный, пурпур, серебро. Велик в царях
Царь Агамемнон!

3-ья из хора. Видел ты и женщин там?

Гонец. Я видел Клитемнестру: та равна богам!

1-ая из хора.

Царица!

Входит Лаодамия и Фрасон.

Лаодамия.

Без отсрочек! Говори сейчас:
Протесилай не умер? Отвечай скорей!

Гонец.

Великая царица, я твой верный раб...

Лаодамия.

Не надо мне вступлений! К делу!

Гонец.

Послан был
Тобою я в Микены. Длинен был мой
путь...

Лаодамия.

Раб! Тебя на месте прикажу убить,
Когда ты будешь медлить!

Фрасон.

Овладей собой,
Сестра!

Лаодамия.

Протесилай не умер? Дай ответ!

Фрасон.

Но ты его задушишь.

Гонец.

Я, царица, прост
И не учен. Сумею рассказать лишь то,
Что мне передавали. Иначе – собьюсь.

Лаодамия.

Рассказывай.

Гонец.

Ты знаешь: корабли царей
В Авлиде ждали долго, чтоб попутные
Подули ветры: ветер от бессмертных то-ж!
И мудрый Калхас, все, что будет, зна-
ющий,
Сын Фестора, гадатель, жертвы рассмо-
тров,

Предрек, что тот, кто первый из героев
всех,
На вражий прынет берег, первым примет
смерть.
Так мне сказали, правда ль то, не ведаю.

Лаодамия.

О, чую скорбь!

Гонец.

Царица, говорю лишь то,
Что сам я слышал. Молвить слова лиш-
него
Я не посмею. Мы, гонцы – уста других,
Другие нами говорят. Как эхо гор
Мы вторим звуки.

Фрасон.

Продолжай рассказ.

Гонец.

И вот,
Когда к брегам Троадским корабли при-
шли,
Никто из храбрых первым не хотел сойти:
Всем жизнь любезна; жребий даже думали
Метать об этом (мне передавали так).
Тогда, царица, твой супруг достойнейший,
Протесилай, Филаки нашей славный царь,
Друзьям сказал: «Судьбины не избег
никто!
Не я ль на подвиг предназначен именем?
Когда же боги Илиос вам взять дадут,
Того, кто путь вам указал, вы вспомните!»
И первым прынул с корабля на вражий
берег.

Предводительница хора. В груди Протесилая дух великий жил.

Лаодамия.

О, горе мне, злосчастной!

Фрасон.

Продолжай, гонец!

Гонец. Случилось так, что в первой битве Дарданец
В царя копьем уметил и пробил доспех:
Попал он под ключицу, и насковозь прошло
Железо злое. Царь упал, не вскрикнувши,
И потекла кровь вместе с жизнью милою...
Всем суждено живущим встретить свой конец,
И смерти не избегнет царь, как бедный раб.

Лаодамия. Ты все солгал!

Гонец. Тот видел, сам воочию
Царя погибель, кто мне это передал.

Лаодамия. Так он солгал!

Гонец. Супруга Агамемнона,
Царица Клитемнестра, повелела мне
Тебе отдать тирийским златом убранный,
Украшенный искусно, по краям с резьбой,
Доспех царя: вот здесь он, и сказала мне
(Я речь ее припомню слово за-слово):
«Скажи царице, что я с ней вдвоем грущу,
Что ей залог я посылаю горестный –
Не выданный Троянцам золотой доспех
Ее супруга, – память да хранит его!»

Лаодамия. Прочь! С глаз моих исчезни! Вестник
ужаса!
Подруги, я погибла! Горе, горе мне!

Рыдает. Гонец скрывается.

Фрасоп. Нет более сомнений. Я доспех царя
Прекрасно помню. Царь был облачен
в него,

Вступая на корабль свой: как костер огня,
Средь медных броней, весь горел он золотом!

А вот копьём пробитое отверстие.

Лаодамия.

Оставь меня на время, брат!

Фрасон.

Прости, сестра.

Фрасон удаляется. Лаодамия остается, погруженная в глубокую печаль.

Хор.

Бедная, бедная, мы содрогаямся,
Горесть твою беспредельную чувствуя,
Словно под ветром листы, упования
Вестника страшным рассказом развеяны.
Словно индийские перлы обронены
В море, надежды на дно твои канули.
Плачь, плачь о смерти супруга любимого,
Плачь, плачь об участи злой и безжалостной!

Лаодамия.

До последнего мига я верила,
До последнего мига надеялась,
Но теперь всем надеждам конец! Конец!
Как же мне не рыдать, мои верные?
Мужа, Протесилая, вы помните?
Был прекрасен он, словно бессмертный бог,
Был он мужествен, словно молодой Тесей,
Ум его был подобен звезде в ночи!

Предводительница хора. О, много злого даст нам Тиндаридинка.

Лаодамия.

Другим в печалях есть и утешение:
Оне с супругом знали ночи счастья;
Расставшись с ним, хранят воспоминание.
Лишь мне одной лютейший жребий
выдался!

Вы знаете: мой брак под день отпльтия
Был совершён. Вошла в опочивальню я,
Чтоб провести в ней с мужем ночь еди-
ную.

Ах, помню, к утру, сладостно усталая
Заснула я, но смутно все я чуяла,
Что мой любимый рядом распростерт со
мной.

Вдруг слышу шум, и вижу, приоткрыв
глаза,
Уже в доспех блестящий он одет стоит,
С мечом в руке, готовясь возложить свой
шлем.

Подул допутный утром ветер, и кормщику
Приказано причали корабля рубить.
Безумная, я к мужу с плачем бросилась,
К нему приникла, как к тростинке лнет
лоза,

Его колени горько целовала я,
Еще хоть день, единый день, – просила я,
Еще хоть час, единый час, – молила я!
Но взоры строго от меня отвел герой,
И в лоб меня поцеловал участливо;
«Иду свой долг исполнить», так сказал он
мне,
И к нашей рати твердой вышел поступью.

Предводительница хора. Несчастлиная, как в этот миг страдала ты!

Лаодамия.

И дни потом тянулись беспредельные,
И не было из-за-моря вестей к родным.
Я во дворце пустынном коротала жизнь,
Пряла меж вами пряжу я, как женщина
И, как мужчина, с братом градом правила.
Вдруг весть пришла: губительнее всех
вестей!

Но ей поверить не хотела долго я.
Пока сегодня...

Предводительница хора. Скорбью овладей своей,
Склонишь главой, царица, пред бессмерт-
ными.
Всем выпадает жребий о других страдать:
И плачет мать о сыне, о супруге муж,
О милом брате брат и сын о матери...

Лаодамия. Подруги! Вам открою тайну женскую.
Ту, что от всех доньине охраняла я!
Я вам сознаюсь: в эту ночь единую,
Что с мужем я на ложе провела – его
Женою я не стала! Страх девический
Меня от ласки страстной отвращал.
Дрожа,
В слезах, Протесилая умоляла я
Моих желаний не неволить... Он моим
Мольбам безумным уступил. Меня в ту ночь
Ласкал он нежно, но не как супруг, как
брат...
И все же утром, зов слышша кормщика,
Единоного он мига не промедлил, но
Поцеловал мне очи, прошептал: «прости»,
И вышел из чертога... И осталась я
Не девушка и не жена, замужня
И ласк мужских не зная! О, единый раз
Хочу Протесилая, как жена обнять,
Ему предать всей волей тело робкое,
Его любви всю силу испытать вполне!
Без этого вся жизнь моя – проклятие,
Без этого все дни мои – томление,
Он мне богами обручен! Должна я стать
Его супругой! Иначе – мне свет не в свет!

Предводительница хора. Царица! Горькой доли уступи теперь!
Былого не изменишь – то, что есть, то
есть.
Твой муж в могиле темной; навсегда ушел.
От нас умерший; загражден возврат ему.

- Лаодамия.** Ах, только б час единый вместе с ним побыть,
Вернуть тот вечер!
- Предводительница хора.** Нет путей из Тартара.
- Лаодамия.** Из Тартара к сиянью дня не вывел ли
Герой Геракл трехглавое чудовище?
- Предводительница хора.** Покинул землю сын Алкмены. Больше нет
Того, кто был бы в силах тот же труд свершить.
- Лаодамия.** Певец Орфей из Тартара не вывел ли
Свою супругу Эвридику мертвую?
- Предводительница хора.** К чему, царица, тайны вспоминаешь ты?
- Лаодамия.** Что в мире мне осталось, кроме тайн
и чар?
- Предводительница хора.** Не должно смертным вечный Рок оспаривать.
- Лаодамия.** Мне Рок судил такое, что сверх сил моих.
- Предводительница хора.** Молись богам бессмертным, да хранят
тебя!
- Лаодамия.** Молиться буду я Гекате сумрачной!
- Предводительница хора.** Тот гибнет, кто вступает на запретный
путь.
- Лаодамия.** Погибель лучше, чем томленье вечное!
Ведь я не знала, что мы с ним прощаемся
Навек! Не знала, что тот миг – последний
был!

Когда б на час единый с ним я свидалась,
Всю страсть мою, и всю любовь сумела б я
Без слов, без жалоб, до предела выразить
Одним объятьем и одним лобзанием!

Предводительница хора. Царица, ты недоброе замыслила.

Лаодамия. Что я решила, то свершить сумею я!

Предводительница хора. Своих страстей не подчиняйся голосу,
Проверь желанья доводами разума.
Мгновенью доверяться – неразумных путь,
Идет, с клюкой раздумья, мудрость мед-
ленно.

Лаодамия. Раздумывать мне не найдется времени.
В дворце Протесилая мне лишь ночь одну
Осталось быть царицей: ей воспользуюсь.
Хочу его увидеть: плата – пусть и смерть!

*Стремительно уходит.
Первый стасимон.*

Строфа I.

Хор. Кто, Кипридой сопутствуем,
В Спарту прибыл высокую?
Кто похитил, коварный гость,
Леды дочь белогрудую!
Иды дальней пастух, копыеносного Приама,
Сын любимый, умчал на ладье белопарусной
Менелая жену, честь прекраснейших жен.
Но напрасно ее кроет в гордом он Пергаме,
Месть бесчестных найдет и во прах падет
Илиос.

Антистрофа I.

Слава тем, кто за родину

Поднимают свой мощный мечь.
Слава тем, кто с отвагою
В неуклонном падут бою.

Но прекрасней стократ, но безмерно желаннее
О прекрасной жене брань вести беспощадную.
Гектор метит копьем, но Аянт подставляет щит,
Мудр Антэнора глас, сын Лаэрта мудрей еще,
И высоко вознес Агамемнон свой царский жезл.

Строфа II.

Всех затмевая могучих и славных воителей
Славой блистает немеркнувшей Протесилай,
За других он решился погибнуть,
Первый прынув на вражеский брег.
Другим – хвалы певцов и слава,
Но первым павшему – любовь!
Он не забудется
В песнях приветственных,
Будут на струнах лир
Имя его повторять.

Антистрофа II.

Но безотрадная доля жене его выпала,
Что накануне вошла в недостроенный дом.
Первобрачная ночь – предразлучной,
Волей Мойры была для нее.
Для всех – супруга, втайне дева,
Рыдает ранняя вдова.
Как сновидение,
Тенью туманною,
Брак вспоминается,
Грезой, манившей во сне.

III.

*Заклинательница. Потом Лаодамия.
Справа приближается заклинательница.*

- Заклинательница.** Кто мне укажет, где царица, девушки?
- Предводительница хора.** Царицу ищешь ты?
- Заклинательница.** Не я ищу ее:
Она рабов послала разыскать меня.
- 1-ая из хора.** А какво, старуха, ремесло твое?
- Заклинательница.** Сбираю травы и служу богам ночным.
- 1-ая из хора.** Колдуешь ты?
- Заклинательница.** Сны толковать умею я.
- 2-ая из хора.** И варишь зелья?
- Заклинательница.** Снадобья готовлю я.
- 2-ая из хора.** Умеешь ты привораживать?
- Заклинательница.** Сумела бы
Тебя влюбить я в Эфиопа черного.
- 3-ья из хора.** И излечить ты можешь от любви?
- Заклинательница.** Тебе
Такой напиток нужен, что ни день, опять.
- 1-ая из хора.** Поворожить царице собираешься?
- Заклинательница.** Всем ворожба потребна в мире: юноша
Узнать желал бы: дева любит ли его;
А деве нужно ведать: милый верен ли;
Купца тревожит: корабли избегнут ли
Разбойников; героя: победит ли он;
Не кроется ль измена во дворце, – царя.
Висят завесы красные над будущим;
Я, с помощью Гекаты, раздвигаю их,

И вижу: поцелуи, слезы, свежий лавр
И новую могилу, там – вино, там – кровь.
И обо всем вещают вам уста мои,
И этими устами – говорит к вам бог!
Вы надо мной смеетесь, но могла бы я
Вас всех дрожать заставить, вам судьбу
открыв!

1-ая из хора.

Идет царица, сестры, время нам молчать.

Входит Лаодамия.

Заклинательница.

Царицу вижу, и полна душа моя.
Цари земные – боги для простых людей!

Лаодамия.

Нет времени мне слушать эти рассказы.
Молчи, старуха, и запомни все, что я
Скажу.

К хору.

Уйдите! С ней мне надо быть одной.

Хор раздвигается, отступая в глубину оркестры.

К заклинательнице.

Мне говорили, что из всех колдуний ты
Искусней прочих; что все чары тайные
Тебе известны: узнаешь грядущее,
Приворожаешь зельем, с вышины небес
На землюводишь месяц; что из мглы
могил
Ты вызвать можешь в круг живущих
мертвого.
Все это правда ль или простые выдумки?

Заклинательница.

Мне мать моя открыла тайны страшные,
Всем чарам научила, и в Фессалии,
Колдуньями богатой, нет такой, как я!

И для тебя, царица, все я сделаю,
Что только могут силы заклинания,
Ко всем богам прибегну, и обряды все,
Ужасные, забвенные, свершу в ночи.

Лаодамия.

Вот здесь – цепь золотая; мой отец, Акаст,
Ее в подарок получил от славного
Царя Египета: нет ей на земле цены!
Но вдесятеро больше награжу тебя,
Когда исполнишь ты мое желание!
Осыплю я дарами несказанными
Твое уродство; я покрою золотом
Твои лохмотья; будешь ты отныне жить,
Как царь Персидский, ни о чем не думая.

Заклинательница.

Приказывай, царица, я раба твоя.

Лаодамия.

Но ты должна, старуха, что скажу тебе,
Запрятать в душу, словно клад в глубь
земли!
Остерегись об этом слово вымолвить.
Одним намеком малым дать понять другим,
Пошевелить губами перед кем-нибудь!
Я награждать умею, но умею мстить.

Заклинательница.

Что ты мне скажешь, в миг умрет. Поймаю я
Твои слова, как птица муху на лету.
Ах, много тайн хранится в старой памяти:
Они лежат во мраке, как сокровища,
И оку Феба их не осветить во век.
Все говори мне смело и покойна будь.

Лаодамия.

Старуха, слушай! В эту ночь должна ты мне,
Всей мощью чар, всей силой волхвования,
Вернуть из царства теней мужа мертвого,
Царя Протесилая, что убит в бою!
Ко мне прийти он должен, облечен во плоть,
Способен видеть, слышать, сердцем чув-
ствовать,

И отвечать на речи речью явственной!
Не тень пустую, не облик призрачный,
Но самого Протесилая, кто теперь
По берегу Леты бродит, истомившийся,
И горько стонет, вспоминая свет дневной!
Исполнишь, – и богатой будешь! Если-ж
нет, –

Пока еще в Филаке, здесь, царица я, –
Тебя мученьям я предам безжалостным,
Велю тебя замучить, как преступницу,
Велю тебя живую бросить в б̄аратрон,
Мечу, огню, всем пыткам я предам тебя!

Заклинательница.

С Гекатою кто дружен, тот боится ли
Угроз владыки? Гнев людей – ничто ему.
Но я твою, царица, волю свято чту
И, давши обещанье, верно выполняю...
Велик и тяжек – труд тобой назначенный!
Сзови к себе колдуний всей Фессалии,
Из жаркого Египта мудрых вызови,
И хитрых магов приведи из Персии, –
Из них никто, – порукой дам я голову, –
Не вызовется подвиг совершить такой!

Лаодамия.

От дела уклониться ты не хочешь ли?
Старуха, поздно! Слишком много слышала
Ты от меня признаний! Нет путей назад!
Исполни, иль погибнешь!

Заклинательница.

Все исполню я,
Что обещала. Много может старая!
Иди по землям – от холодной Скифии
К истоку Нила, от далекой Индии
К столбам Геракла, – всюду клич людей,
Всем обещаю награды, – я, лишь я одна,
Могу, царица, помощь дать в беде твоей!
Вернись к себе; свершивши возлияния,
Жди полночи спокойно, – часа черных
чар,

Когда дано нам говорить с Гекатою.
Я за тебя на страже буду бодрствовать
И труд опасный на себя приму одна.
Ты б содрогнулась, если б вдруг увидела,
Что мне придется видеть при огнях лампад!
Но лишь настанет полночь, приходи сюда
Одна и жди: покорен заклинаниям,
Того отпустит Плутон, кто был назван здесь,
И твой супруг, исполнен сил, придет к тебе,
Чтоб провести здесь время ровно до зари.
Но помни: только Эос розоперстая
Врата растворит колеснице Фебовой,
Гермес, посланник быстрый, вновь того,
кто мертв,
В обитель темных теней уведет с собой.
Лишь три часа пробудет он живой с тобой.
Вещают боги: я лишь их пособница,
Признай в словах суровых глас подземных
сил.

Поворачивается и идет прочь.

Лаодамия.

Стой, стой, старуха! Ты не досказала мне,
Каким он будет? Он меня признает ли?
Он сохранит ли память о любви своей?
Он будет ли, как прежде?...

Заклинательница.

Все мной сказано.

Уходит.

Лаодамия.

Эриннии витают вокруг меня толпой;
В виски стучит; во взорах искры
кружатся...
И страшно мне, и сладко мне, нет сил
дышать,
Служительницы, я вся обезумела!

Предводительница хора. Чем так тебя смутила та пророчица?

Лаодамия. Нельзя ответить, ты меня не спрашивай.

Предводительница хора. Но были ль вести добры?

Лаодамия. Словно в сердце мечь.

Предводительница хора. Дурное предсказание?

Лаодамия. Беспощадное.

Предводительница хора. За что-ж ее так щедро одарила ты?

Лаодамия. Молю тебя, оставь меня, дай время мне
Одуматься, опомниться, прийти в себя.
Никто еще, кто в мире жил, не знал того,
Что бедная, несчастная, я ведаю!
Никто еще, среди всех людей, не зрел того,
Что видеть мне, измученной, истерзанной!
О, сотни змей в груди живут, язвят меня,
Палят меня и жгут мне кровь, как факелы!
Нет силы ждать, нет силы жить, и жизнь и
смерть
Смешалось все в моей душе, как в хаосе.

Уходит.

Второй стасимон.

Строфа I.

Хор.

Умершие в Тартаре

Сокрыты навек от нас.

Но слово заклатья

Тревожит покой могил

И тени выводит под свод небес.

Бродят в поле темном полночью колдуньи

Собирают корни заповедных трав,

Долго варят зелья с неотступным шопотом,

В замкнутых сосудах сохраняют их.

Антистрофа II

Геката полночная,
Вещаний пособница,
И боги подземные,
Без лика, без имени,
Внимают призыву священных слов.

Если слово скажешь тайное, заветное,
Растворяет двери недоступный Ад.
С жизнью кто расстался, жив в ином обличии.
Все, что в мире было, может вновь предстать.

Строфа II.

Плутон, подземного
Царства приявший скиптр,
Сам содрогается,
Слыша заклęcia,
Что старше людей и богов.
Мойре тайной, Мойре вечной и бессмертные
покорны,
Знает Зевс, что Рок сильнее, чем стрела небесных молний,
И, бледнея, Персефона, отвращая лик ужасный,
Внемля голосу Орфея, возвращает Эвридику.

Антистрифа II.

Воды холодные
Стикса беззвучного
Переплывают вновь
Тени бесплотные
В недолгом обличьи живых.

Страшно теньям мертвой грудью воздух острый
вновь вдохнуть,
Мертвым взором вновь увидеть звезд жестокое
мерцанье,

И, со стоном возникая, тягу смерти в членах чуя,
Горько молят у колдуний в вечный сумрак
отпустить их.

Первый страж, за сценой. Ворота запирайте, наступила ночь!

Второй страж, за сценой. Ворота запирайте, наступила ночь!

Первый страж. О-о!

Второй страж. О-о!

Первый страж. Темнеет.

Второй страж. Наступила ночь.

Строфа III.

Хор. Вечер наступает, час любви.
Гаснет за холмами Феба лик,
В синем небе звезды свет зажгли.
Те, кто с милым вместе, счастья ждут:
С милым кто в разлуке, те грустят
Скоро луч Гекаты заблестит.
Да хранят нас боги от беды,
От болезней, от смерти и от чар.

Антистрофа III.

Разойдемся, сестры, в тишине.
Время наступило отдохнуть.
Окропит нам веки бог Морфей,
К нам слетят незримо тени сна.
То, что совершится в тьме ночной,
Не должны мы ведать, женщин хор,
Не должны мы слышать тайных слов,
Что, быть может, рядом прозвучат.

Прислужницы располагаются вокруг тимеле и погружаются в сон.

IV.

*Лаодамия, потом тень Протесилая, потом Гермес.
Лаодамия медленно выходит из дворца.*

Лаодамия.

Зашла Геката. Близок час назначенный.
Восторг и страх объемлют мне колени.
Жду.
Ужель придет он, сладостный, возлюбленный,
Единственный! И, плача, припаду к нему.
Увижу снова лик спокойно-царственный,
Его живую поступь, благородный стан,
Услышу голос, радующий, мучащий,
Воскликну снова: «Ты со мной, Протесилай!»
Но все так тихо. Спит дворец. Недвижна тень.
Мой только шаг по плитам слышен. Мир во сне.
Обманутая, буду до зари блуждать
И тщетно мучить мысль свою виденьями.
Он не предстанет... Нет путей из Тартара...
О, если так, старуха, берегись меня!
Я отомщу! Я прикажу убить тебя,
Пытать, терзать, бичами бить и жечь огнем!
Когда в смертельной муке будешь корчиться,
Тебе в лицо я плюну, тварь, обманщица,
Гаданьями скверняшая алтарь богов...
Но чу... движенье... шорох... шум шагов нагих...
А, умираю!... Это ты, Протесилай!

Возникает неясный облик около дыма жертвенника, является Протесилай и медленно, неуверенной походкой идет от тимеле к Лаодамии.

Протесилай. О, тяжело... я землю ощущаю вновь.

Лаодамия. Протесилай, мой милый, мой единственный!

Протесилай. Где я? Что я? Ослеплы взоры. Темь вокруг.

Лаодамия. Ты здесь, со мною! На земле! Ты снова жив.

Протесилай. Твой зов знакомый слышу, Лаодамия!

Лаодамия. Открой глаза! В глаза смотри мне! Это – я!

Протесилай. Мне сумрак Ада застилает взор. Темно.

Лаодамия. Я вымолила жизнь тебе! Ты – жив, ты – жив!

Протесилай. Гнетут меня виденья подземельных стран.

Лаодамия. Забудь виденья, вспомни: на земле – любовь!

Протесилай. Любовь? Да, да, я помню, я любил тебя!

Лаодамия. Любил и снова любишь! Я опять с тобой!

Протесилай. Тебя, как в дыме, вижу, Лаодамия!

Лаодамия. Я – Лаодамия, а ты – Протесилай!

Протесилай. Да, я – Протесилай; я был убит в бою.

Лаодамия. Ты был убит, ты умер, и воскрес теперь!

Протесилай. Там поле асфodelей, – белый луг цветов!

Лаодамия. А здесь цветут гранаты алых уст моих!

Протесилай. Там пламень недвижимый, черный небосвод.

- Лаодамия.** А здесь трепещут перси, снег грудей моих!
- Протесилай.** Там тени бродят, там друзья, убитые!
- Лаодамия.** Здесь я – живая, я жена твоя, с тобой!
- Протесилай.** Там сон глубокий, там молчание царит!
- Лаодамия.** Здесь – пламя страсти, здесь – живой восторг любви!
- Протесилай.** Я вспоминаю, узнаю, я понял все.
- Лаодамия.** Приди сюда, на ложе, припади ко мне!
- Протесилай.** Но я ведь умер? Я ведь тень бесплотная.
- Лаодамия.** Ты – жив! Стряхни истому с тела и с души!
- Протесилай.** Я вновь в Филаке? Во дворце? Я снова царь?
- Лаодамия.** И царь, и муж, и снова я – жена твоя!
- Протесилай.** Я так устал, так тяжело мне, нет сил дышать.
- Лаодамия.** О, неужели ты не рад – со мной быть вновь?
- Протесилай.** Все это – призрак, новый сон, обман мечты!
- Лаодамия.** Нет, нет, не призрак это все! Все – истина! Дозволил бог: из Ада ты вернулся в жизнь. Опять в родимом граде будешь царствовать. Тебя встречаю в час священный первая. И первая мой поцелуй даю тебе!

Ответь мне, как прежде, в ту, иную ночь,
Когда о ласках нежно ты молил меня!
Ты помнишь, как в смущеньи, уклонялась я,
Как, плача, умоляла пощадить меня
И день, лишь день единый – дать отсрочку
мне...

Теперь сама о ласках я прошу тебя,
Теперь сама объятья простираю я,
Возьми меня, целуй меня, ласкай меня,
Шепчи мне снова все любви признания,
Твоих объятий жажду, жажду уст твоих!

Протесилай.

Как странно все; как будто сон иль смут-
ный бред.

И в сердце снова дышит что-то давнее.
Да, я любил когда-то лик твой, женщина,
Твои глаза светили мне светлее звезд,
Звучал твой голос надо мной нежней, чем
песнь

По утру жаворонка... Сколько темных дней
Я вспоминал твой образ в безднах Таргара.
Но страшно вновь увидеть, что утрачено.

Лаодамия.

Утраченного больше нет! Вернулось все.
Вот – ложе, шкуры диких львов; возляг со
мной,

Супруг мой, мой любовник, обними меня!
К устам устами вновь прильни! Обвей меня
Руками страстно! Грудью припади на грудь!
Мне сделай больно! Мучь мужскими лас-
ками!

Мне докажи, что снова кровь течет в тебе!

Протесилай.

Но почему молчанье, пустота кругом?

Лаодамия.

Ведь это ночь, владеет целым миром сон.

Протесилай.

Но где же брат твой? Где твои при-
служницы?

- Лаодамия.** Они придут и будут все приветствовать Тебя, и славить твой возврат. Сегодня я Одна хотела с милым мужем встретиться.
- Протесилай.** Постой, дай мне поверить... дай привыкнуть мне
К дыханью жизни, тяжкому и жгучему,
Дай отдохнуть мне от зловещих образов!
- Лаодамия.** Ты отдохнешь позднее; радуйся теперь!
- Протесилай.** Найти мне надо силы жить и чувствовать.
- Лаодамия.** Найдешь ты после, а теперь целуй меня.
- Протесилай.** Мне надо все припомнить, разум темен мой.
- Лаодамия.** Ты все припомнишь после, обними меня.
- Протесилай.** Обнять хотел бы, руки тяжелы, как мед.
- Лаодамия.** Меня не любишь!
- Протесилай.** Помню, что любил тебя.
- Лаодамия.** Меня ласкать не хочешь!
- Протесилай.** Свет слепит меня.
- Лаодамия.** Тебя к себе зову я.
- Протесилай.** Смутный гул в ушах.
- Лаодамия.** Протесилай! В последний раз, – целуй меня!
- Протесилай.** О, погоди! Как сладко на земле дремать!
- Лаодамия.** Протесилай! – Он дремлет. – Отозвись на зов,

Протесилай! – Не слышит. – Что же делать мне?

Как мне его заставить каждым мигом жить?

Протесилай несчастный, – я лгала тебе!

Ты к жизни не вернулся, – ты был мертв и мертв!

Но заклинительницу умолила я

Тебя, на срок недолгий, чарой вывести

В обитель жизни из провалов Тартара.

Ты выведен, и будешь ты среди людей

От полночи до блеска молодой зари.

Едва пред Фебом Эос розоперстая

Врата растворит, и заблещет новый день,

Гермес предстанет пред тобой, безжалостный,

И в царство мертвых уведет опять тебя!

Узнай: лишь кратких три часа дано тебе,

Чтоб снова видеть взором прояснившимся

И это небо синее со звездами,

И эти стены дома, где провел ты жизнь;

И дым алтарный, восходящий до – неба,

И здесь меня, которой ты твердил: люблю.

Протесилай! Ах, если только хочешь ты

Вкусить всю сладость страсти неиспытанной,

Мое изведать тело непорочное,

Пред тем как снова навсегда уйти во мрак,

В обитель смерти, в черный мир бессолнечный, –

Спеши, не медли, утоли живой огонь,

Ласк несвершенных доверши палящий круг,

Дай мне упиться нежными объятьями,

И сам упейся лаской, что стремлю к тебе!

Чтоб после, в царстве мертвых, в вечном сумраке,

Воспоминанье о безмерных радостях

Тебе светило, как звезда бессменная!

- Меня ты слышал? Понял? Почему-ж молчишь?
- Протесилай.** Я понял, понял, что я мертв. О, горе мне!
- Лаодамия.** Ты жив еще! Ты видишь – далека заря.
- Протесилай.** Я мертв, я мертв! Свисают своды Тартара.
- Лаодамия.** Над нами звезды. Мы вдвоем на ложе ласк.
- Протесилай.** Что миг единый пред бездонным ужасом!
- Лаодамия.** В единый миг мы можем целый мир включить.
- Протесилай.** О солнце! Море! Пира шум! И стук мечей!
- Лаодамия.** Коснись устами вновь до кубка сладкого!
- Протесилай.** О как я мог с отвагой безразсудною
Лишиться жизни ради славы призрачной!
Как мог за радость торжества короткого
Ужасной платой заплатить: погибелью!
- Лаодамия.** Гордись, Протесилай, свершенным подвигом!
Тебя народы именуют радостно,
Слагают песни о тебе сказатели.
Ты будешь жить вовеки славой громкою!
- Протесилай.** Ах, что мне в том, что будут голоса певцов
Протесилая славить на пирах царей!
Ах, что мне в том, что будут повторять
в веках
Велик и славен был Протесилай! – Когда
Я, в это время, буду оглашать, стена,

Беззвучным воплем берега Стигийские!
Теперь вокруг Трои прежние товарищи
Выходят к новым битвам, тешат бранный
дух,
И копыя мечут, и стучат о меч мечом!
А я, несчастный, обречен идти опять
В жилище смерти, в царство подземельное,
Где день, как ночь, безмолвен, и где ночь
мертва!
Дай мне остаться в жизни! Охрани меня!

Лаодамия.

Я не властна над смертью! Будь же мужес-
твен!
Ты был героем в славный час, героем будь
Теперь вторично, краткой ночью поль-
зуясь.

Протесилай.

О горе мне, несчастному,
Мертвому, погибшему,
Что я? Только тень!
Я звезды вижу милые,
Яркие, блестящие,
В синей вышине.

Вижу огонь, что качается
В легком, всходящем дыму,
Милый, любимый огонь!
Воздух я пью опьянительный,
В душу входящий легко,
Как золотое вино!

О, неужели черные,
Твердые, недвижные,
Своды лягут вновь,
И снова меж товарищей
Молчаливых, сумрачных,
Буду я блуждать?

Там асфодели унылые

Кроют поля без конца,
Белой, как снег, пеленой,
Там в нердеющем сумраке,
Призраки бродят толпой,
Взорами дико вода!

Горе мне! Горе мне! Горе мне!

Лаодамия.

Ты обо мне не думаешь, Протесилай?

Протесилай.

Горе мне! Горе мне! Горе мне!

Лаодамия.

Ты на меня не посмотрел, Протесилай!

Протесилай.

Горе мне! Горе мне! Горе мне!

Лаодамия.

Мою любовь ты позабыл, Протесилай!

Протесилай.

Что до любви мне, умершему!

Лаодамия.

Хочешь, с тобой не расстанусь я?

Протесилай.

Путь мой закрыт для живущего.

Лаодамия.

Путь себе смертью открою я!

Протесилай.

Страшно в обители Тартара.

Лаодамия.

Сладко быть вместе с возлюбленным.

Протесилай.

Так говорят, не изведавши!

Лаодамия.

Ведаю все и приемлю я!

Протесилай.

Со мной ты хочешь вместе в темный Ад
сойти?

Лаодамия.

Хочу не расставаться я с тобой вовек!

- Протесилай.** Ты умереть согласна, чтоб со мною быть?
- Лаодамия.** Хочу я быть с тобою, даже смерть прияв!
- Протесилай.** Там только тени, призраки и видимость!
- Лаодамия.** Но там твой облик милый и возлюбленный!
- Протесилай.** Из Ада к жизни нет вовеки выхода!
- Лаодамия.** Мне выхода не надо, если мы – вдвоем!
- Протесилай.** О верная подруга! Лаодамия!
Я начинаю верить в то, что есть любовь!
- Лаодамия.** Тебе дала я клятву и сдержу ее:
Я никому другому не отдам себя!
- Протесилай.** Дай снова клятву, что при блеске утреннем
За мною в Тартар ты за мной последуешь!
- Лаодамия.** Клянусь богами, больше никогда с тобой
Мы, связанные клятвой, не расстанемся!
- Протесилай.** С тобой и в Аде сладко, Лаодамия!
- Лаодамия.** Отдай мне мечь: укажет дорогу мне.
- Протесилай.** Возьми мой мечь: он верно мне в бою служил.
- Лаодамия.** Тебе сослужит службу он последнюю!
- Протесилай.** Мне кажется, я в этот миг, как прежде, жив!
- Лаодамия.** Мне кажется, я в этот миг уже мертва!

- Протесилай.** О, дай теперь лобзаньем мне припасть к тебе!
- Лаодамия.** Лобзаний нам не надо: нас целует смерть.
- Протесилай.** Твой милый стан руками охватить позволь!
- Лаодамия.** Его обнимешь слаще ты в стране теней!
- Протесилай.** Дай руку мне, чтоб вместе мы могли идти!
- Лаодамия.** Моя рука простерта и тверда, как мечь!
- Протесилай.** Я чувствую блаженство беспредельное.
- Лаодамия.** Мы победили Тартар и как боги мы!

Они припадают друг к другу в поцелуй, когда возникает явление Гермеса.

- Гермес.** Протесилай! Светает! Близок час зари.
- Протесилай.** Бессмертный, ты явился, чтоб вести меня?
- Гермес.** Я исполняю волю бога высшего.
- Протесилай.** Вы жребий добрый выбрали, бессмертные!
Там, на Олимпе, вы в чертогах мраморных,
Пируете беспечно, и ваш весел пир!
Разносит Геба с Ганимедом ревностным
Вам пьяный нектар, сладкую амбросию,
И тешат музы вас беспечною пляскою!
Увенчаны цветами, гордо мните вы,
Что нет предела бесконечным празднествам.
Как нам, не угрожает вам, сынам небес,

Подземный Тартар, страны залетейские,
Где облики умерших бродят в вечной тьме,
Стена, грызя ладони, в тщетной ярости!
Но вспомните, что прежде Хронос цар-
ствовал,
И столь же был надменен, столь же ра-
достен.
Но свергнут он с Олимпа в бездны мрач-
ные!
Услышьте ныне и мое пророчество!
Сильнее Громовержца некто явится,
У скал Колхидских он орла убьет стрелой,
Освободит Титана, что безвинно там,
Прикован, изнывает; тайну тайн узнав,
Низвергнет Зевса с высоты в земную
глубь,
А вместе с Зевсом – вас, его прислуш-
ников,
И, нас, несчастных, вспомнив, в темный ад
сойдет
И к новой жизни выведет страдающих.
И нам он скажет: вы терпели, мучились,
Но царству смерти наступил конец: теперь
Изведайте, как боги, жизнь бессмертную!
Мы будем в свете, в бесконечной радости,
А вы во мраке, в черных безднах Тартара,
Тогда над вами, боги, посмеемся мы!

Гермес.

Землерожденный! Дурно говоришь ты! Вам
Веления бессмертных должно свято чтить.

Протесилай.

Я чту веления Зевса – за тобой иду.
Ведь ничего не будет хуже Тартара!

Гермес.

Дай руку мне, мятежник неосмысленный!

Протесилай.

Вот здесь рука, и видишь: не дрожит она!

Гермес.

Сказать жене ты можешь раз еще: прости.

- Протесилай.** Свою ты клятву помнишь, Лаодамия?
- Лаодамия.** Я клятву помню, и ее исполню я!
- Гермес.** Довольно медлить! Не осталось времени.
- Протесилай, Лаодамии.** Я жду свиданья.
- Лаодамия, Протесилаю.** Скоро мы увидимся!
- Протесилай, Лаодамии.** Я – твой!
- Лаодамия, Протесилаю.** И я – твоя!
- Гермес.** Довольно! Время в путь.
- Гермес и Протесилай исчезают.*
- Лаодамия, одна.** Протесилай, прости! Не обману тебя.
 Тот больше жить не может, кто, подобно
 мне,
 Взглянул очами в очи, Ад узревшие!
 Я чувствую, что больше мне не весел мир.
 Мне стал понятен жизни ужас горестной,
 Ведущей смертных к одному концу всегда!
 Избегнуть можно горестей и бедности,
 Болезней, рабства, разных неисчетных бед,
 Но, рано или поздно, все мы, в свой черед,
 На ложе неутешном будем смерти ждать.
 И если каждый должен умереть в свой час,
 Возможно ль кратким сроком счастья
 тешиться?
 Тот, кто услышал, что сейчас появится
 Гермес, богов посланник, и возьмет его,
 Любовной лаской нежиться захочет ли?
 А разве мы не знаем все, что смерть нас
 ждет,
 Возьмет нас властно, уведет с собой во
 тьму,

Что в этот мир мы временно отпущены?
Мы срок недолгой жизни все должны сме-
нить
На бесконечность подземельной тяготы,
Всем будет жизнь казаться промель-
кнувшим сном,
А смерть – единой правдой! – Трудно ль
мне теперь
Исполнить клятву смерти? Я к тебе иду,
Протесилай любимый! Буду я делить
С тобой твои томленья, страх унылый твой,
С тобой скитаться буду там, где Стикс
молчит.
Как здесь вязала нас любовь единая,
Так там единой смертью будем связаны!
Владычица Геката! На алтарь тебе
Я приношу, как жертву, самое себя!
Богиня смерти! Мой благослови удар!

Поражает себя мечом.

От шума упавшего тела пробуждаются прислужницы.

- Первый полухор.** Кто позвал сестры? Простонал кто-то.
Чей-то зов, сестры, прозвучал явно.
Страшно нам, сестры, мы дрожим в страхе!
- Второй полухор.** Кто лежит, сестры, распростертый в прахе?
Горе нам, сестры, узнаю облик!
То – она, сестры! О сестре плачьте!
- 1-ая из хора.** Царица неподвижна; возле мечь лежит.
- 2-ая из хора.** Она не дышит. Грудь пробита. Умерла.
- 3-ья из хора.** Разлуки с мужем не могла снести она.
- Предводительница хора.** Кто знает, что свершилось здесь, в ночной
тиши.

Третий стасимон.

Строфа I.

Хор.

Мы первые почтим слезами
Царицу нашу!
О, еслиб был у нас венок
Из алых роз!
Мы возложили бы на тело
Наш дар посмертный!

Антистрофа I.

Она была несчастней многих,
Хотя царица!
Но было счастье земли
Не для нее!
Во всякой доле должно было
Ей быть несчастной!

Строфа II.

Юными губами чуть коснулась ты
Кубка жизни милой, и уже в ладье
Ждет угрюмый Харон, скоро ль дашь обол.
Танатос суровый ночью здесь прошел
И унес добычу нежную с собой.

Антистрофа II.

Верим: в темном Аде ты нашла того,
Здесь о ком грустила день и ночь, – всегда.
Сладостно быть вместе с тем, кто сердцу
мил,
Даже там, где грозной Персефоны дом.
Даже в царстве стонов сладок поцелуй!

V.

Хор. Потом Фрасон и Тимандр.

- Предводительница хора.** Нам должно брата известить о бедствии.
- 4-ая из хора.** Как вестница несчастная во дворец пойду.
Уходит.
- 1-ая из хора.** Не явно ль гнев бессмертных над дворцом висит?
- 2-ая из хора.** Беда одна не ходит: за царем жена.
- 3-ья из хора.** Она богов гневил: боги страшно мстят.
- 2-ая из хора.** Она вчера с колдуньей совещалась здесь.
- 3-ья из хора.** Опасно смертным за покров судьбы
взирать.
- Предводительница хора.** Молчите, сестры! Фрасон из дворца идет.
- Фрасон, входя.** Кто, кто виновник преступления дерзкого?
- Предводительница хора.** Никто. Сама царица подняла свой мечь.
- Фрасон.** Кто видел, что свершилось?
- Предводительница хора.** Не видал никто.
- Фрасон.** Сестра возлюбленная! Ты страстей своих
Смирять рассудком не умела. Яростно
В тебе любовь горела, как костер огня.
И слишком тесно было в сердце пламени.

Приближается к телу.

Чей этот мечь?

Предводительница хора. Не знаем.

Фрасон. Памятен он мне...
Но это мечь Протесилая! Как сюда
Он мог попасть! Иль мертвый из страны
теней
Явиться мог в Филадельфию за своей женой?
Кто вынес из могилы бранный мечь царя,
Чтоб им сразить царицу в тишине ночной?

Предводительница хора. Вчера царица долго совещалась здесь
С одной колдуньей...

Фрасон. Говори, что знаешь ты!

Предводительница хора. Мне кажется, колдунья обещала ей
Свиданье с мертвым.

Фрасон. И оно исполнилось!

Предводительница хора. Быть может, здесь совершилось не-
бывалое.

Фрасон. Ужасные сомненья душу зыблют мне!
Сразил ли призрак женщину безумную,
Иль пред разлукой новой, трепеща, сама
Она клинком хотела излечить тоску?

Предводительница хора. Что было здесь, вовеки не узнаем мы.

Тимандр, появляясь. Я о несчастье получил известие.
Должны принять мы меры, чтоб царицы
смерть
Бедой не отразилась в целом городе.
Вы, как царице, ей воздайте почести,
Ее оденьте снова в платье брачное,
Она была невестой больше, чем женой,

И похороним мы ее как девушку.
И я, по праву, как ближайший родственник
Царя, приемлю над Филакой скорбной
власть.
Не должен город без царя быть день один.
Пусть граждан созывают на собрание!

1-й страж, за сценой. Сограждане, на площадь! Призывает царь.

2-й страж, за сценой. Сограждане, на площадь! Дело важное!

За сценой шум сходящегося народного собрания.

Тимандр. Идем на площадь, Фрасон! Долг зовет туда!

Тимандр и Фрасон уходят.

Прислужницы поднимают и несут во дворец тело Лаодамии.

Эпод.

Хор. Час последний, час губящий, близок, близок смертный час,
Стерегут седые парки, человек, твой каждый шаг!
Нити вьются и крутятся, лезвее к ним склонено,
И рукой старухи водит Мойра, правящая всем.
Злаки, звери, люди гибнут, камням вечность не изжить,
Над семьей богов бессмертных тайно властвует судьба.
Не ищи бороться с роком, не старайся избежать
Темной смерти, но не должно бега жизни упреждать.
Срок, пока дано дышать нам, милый воздух грудью пей

И в последний миг без страха в очи смерти
посмотри.

1911–1912 г.

ЗЕМЛЯ

Трагедия из будущих времен
в пяти действиях и девяти картинах.

*Эти сцены будущих времен
посвящаю
ясной осени 1890 года,
когда их образы предстали мне впервые.*

Валерий Брюсов

ЛИЦА ТРАГЕДИИ

Мужчины: **Тлакатель**, избранный пожизненным Консулом
Теопикски, мудрец
Неватль, из числа его бывших учеников
Теотль, председатель Ордена Освободителей
Катонтли } ученики Мудреца
Тлацотли }
Окнома } члены Ордена Освободителей
Матсеватли }
Интланель }
Канцлер Ордена Освободителей
Куалли, приближенный Консула
Безумный

Женщины: **Тлан**
Атла
Интла, из Ордена Освободителей
Дух последней колдуньи

**Ликторы Консула, ученики Мудреца, члены Ордена Освободителей,
участники праздника, женщины, прохожие, толпа.**

Действие в Городе Будущих Времен.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена I.

ЗАЛА СИНЕГО БАССЕЙНА

Гигантская круговая зала. Стены строгими линиями уходят ввысь. Вокруг всей залы ярусами расположены галереи. Геометрически правильные арки открывают бесконечные перспективы других покоев и проходов. Посреди залы Синий Бассейн. Нигде никаких украшений. Разлит мягкий ровный свет из невидимых источников.

Группа женщин в ожидании у бассейна. Безумный простерт у одного из портиков.

Одна, подходя. Нет воды?

Другая, из числа стоящих. Давно уже ждем. Дно сухое.

Третья. Вчера тоже долго ждали. Потом вода пошла легкой струей. До половины наполнился.

Четвертая. Пойдет и сегодня.

Вторая. Говорю вам. Если вода начала выходить до конца, значит бассейн пересыхает. Верный признак. Хорошие бассейны всегда полны. Черпай сколько хочешь.

Пятая. Это как! Взять хотя бы бассейн в Треугольной. Я девчонкой бывало бегала туда. Сколько воды было! Бери – не надо! Потом начал высыхать. Ждем, ждем. Пойдет понемногу. А теперь совсем высох. Сами знаете – ни капли.

Вторая. И этот высохнет. Помните.

Первая. Пойти разве к Высокому Переходу? Далеко только...

Шестая. Была там. Тоже ждут. Больше народу, чем здесь.

Мудрец, окруженный учениками, входит.

Мудрец. Привет, дети!

Голоса. Привет, дедушка!

Мудрец. Что собрались здесь?

Третья. Да вот воды ждем. Не идет.

Вторая. Еще бассейн высыхает. И так за двадцать зал ходить приходится. Нет ближе.

Мудрец. А дома что ж не идет вода?

Вторая. Давным давно не идет.

Голоса. И у нас не идет. – Пустые трубы. – И забыли, что дома вода бывает.

Вторая. На моей памяти, кажется, десятый бассейн пересыхает. Их всех-то в светлых залах немногим больше сотни. Скоро все мы перемрем без воды!

Мудрец. Не отчаивайтесь, дети! Предки наши, строители Города, были такие же люди, как мы. В этом Городе, в котором мы живем, в машинах, которые кормят, поят, освещают и греют нас, – нет чуда. Они созданы силой человеческой мысли. Будем учиться, будем искать, – и мы будем такими же чудотворцами, как прадеды. Я знаю

этот бассейн. Случалось, и прежде вода останавливалась в нем надолго, а потом ее опять было, сколько хочешь. Поощрители. Если же вода не пойдет, верьте мне, старику, мы сумеем исправить дело.

Мудрец и ученики отходят в сторону. Женщины угрюмо молчат.

Катонтли.

Ах, учитель, замыкается круг жизни, данный человеку! Мы почти можем осязать последний день, когда последний человек умрет от жажды и от голода в темном и мертвом своем Городе! Опускаются руки, нет сил работать, зная, что служил делу Смерти!

Мудрец.

Дети, нет! Мы служим не делу Смерти, а делу Красоты. Смерть может быть безобразной и может быть прекрасной. Нам, хранителям священного огня, завещанного более счастливыми поколениями, вверен единый долг: не допустить человечество до падения. Мы, поздние, охраняем его закат, как другие, пришедшие первыми, славили его лучезарный восход. Да будет последний день человечества гордой кончиной могучего героя, свершившего свой подвиг, а не яростной смертью затравленного зверя, потерявшего сознание и волю. Наше дело – почти дело погребавших, но умирающий, тело которого должны мы обратить во прах, величайший из всех, кто испускал свой дух на земле: все человечество!

Катонтли.

Что мы можем! Мы едва уберігаем крохи древних знаний, ускользающих из наших рук. Где же нам заботиться о других, охранять гордость человечества! Да и где оно,

человечество! Разве эти женщины люди? Как залы одна за другой отходят к областям Мрака, так в умах людей гаснут один за другим светлые огни мысли, воцаряется тьма. Учитель, нас еще связывает твое присутствие, твой призыв, твой образ. Не будет тебя, мы тоже разбежимся как звери. Мы одичаем вместе со всеми. И в последний день последние люди будут злобно грызться за последние капли воды, утратив дар речи, рыча, ползая. Вот что будет!

Мудрец.

Если я не даром был среди вас, вы исполните мой единственный завет: останетесь людьми в великом смысле слова. В этом все мое учение! Человечество, чей факел долгие тысячелетия горел ярче других во вселенной, не должно утонуть в тусклой темноте варварства. Как я сейчас, – цепенеющими и слабеющими руками держите древний светоч над мглою обставшей и все сгущающейся ночи. И пока останется хотя один среди людей, сознающий свое величие пред лицом Вечности, бесстрашно говорящий «это – я», – верьте мне! – до тех пор земля жива!

Консул, окруженный ликторами, входит.

Консул.

Что за сборище?

Один из ликторов.

Женщины, чего вы ждете?

Голос из толпы женщин.

Воды! Если ты властен спрашивать, будь властен и дать!

Консул.

Почему нет воды в бассейне? Я приказал доносить немедленно, если вода остано-

вится. *Завидя Мудреца.* Старик! Что же твоя мудрость? Бассейны высыхают, лампы гаснут!

Мудрец.

Я, консул, только скромный ученный. Мое дело изучать, а повелевать ты взял на себя. Может быть, ты прикажешь идти воде.

Консул.

Мне времени нет состязаться в остроумии. Но справедливо, чтобы твоя наука служила к чему-нибудь. Иначе она не лучше детской игрушки. Полно, старик, я вовсе не хочу с тобой ссориться. Но изволь выискать в книгах и чертежах, в чем дело в этом бассейне, и исправь его. Ты один можешь это сделать, потому и должен. *К женщинам.* А вы – расходитесь. Что стоять у пустого бассейна! Ступайте в Западную Залу. Там есть вода. Идите!

Хочет идти. Безумный внезапно загорожает ему дорогу.

Безумный.

Покайтесь! Ибо приблизилось царствие Божие.

Консул, вздрогнув.

Я приказал, чтобы за этим человеком был присмотр! Он – болен.

Безумный с хохотом убегает. Консул, продолжая свой путь, уходит. Женщины медленно расходятся.

Тлацотли, в негодовании.

Для того ли человечество прожило миллионы лет, для того ли достигло свободы всех и равенства всех, чтобы в последние годы своей истории опять вернуться к рабству, к разделению на господ и рабов! И ни у кого из нас нет настолько острого кинжала...

Мудрец. У народов всех времен, всех языков, всех стран всегда был тот образ правления, какого они достойны. Цепи нельзя наложить, их только принимают добровольно. Если человечество утратило свободу, значит оно недостойно ее.

Тлацотли. Он тебе приказывал!

Мудрец. И я исполню его приказание.

Катонтли. Стоит ли заботиться об этом бассейне! Больше что он может дать это – продлить жизнь человечества на одно поколение. И это ценой унижительной работы!

Мудрец. Не презирай работы. Работа – прекраснейшее, что есть на земле. Человек, который трудится, являет всю красоту своего тела; который трудится для других – и всю красоту души. Дети, помогите мне приподнять опускную дверь.

В отдалении гул голосов, переходящий в приветственные крики.

Голоса учеников. Что это? – Кричат. – Имя Неватля. – Опять Неватль. – Ближе, ближе.

Мудрец всматривается. Некоторые из учеников бегут на крики. Из перехода показывается небольшая группа людей, восторженно несущая на руках Неватля.

Голоса несущих. Слава! Слава! Слава!

Неватль, завидя Мудреца, соскакивает на землю, спешит к нему, становится перед ним на колени.

Мудрец. Сын мой, мы все боялись, не погиб ли ты.

Неватль. Я жив! Я спасен! Вся земля спасена!
Я видел! Видел! И все будут видеть!

Мудрец. Успокойся, объясни, тебя не понимают.

Неватль. Я сам себя не понимаю. Мне кажется, я еще вижу его, ослепительное, пламезарное, в огненном венце, бога! И небо вокруг, бесконечное небо, бесконечность! Бесконечность, в которую падаешь, падаешь, не ожидая дна.

Тлацотли. Друг, приди в себя и расскажи нам просто о своем новом странствии. Куда ты исчезал так надолго, что ты видел?

Неватль, несколько успокоенный.

Учитель, то, что я сделал, вдохновлено тобой. Если бы я не знал тебя, у меня не было бы ни знания, ни сил, ни воли. Я расскажу все сначала. Я давно сознал, что жить дальше, как мы теперь живем, невозможно. Жизнь человечества – вымирание. Искусственные светлы, зажженные нашими дедами, гаснут, и мы не умеем затеплить их вновь. Машины, приносящие нам воду, готовящие нам пищу, обновляющие воздух, и все другие – останавливаются, и мы не в силах исправить их. Надо найти новую жизнь, надо вывести людей на новые пути. Я искал. Давно ищущ. Я углублялся в темные залы, надеясь за ними найти свободную землю или, может быть, другой осколок человечества, который полнее сохранил мудрость древности. Я проходил сотни зал, сколько раз, заблудившись, не знал пути назад, сколько раз спасался почти чудом, но везде был мрак, везде были – безмолвие

и смерть. Я, разбитый, теряющий надежду, возвращался в наш маленький оазис.

Мудрец.

Мы все ценили твои подвиги.

Неватль.

Было время, я дошел до отчаянья. Я переставал верить. Но вдруг меня озарила мысль: нельзя ли найти выход не в сторону, а ввысь? Нельзя ли пробиться к свободе из нашего Города не через стены, а через крышу? Я решил сделать опыт. Я решил предпринять новое путешествие, – не в темные залы, а в верхние этажи Города. Мы живем в двух-трех этажах. Для обезлюдевшего человечества этого довольно. С третьего этажа начинается пустыня. Люди не поднимаются выше. Мы даже утратили способность подниматься выше. О! Я должен был приучать себя к высоте: к бесконечному ряду убегающих ступеней, опьяняющему взор, к ужасу пропастей, над которыми кружится голова... Я добился того, что человек опять посмел смотреть и ввысь и с выси вглубь!

Тлацотли.

Друг! Не томи нас! Все это мы знаем. Говори о своем странствии.

Неватль.

Когда я поверил в свои силы, я пошел – с решимостью достичь до самой крыши Города или погибнуть. Это был страшный путь. Дороги там забыты. Подъемники, конечно, не работают. Лестницы частью обветшали или поломаны. В иных местах приходилось карабкаться над бездной. Я шел долго. Несколько раз в пути воля меня оставляла. Беспокойный сон в пустынных покоях почти не подкреплял сил. Наконец у меня вышел запас воды

и пищи. Мне грозила смерть от жажды. С непомерной высоты открывались мне пропасти Города. Я видел иногда толпы людей, как горсти зерен. В верхних этажах надо было идти темными переходами. Меня вел тайный голос, случай, рок. И вдруг, совсем неожиданно, я оказался у громадного окна, выходявшего в бесконечность. Мои заветные мечты исполнились. Впервые после тысячелетий взоры человека опять упали в пространство. Из-за стекла хлынул мне в душу черный простор, усеянный лучезарными сияниями, мириадами блистающих глаз. То были звезды! Я упал на колени. У меня потекли слезы. Мне хотелось молиться, как нашим древним прародителям: молиться светилам. Так я лежал там, простертый, перед звездным небом, не знаю, долго ли. И вдруг случилось чудо. Странное проствещение наполнило темноту небес, огни звезд стали крупнее, лучезарнее, ярче и потом один за другим стаивали с небосклона. Я видел перед собой беспредельность крыш нашего Города, черную их поверхность, грани которой начинали загораться снопами светов. Край неба все пламенел, краснел и белел заревом. И вдруг словно нож вонзился мне в глаза. Я пал ниц. Когда я осмелился взглянуть вновь, — солнце! Солнце! Как кроваво-огненный шар, вкатывалось на круговой небесный свод! В этом победном шаре была последняя красота, о которой все наши легенды, все наши мечты, весь наш бред. В нем была вся жизнь, вся сила, все будущее. Я понял, что оно молодо и мощно, как в первый день, когда светило на куши первоначального эдема. Я понял, что мы

должны только смотреть на него, только повиноваться ему – и оно дарует нам жизнь. И я понял, что Солнце спасет нас!

Катонтли.

Солнце! Ты видел Солнце! О, ты теперь более, чем человек!

Неватль.

Я видел Солнце, и вы все увидите его! Вам возвещаю это и клянусь в этом. Все мы будем видеть Солнце! Я вырву вас из этих мертвых замкнутых галлерей с их искусственным светом, с их приготовленным машинами воздухом! Я поведу вас к Солнцу, к древнему и вечному Солнцу!

Все.

К Солнцу! К Солнцу!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена II.

СОБРАНИЕ ОРДЕНА ОСВОБОДИТЕЛЕЙ

Сводчатая низкая зала в подземном этаже, с одним входом в глубину. Символы смерти на стене. Ослабленный свет.

Тринадцать участников Ордена, мужчин и женщин, разместились на скамьях вокруг стола.

- Теотль.** Пусть встанет новообращенный брат.
- Интланель.** Я здесь.
- Теотль.** Знаком ли ты с капитулом Ордена?
- Интланель.** Я знаю.
- Теотль.** В чем цель Ордена?
- Интланель.** Освободить человечество от позора жизни.
- Теотль.** В чем обязанности братьев Ордена?
- Интланель.** Быть освободителями. Разрешать единый дух от условности множественных тел.
- Теотль.** В чем последняя надежда братьев?
- Интланель.** Когда наступит жданный день последнего освобождения, и не будет на земле никого кроме тринадцати братьев, принять и самому с ними освобождение и возвратиться в Великое Все мира.
- Теотль.** Ты верно говоришь. Но чувствуешь ли в себе истинную жажду свободы, отре-

шился ли от всех других жажд, принес ли в жертву все помыслы единому святому стремлению: разбить узы жизни?

Интланель.

Чувствую. Принес. Хочу одного: быть верным Ордену.

Теотль.

Отказался ли ты ото всех привязанностей вне Ордена, от сыновней любви к отцу и матери, от страстной любви к женщине, от братской к другу? Признаешь ли ты единственными братьями и сестрами – со товарищей по Ордену, единственным отцом – того, кто председательствует? Клянешься ли только их любить, только ему повиноваться?

Интланель.

Клянусь.

Теотль.

Клянешься ли сохранять в последней тайне все, что увидишь и услышишь в Ордене, имена братьев и сестер, наши постановления и решения и те обязанности, которые могут быть на тебя возложены? Клянешься ли выполнять, отдавая делу самую жизнь свою, все, что не повелит тебе Орден? И в случае неуспеха умереть, хотя бы в пытке, но сохраняя тайну святого Общества?

Интланель.

Клянусь.

Теотль.

Канцлер, исполнил ли он все другие постановления, требуемые уставом для новопосвященного?

Канцлер Ордена.

Исполнил.

Теотль.

Встань, Интланель, новый брат наш, на

колени. Властью, полученной мною от предшественника моего, принимаю тебя в наше братство, благословляю тебя, приветствую тебя. Да будет Владычица и Надежда наша, великая Освободительница, благосклонна к тебе.

Все. Да будет!

Теотль. Дайте новому брату поцеловать символ Владычицы.

Канцлер Ордена подает Интланелю знак Смерти.

Интланель, целуя знак Смерти.

Клянусь служить этому символу, пока останутся во мне воля и сознание. Освободительница, Непобедимая, Вечносущая, Единая – поклоняюсь тебе и славлю тебя.

Теотль. Отныне ты брат наш. *Целует Интланеля в губы.* Собрание наше открыто.

Канцлер Ордена.

Почтим память погибшего нашего брата, на место которого выбран тот, чьи речи мы сейчас слышали. Брат погиб, исполняя долг, возложенный на него Орденом. Одиннадцать раз выпадал ему счастливый жребий совершать освобождение – и деяние его оставалось тайной для всех, кроме братьев. Но на двенадцатый раз слуги консула схватили его. Ничто на суде не могло вырвать у него признаний. Мы все видели, как радостно шел он на казнь. Он сам освобожден теперь, возрадуемся за него!

Теотль. Почтим память его нашим веселым гимном.

Все, поют.

Смерть, внемли славословью!
Ты – нетленно чиста!
Сожигают любовью
Твои уста.

Всем однажды предстанешь
Обнаженной ты,
Не солжешь, не обманешь
Ничьей мечты.

Ты на каждое ложе
Припадешь вся в огне.
Лик свой пламенно-Божий
Яви и мне!

С лаской строгой и нежной
Наложу поцелуй,
Уязви безнадежно
И уврачуй!

Счастлив тот, кто изведал
Лезвие твоих губ,
Кто свободен, кто предал
Огню свой труп!

Теотль.

Пусть теперь дадут священному собранию
свои отчеты те, которые исполняли свой
долг. После же да свершится обычный
пир любви и свободы. Окнома, ты говори
первым. Исполнил ли ты?

Окнома.

Исполнил. Я подстерегал его долго, с про-
шлого нашего собрания почти до послед-
него времени. Он нигде не оставался один.
Казалось, он догадывался. Один раз я на-
шел случай с ним заговорить, он задро-
жал. Он боялся меня. У него не было ни
друзей ни любовницы. Он всю жизнь
проводил в толпе, а часы сна – в запертом

покое. Но я постарался овладеть его волей. Я следовал за ним по пятам. Я старался глазами войти в его душу. Я видел, как он, сам не сознавая, боролся с моим влиянием. Наконец, я почувствовал, что довольно силен. Когда он проходил по отдаленной Атлантовой зале, я вдруг приказал ему свернуть в Изогнутый Проход. Он опомнился, лишь когда был уже один. Он хотел бежать, но не знал пути. В безумии он бросился по Прозрачной Лестнице во второй этаж. Я гнался за ним. Я настиг его на площадке. Его лицо было бледно. Он сразу все понял и хотел защищаться. Я накинул ему петлю на шею и сбросил вниз. Он упал по крутым ступеням и пытался ползти вверх. Но я опять толкнул его, и он уже хрипел, и только руки его корчились. Когда я убедился, что он освобожден, я снял шнурок и вернулся обходом, спустился по Звериному Сходу. Его смерть уже известна всем, и многие опять называют наш Орден. Но никаких следов не осталось, и никто не может понять, зачем он зашел в те покои.

Теотль.

Благодарю тебя, брат. Ты поступил, как должно. Пусть говорит сестра Ингла.

Ингла.

Мне жребий указал того, с кем я живу, как с мужем. Я избрала средством освобождения яд. В каждую чашу воды, в каждый прием пищи вливала я капли яда. Он заметил скоро, что жизнь его разрушается, и первая его мысль была о яде. Он стал бояться всех, кроме меня. Он доверял только мне. Он спрашивал меня, слышала ли я об Ордене Освободителей. Я смеялась, говоря, что это – досужие басни. Но

он качал головой и во всех подозревал членов Ордена. Одно время он уверился, что его отравляет моя сестра. Как-то раз она подала ему питье. Он с первого глотка закричал, что питье отравлено, схватил ее, грозил ей судом, звал меня, умоляя спасти. Я успокоила его и дала ему выпить воды с каплями яда. Он призывал к себе лекарей, но наши яды слишком тонки для их знаний. А он отказывался пить их лекарства, уверенный, что они отравлены. Близился час нашего собрания. Надо было спешить. Я удвоила приемы. С ним стали делаться припадки. Он корчился от болей, кляня своих отравителей и благословляя меня, что я не покидаю его. Он целовал мне руки, чтобы я не отходила от него, чтобы все для него совершала сама. И вот только-что, как яд закончил свое дело. Я уверилась, что мой долг исполнен, и поспешила в наше святое братство. Верно, что он не жив более, он – наш.

Теотль.

Он освобожден. Благодарю тебя, сестра Интла. Теперь говори ты, Матсеватли. Исполнил ли ты долг брата?

Матсеватли.

Нет.

Теотль.

Ты не исполнил? Ты не успел? Тебе не удалось?

Матсеватли.

Я не исполнил, потому что не пожелал.

Теотль.

Брат! У всех нас только одно желание – исполнить волю Ордена...

Матсеватли.

Выслушайте меня, сестры и братья! Я по доброй воле пришел к вам. Мне казалось, что нет другого пути, как путь Смерти.

Мне верилось, что высшее благо – освободить до конца всемирную душу, заточенную в призрачность многих тел. Я творил волю Ордена со страстью. Я подчинялся ей с умилением. Я молился о приближении последнего часа. Но настало время, и мной овладело сомнение. Я почувствовал вдруг, что есть иные пути, может быть еще закрытые, но доступные. Я усомнился, что наша дорога единственная. Усомнившись, я не мог действовать. Я стал колебаться. Я стал искать. И вдруг грянула надо мной речь Неватля. Сестры и братья, слышали ли вы его? Он, видевший солнце, говорил о возрождении, о новой жизни, о новом человечестве. Словно тяжкий металл, который плавится, сгорела моя душа от его слов. Я ужаснулся сам на себя. У меня разум помутился, когда я подумал, что мы, быть может, заблуждаемся. Я не бежал от вас, нет. Я не предал вас, вы видите. Но я принес вам мои сомнения, выслушайте меня, судите меня.

Теотль.

Брат Матсеватли, ты виновен уже тем, что усомнился. Верный брат не должен колебаться. Но, чтобы укрепить тебя, я напому тебе основные наши истины. Во дни, когда совершалась творческая работа Земли, когда она создавала новые виды существ, когда человек расширял области своих владений извне и области своего познания в себе, – долг человека был помогать работе Природы. Тогда человек был строителем, как сама Земля. Позднее, когда человечество достигло своей зрелости и воздвигло этот Город, населенный сотнями миллиардов живых,

когда оно вырвало все тайны у Природы и у Души, – задачей человека стало удерживать свое положение на этой высшей из доступных ему ступеней. Человек был тогда охранителем. Но вот настало падение, разрушение созданного, утрата добытого, вымирание человечества и земли. И, верные своей матери – Природе, мы ныне должны помогать ее обратной работе. Во имя ее законов мы должны стать разрушителями. Наш Орден – лишь воля Природы, лишь рука Рока! Образумился ты, брат?

Матсеватли.

А что, если мы были слепы? Что, если Природа молода и могуча, как и в дни, когда она рождала ихтиозавров и китов, когда земля дышала вулканами и омывала себе груди океаном? Что мы знаем о Природе, мы, похороненные в закрытом гробу, отрезанные от солнца и от живого воздуха? И если небо и свободные дали грозят нам смертью, то ведь и все упования наши – только смерть. Не лучше ли бросить свою жизнь на огненный костер мировых пыланий, чем испепелить ее на красных углях нашего мрака? Братья! Почему не понести и нам свою душу в огневую печь солнца?

Канцлер Ордена.

Он говорит против Ордена. Пусть замолчит.

Голоса.

Он хорошо говорит. Пусть продолжает.

Теотль.

Безумный! Понимаешь ты, на что воссташь? В час, когда уже близко освобождение, ты вместе с другими хочешь бросить человечество в новый позор переживаний

и перевоплощений! Братья! Почему вы онемели все?

Матсеватли.

Бросить душу в радости жизни – вот чего хочу. Вот какая заря забрезжила мне в словах Неватля! Увидать перед собой снова бесчисленные поколения, в которых может отзываться эхо наших имен! Опять знать, что женщины носят во чреве надежды мира. Опять чувствовать, что любовь не бесплодна! Это ли позор?

Канцлер Ордена.

Он кощунствует!

Женский голос.

Он – прав!

Теотль.

Довольно! Властью председателя повелеваю лишить его жизни. Он – враг Ордена.

Некоторые, нерешительно.

Враг Ордена! Враг Ордена!

Другие голоса.

Мы за него! – Он верно говорит! – Это – насилие!

Часть членов окружает Матсеватли и обнажает кинжалы. Сам он безоружен. Около Теотля остается только Канцлер, Интла и Интланель.

Голоса, из числа, окруживших Матсеватли.

Довольно с нас одного тирана! – Ты поработал нас. – Я должен был убить родного брата. – Я – сестру. – Я – мать! – Довольно убийств! Довольно крови!

Канцлер Ордена.

Это мятеж? Вы хотите сокрушить Орден, стоящий восьмое поколение?

Голоса.

Довольно! – Вы обманывали нас! – Мы не

хотим смерти! – Жизнь! Жизнь! Да здравствует Жизнь! – Да здравствует Неватль! – К солнцу! К солнцу!

Канцлер Ордена.

Кто со мной за Великую Освободительницу? *(Обнажает кинжал.)*

Теотль.

Стой! Властью председателя повелеваю тебе остановиться. Так вот ваши истинные мысли, друзья! Зачем же вы таили их столько времени: Зачем же прикидывались верными? Вам нравятся зачатия и рождения, крик младенцев, и опять первые поцелуи и опять первые объятия – вся сказка тысячелетий и миллионов лет! Вам хочется паутины жизни, серой и липкой, которая оплела бы землю и вновь заткала бы внутренний свет освобождения, которого вы не видите, которому предпочитаете грубые лучи солнца! За радостные миги, когда вы кричите от сладострастия, вы готовы заплатить всеми жизнями страданий, унижений и позоров и себя самих и своих детей. Малодушные, подойдя к цели, вы не посмели сделать последнего шага, потому что вам страшны все последние шаги! Вас издали поманили приманкой, и вы, все забыв, как звери, побежали за ней. И это вы кощунственными голосами только-что пели священный гимн, не понимая его слов! Люди, люди, до каких пределов я вас презираю!

Матсеватли.

Мы заблуждались и презрели.

Теотль.

Вы слепы от рождения. У вас есть лишь внешние глаза, которые опьяняются красками и лучами. Тот свет, который зрим мне, свет, лучи которого черные, и кото-

рый как вечная рама для вашего малого солнечного сияния, – он не доступен вам. Живите еще сотню или тысячу или сто тысяч лет! Все равно ваше солнце погаснет, все равно ваша жизнь прекратится, все равно цели нашего Ордена исполнятся, но уже не по вашей воле, а против вашей воли. Я звал вас к свободному выбору, к царскому венцу, вы предпочли рабские цепи и удар секирой на плахе.

Голос.

Теперь мы тебе кричим: довольно!

Теотль.

Я кончил. Великой Освободительнице не надо слуг, подчиняющихся ей лицемерно. Она сама сильнее всех сил и не нуждается ни в чем служении. Все покорится ей. Властью председателя, принятой мною от моего предшественника, объявляю Орден Освободителей прекратившимся.

Ингла.

Что ты делаешь! Ты не имеешь права!

Теотль.

Объявляю Орден Освободителей прекратившимся и разрешаю вас всех от клятвы. Идите каждый своим путем.

Матсеватли.

Друзья! Все прошлое да станет как сон! Нас давил страшный кошмар, мы проснулись. Нам жутко посмотреть в лицо друг другу, но мы сейчас родились для новой жизни. Идем!

Поспешно уходит. Все за ним следуют, одни торопливо, другие нерешительно. Теотль стоит неподвижно.

Канцлер Ордена.

Так как Орден по точным правилам капитула упразднен, я считаю себя разрешенным от клятвы.

Теотль. Конечно, конечно, иди за другими.

Канцлер Ордена не глядя ни на кого удаляется.

Теотль, к Интле. Что же ты, сестра?

Интла. Я останусь с тобой!

Теотль, к Интланелю. А ты?

Интланель. Я презираю жизнь, я ненавижу свет. Хочу Мрака и Смерти, хочу исчезновения всего. Дозволь мне быть с тобой.

Теотль. Дайте мне руки, верные! Дайте мне руки, служители и жрецы Смерти! Она улыбается нам из своих вечных бездн.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена III.

В ЛИКЕЕ

Просторный зал Ликеея. Стены уставлены книгами, фонограммами, научными инструментами. Скамьи для слушателей.

Мудрец в глубоком кресле. Ученики толпились вокруг него.

Мудрец.

Дети! Сегодняшний урок наш кончен, но каждый раз мне все труднее расстаться с вами, не сказав вам напутственных слов. Я очень стар, дети. Я, может быть, старше всех на земле. Мне каждый час, какой я живу, кажется последним, каждое слово – моим завещанием. Храните мой завет, дети: будьте людьми! Мы – разумные обитатели земли – поставлены на грани. После миллионов лет исторической жизни мы, по сущности, те же, что в первые века своего существования, когда ученые искали первых истин, когда, разделенные на государства, народы враждовали между собой и подымали друг на друга братоубийственные руки из-за призрачных благ и прав. В своих душах, перегоревших в опыте канувших тысячелетий, мы можем узнать наследие тех времен и даже глубже, дальше, до смутных пожеланий пещерного дикаря. Сверхчеловек, о котором мечтали наши предки, не пришел! Человек остался человеком! Как было прежде, как было всегда на земле, мы телом – звери, мы духом – небожители. Мы слышим близко шаги бесплотных, но нам нет путей в их мир. Земля – планета

среди планет, и человек – ее лик, ее голос. Пусть каждая планета являет свой лик во вселенной, звучит отдельной струной в мироздании. Сохраним же в себе сознание, что во всем человечестве – единая земная душа, что смена поколений – только возрасты нашей жизни, что раздельность наших личностей – только органы великого тела. Нет ничего выше, как познать, разгадать самого себя, быть в полноте собой! Вознести человечество до высших ступеней, доступных ему, идти своей дорогой между звериным и божеским – вот задача человека. Не поддаваться соблазну – ни кинуться в бездну, ни вознестись ввысь – вот его гордость. Не исступление провидца и не слепота трезвого ума, а сознательное прозрение – вот наша цель. В здешних символах мы должны постигать нездешнее. Вселенную мы должны видеть взором человека. Но – постигать! Но – видеть! Дети! Будьте людьми!

Один из учеников.

Стук в дверь.

Мудрец.

Узнай, кто.

Один из учеников, отворяя дверь.

Кто там?

Неватль.

Я хотел бы говорить с учителем.

Голоса, почтительно.

Неватль...

Неватль.

Учитель, мне надо говорить с тобой.

Мудрец.

Дети, прощайте. *Ученики расходятся.*
Я давно ждал тебя. Говори.

Неватль.

Я не говорил с тобой с того часа, как ты видел меня, опьяненного моим видением – Солнцем. Я тогда уже знал, что приду к тебе. Но я медлил. Тебе я вручил все мои надежды, всю мою заветную веру, и мне было страшно сделать решительный шаг. Но откладывать дальше нельзя. Решай же, – ибо только ты здесь властен, – судьбу всех нас, всего человечества!

Мудрец.

Может быть, я угадываю твою мысль. Но скажи до конца.

Неватль.

Учитель! Не рассказывать нам друг другу, к чему пришли люди. И ты и я, мы с ужасом измеряли те пропасти, в которые жалко сорвалось человечество, оба мы видели, что оно падает глубже, все глубже, стремительно, как камень, и, с безнадежностью отчаяния, мы пытались – тщетно! – остановить падение. Где человеческое искусство? По тем скудным остаткам, которые хранятся в еще непогасших залах, мы знаем, чем было искусство прошлого, его живопись, его вааянье! А не назовешь же ты творчеством скоморошеские изделия нынешних подражателей древним образцам или слагателей гимнов в честь консула! Что наша наука! У тебя десять или пятнадцать учеников. А одних отраслей знания, разработанных прошлыми тысячелетиями, несколько сот! Один из твоих учеников займется одной наукой, второй другой, третий – третьей, а кому ты поручишь остальные? Трое-четверо будут изучать три-четыре мертвых языка и их литературу, а все другие языки, тоже великих эпох и народов, кто сохранит знание их? Мы не в силах даже удержать

то малое, что передали нам отцы и деды, их доспехи раздавливают нашу грудь. Этот Город покрывает всю землю, в нем миллионы зал, а мы занимаем несколько сот. На земле могли бы жить сотни миллиардов людей, нас, по последнему подсчету, всего два миллиона! Число рождений сокращается с каждым поколением. Женщины выкидывают, не доносив. Если рождаются живые младенцы, они хилы, и большая часть умирает в детстве. Среди нас почти нет детей, как впрочем почти нет и стариков. Мы – предпоследний род. С нашими детьми погибнет все человечество.

Мудрец.

Не продолжай обвинительной речи. Ты сам сказал, что все это мне столь же больно, как тебе. Перед тобой скрывать не надо: мы обречены. Человечество вымрет, как вымерли на земле животные и птицы, – жалкий и безобразный конец! И я только притворяюсь, что могу спасти людей от позора!

Неватль.

И я так думал, и я покорялся, с бешенством, как узник, грызущий цепи, но покорялся – долго, до того самого дня, когда увидал глазами небо и солнце. Мои скитания были отчаяньем, у меня уже не было надежд, я шел только потому, что когда-то решил пойти. Мое тело повиновалось какой-то прежней воле. Но когда звездное пространство влилось в мою душу, когда взоры мои испили солнечного света, бывшего недоступным нашим отцам, я весь переродился. Я понял нашу смертную болезнь и понял, в чем наше исцеление. Мы – порождение земли, мы – ее дети, и можем жить и цвести лишь

прикасясь к земле. Оторванные от нее, мы должны умереть, как цветы. Мы покрыли землю плитами, ее нет для нас, мы загородили небо крышей, мы заменили солнце нашими лампами, свободный воздух – искусственным. И вся наша жизнь стала чудовищной химерой, все вывернулось, все исказилось. Что было так просто, так явно нашим предкам, жившим на просторе полей, – в нашей полумгле стало сложным, стало неверным, стало безумным. В нас убито чувство жизни, и мы полюбили смерть! Мы отреклись от былой жизни, но не были в силах создать иную. Было время, когда вся земля весной одевалась ковром свежей травы, цветов, листьев. В этих мириадах зеленых порождений не было двух созданий тождественных, во всем одинаковых. Если бы нас, убивших жизнь земли, заставили делать то же, мы работали бы годы, будь нас как прежде миллионы миллионов! А природа к осени, как росточитель, бросала все свои сокровища в грязь, топтала их, засыпала их могильными снегами. Наша мысль изнемогает в поисках, как спасти человечество – но путь один: вернуть его природе. Выйдем из нашей добровольной тюрьмы, бросим свои груди в ветер, окунемся в солнечный свет и в ночные тени, и Великая Мать возродит нас, воззовет нас к новой весне, как бывало вызывала зелень трав и деревьев!

Мудрец.

Я плачу, слушая тебя. Но зачем ты говоришь это мне? Чтобы еще раз унижить меня, показать, как бессилён я с моими крохами познания, добытого потом, с болью. Я давно унижен самим собой, я давно

чувствую себя во прахе, опозоренным своим бессилием, своим неумением. Бей еще раз!

Неватль.

Учитель! Я не более как твой скромный ученик, запомнивший слова твоих уроков. Я был едва юношей, почти мальчиком, когда в этой самой зале Ликейя читал ты нам об **устройстве Города**. Много не осталось в моей памяти, но одно я запомнил очень верно. И это то, что крыши над нашими залами и галереями – **подъемные**. Я помню очень хорошо, ты показывал нам чертеж того крипта, где сосредоточены все машины, направляющие жизнь Города. И вот этой самой рукой, – она и тогда была такая же сухая, старческая и властная, – ты указал на одну точку и сказал нам: «Здесь рычаг, которым можно сдвинуть крыши с трехсот комнат.» И ты долго говорил о мудрости тех, кто строили этот Город, чья мысль заставила чудовищные тяжести подчиняться движению небольшого рычага, скрытого в недрах земли.

Мудрец, встает с волнением.

Ты хочешь... А ты знаешь... А ты понял, что будет следствием?

Неватль.

Что? Жизнь человечества вновь под небом, вновь под Солнцем. Рухнет завеса, отделяющая нас от вселенной. Из нор мы вырвемся на простор. Ветер, свет зари, быть может благодатный дождь хлынут на нашу грудь, и мы оживем, как мертвое зерно, чтобы расцвести новым цветком во вселенной!

Мудрец, в экстазе.

Так вот к чему Судьба берегла мою дряхлую жизнь! Безумец, как я не понял давно, что предстояло сделать! Как эта мысль давно не сожгла мне душу ослепительным пламенем или как не вползла в нее жалящей змеей! Да, только одно и оставлено нам!

Неватль.

Ты согласен! Ты понял! Ты можешь! Человечество спасено!

Мудрец.

Человечество спасено. Оно будет спасено одним ударом. Нет! Не распадется оно как брошенный труп, как гниющий прах! Зажжем погребальный костер! Высший долг, который Судьба посылает человеку это – быть палачом! Покорствуй Року, старик, и подыми жертвенный нож на брата! Прими человечество у новых огненных врат, пред новым эдемом, опять у древа жизни! Плачь, плачь старик, ибо ныне насытишь ты свою неутоленную жажду Красоты, – до пресыщения.

Неватль.

Я тебя не понимаю, учитель...

Мудрец.

Я исполню твой замысел, сын мой.

Сцена IV.

ПОГАСШАЯ ЗАЛА

Полный мрак. На сцене Теотль.

Интланель, издалека. Теотль! О-о-о! Теотль! Отозвись!

Молчание.

Интланель, снова кричит. О-о-о-о! Неватль! Если ты здесь, отозвись. Я – друг! О-о-о!

Теотль. Кто зовет?

Интланель. Это ты, Теотль?

Теотль. У меня более нет имени.

Интланель. Где ты? Иду к тебе. Как я не догадался сразу, что ты должен быть здесь! В этой зале прежде свершались служения Освободительнице. Здесь ее статуя и алтарь.

Теотль. Это ты, Интланель?

Интланель. Это – я. С самого дня, как ты исчез, я ищу тебя. Я обошел все ближние залы. Я боялся, что ты ушел далеко, прочь от светлых зал.

Теотль. Я уйду. Мне более нечего делать среди людей. Пусть празднуют свое возрождение. Есть гордость в том, чтобы пережить свое поражение. Но следующая ступень гордости не позволяет оставаться на потеху и на сожаление победителей.

Интланель. Еще нет никаких победителей.

Теотль. А что же происходит? Разве работы не начались?

Интланель. Неватль властвует всем. Его имя у всех на устах. Его мысль поднять крышу кажется всем откровением. Народ уверен, что тотчас наступит эра вселенского счастья. Встречаясь в залах и проходах, люди обнимаются, плачут. Старик спрашивает десяток помощников и хвалится с их помощью поднять какими-то машинами крыши с трехсот зал.

Неватль. И что же?

Интланель. Консул решительно противится. Спуск к подземным машинам в его руках, и он отказывается допустить к ним. Но я думаю, что консула свергнут. Мятеж растет открыто. Когда консул идет по залам, окруженный ликторами, ему грозят, его поносят бранными криками. Если он не сдастся, ему не устоять.

Теотль. О! Будь уверен! Люди добьются своего, если только они почувяли, что дело идет об их жизни! Я думал завершить работу тайных братьев, я думал еще своими глазами увидеть великое освобождение земли. Нет! Начинается новый круг безумств и страстей, веселий и страданий, больше всего страданий. Опять завертится калейдоскоп тех же мыслей, из которых каждая с каждой уже попадала во все возможные сочетания! На несколько тысячелетий продолжится многоцветное раздробление единой земной души, смешная игра в жизненный театр мужчин и женщин, которые все воображают, что только в них-то, в них, —

в первый раз расцвела во вселенной любви. Опять и опять будут гоняться люди за призрачными, выдуманнными целями и, достигнув их, умирая в торжестве, хватать лишь ускользающую тень.

Интланель.

Учитель! Я пришел заклинать тебя не уступать. Именно теперь надо бороться или будет поздно. Пока еще не совершилось это возрождение, надо внезапным ударом достичь своего! В тебе одном достаточно сил, чтобы объединить Новый Орден – и не в тринадцать, а в тридцать или в триста членов. И прежде, чем мечтания Неватля свершатся, наша цель будет достигнута: земная душа будет свободна.

Неватль.

Поздно! Желанием жизни отравлены сейчас все сердца. Старый яд загорелся в крови людей с новой силой. Никто сейчас не поймет, как прекрасна Смерть – ее единство, ее безмолвие, ее умиротворяющий холод! Смерть и Мрак – два великих начала, пред которыми свет и жизнь, блестящие красок и пляски атомов, – лишь случайные мгновения. Кто заглянул в черный колодец Смерти, не оторвет уже глаз от его всеуспокаивающей глубины. Мысль о Смерти овевает таким покоем мятежную душу, что уже нет возврата к другим страстям. Любовь к Смерти покоряет всю душу, этой любви отдаешься до конца! Смерть! Смерть! Владычица! Я посмотрел в твои очи, и все другие глаза слишком бледны с тех пор для меня, – твой взор проник мое сердце как сталь. Прими меня на свою всеобъемлющую грудь!

- Интланель.** А дело наше погибнет?
- Неватль.** Возвращайся ты к людям, живи среди них, храни наши заветы. У меня нет более сил на борьбу и суету. Мне давало силы сознание, что близко завершение, но я не могу всю жизнь только ждать. Моя душа изнемогла в узах! Жажду освобождения.
- Интланель.** Я останусь с тобой – здесь.
- Теотль.** Нет, ступай к людям, чтобы не умерло великое учение. Меня же предостав этому победному мраку и близости свободы. Я свято служил Владычице. Я вправе прийти к ней с молитвой о успокоении. Дай руку. Прощай! Иди!
- Интланель.** Я не могу тебя оставить.
- Теотль.** Ты, верный Освободительнице, ты боишься вверить меня уединению с ней? Стыдись! Твои слова не достойны брата!
- Интланель.** Ты приказываешь?
- Теотль.** Приказываю.
- Интланель.** Повинуюсь. Прощай! Будь свободен!

Уходит.

Теотль, некоторое время молчит, потом становится на колени и поет гимн.

Смерть, внемли славословью!
Ты – нетленно чиста!
Сожигают любовью
Твои уста.

Всем однажды предстанешь
Обнаженною ты,
Не солжешь, не обманешь
Ничьей мечты.

Ты на каждое ложе
Припадешь вся в огне.
Лик свой пламенно-Божий
Яви и мне!

С лаской строгой и нежной
Наложи поцелуй.
Уязви безнадежно
И врачуй!

Счастлив тот, кто изведал
Лезвие твоих губ,
Кто свободен, кто предал
Огню свой труп!

*Синеватое сияние возникает от полу, колеблясь возносится
облаком и принимает образ красивой девушки с мечом в руке.*

Дух последней колдуньи. Неватль! Внемли мне!

Теотль. Вот оно – мое безумие!

Дух. Более века назад я жила в этом покое.
Я была последней колдуньей на земле.
Последняя знала я тайные слова заклятий,
как вовлекать в наш земной круг демонов,
духов и призраков. Последняя из людей
вырывалась я по воле из условий тела
и блуждала, еще при жизни, в том мире,
где я ныне. Но времена человечества уже
были сочтены. Души умерших людей, очи-
щенные в горниле испытаний, возноси-
лись в высшие сферы, и все меньше духов
оставалось близ этой планеты. И с ними

вместе покидали ее демоны. Гибли знания магов. Никто уже не умел читать вещей книг, написанных на языке атлантов. Я сама узнала от своей матери только обрывки откровений, которыми вполне владели мои предшественницы. Мне же некому было передать и этих скудных тайн, одинокая и всем чуждая томилась я среди людей и, пройдя безрадостную жизнь, унесла свои знания с собой в погребальную урну. О, тяжело в этом образе, но слушай!

Теотль.

Дух, я спокойно впиваю каждое твое слово, но ответь мне: обрела ли ты освобождение?

Дух.

Я извела поцелуй Смерти. Но он не дал мне того освобождения, о котором мечтаешь ты, человек. Тело мое сторело в огне, и около пепла поныне витает моя смертная тень, мой призрак теперь говорит с тобой, сохраняя всю память о прошлом, моя душа мучится искуплением грехов моей жизни, и лишь мой вечный дух вознесся к последним высотам, утратив свое «я», чтобы слиться с Вечным началом. Но краток мой рок; должно мне торопиться. Слушай. Дано мне возвестить земле последнее прорицание. Не по твоей воле и не против воли твоих врагов, а по жребию Рока настали часы Смерти. Исполнились времена земли. Четырежды, по числу четырех материков, сменялись земные расы. В каждой из них семь раз скипетр духовного державства переходил из рук одного племени в руки другого. У каждого из них было свое назначение: явить новый лик истины, доступной уму человека. Каждое было новой ступенью

в самопознании земного духа. Все ступени пройдены; все лики явлены. Для человека нет более путей вперед, нет более задач, и вот почему он должен исчезнуть. Что недовершено здесь, будет dokonчено иными существами в других мирах. Твоя темная жажда Смерти была лишь предчувствием. Оно не обмануло тебя. Встань, человек, иди к людям. Тайная твоя надежда воплотится. Ты увидишь последние миги человеческого рода. Ты увидишь предсмертную судорогу земли. Ты, ликующий, примешь ее последний стон. Вижу, вижу, близко – мгновение Конца. Ужас! Ужас! Ужас! Наваленные тела, сонм полуотрешившихся душ, кошмар предсмертных мыслей... Не хочу видеть! Отпусти меня! Прощай!

С тихим стоном исчезает.

Теотль, приходя в себя.

Бред или откровение? Но – да будет так!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена V.

ГАЛЛЕРЕЯ ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА

Невысокая галерея. Через сводчатые арки видны, далеко внизу, пустые залы первого этажа.

Неватль идет навстречу Тлан.

- Тлан.** Ты пришел!
- Неватль.** А что же ты думала? Мне тоже надо было говорить с тобой.
- Тлан.** Ты прежде не встречал меня такими словами. Ты стал горд с тех пор, как твое имя повторяет весь город.
- Неватль.** Я всегда жил только собой, Тлан. Я думал, что ты меня лучше знаешь. Моя душа создана одинокой, и мне некуда выйти из этого одиночества. Те, кого я люблю и ценю, – во мне. Что же мне значат их приветствия и хвалы! Нет, если я стал другим, то не потому, что теперь все от меня ждут чуда, а потому, что сам почувствовал в себе силу чудотворения.
- Тлан.** Вот как. Ты создан одиноким. Ты мне не говорил этого, когда, бывало, обнимая, клялся мне, что со мной первой узнал, что значит близость двух. Постой, постой, я помню точно твои слова. Ты говорил: «Мы последние люди, Тлан, мы при конце, как первая эдемская чета была при начале. В их поцелуях было предчувствие всех страстных ласк грядущих миллионов

лет, в наших – слились все неисчислимые блаженства прошлого, все сладострастные вскрики и стоны, какие слышала земля. Быть последним столь же прекрасно, как первым. Наша любовь – цветок, завершающий стебель человечества.» Да, ты мне говорил это. И твои слова были для меня прозрачны, как кристалл, я видела сквозь них твою душу, твою одинокую душу, в которой была – я!

Неватль.

Я пришел не спорить, Глан. О чем можно спорить доводами рассудка, когда решает чувство. Ведь ты не потребуешь с меня, чтобы я говорил тебе слова, каких у меня более нет. Да, я не забыл, что мне казалось последней надеждой всю душу утопить в нашей любви, сжечь жизнь на костре нашей страсти. Но вдруг для меня разверзлись такие необъятные дали, что я почувствовал себя потерянной песчинкой в просторе мироздания. Знаешь, с высоты сотого этажа нашего Города я взглянул вниз и в этом колодце увидел как маленькое пятно, как кольцо с мизинца, всю громадную Залу Народов. Такой открылась мне с моей высоты наша любовь, казавшаяся прежде безмерно громадной, когда я стоял в ней. Может быть, я оборвусь опять вниз, упаду опять в страсть, в любовь, но этого клейма высоты уже ничто не выжжет из моей души!

Глан.

А! До чего безжизненны твои слова! И это ими-то ты увлекал за собой толпу! Ты проповедуешь жизнь! Врач, исцелился сам! Зовешь к обновленной жизни, а сам только рассуждаешь. Да, ты поднялся высоко, так, что стал уже выше самой жиз-

ни! Шагнул слишком далеко, так что вся ценность бытия осталась сзади! Ты, спасающий человечество, во имя чего спасаешь? Что будут делать люди в твоём новом эдеме, если они изберут образцом тебя? Да не надо нам жизни, если в ней не будет любви, страсти, ярости, отчаянья, а лишь одно величие! Пусть умирает земля, – лучше, чем ей стать бесполом призраком во вселенной!

Невагль.

Тлан! Тлан! Ты язвишь меня больно, как огонь. Но ты не права. Ах, я не ставлю себя образцом для других. Я принял подвиг, который должен был принять один из нас. Да, сердце мое – кусок мрамора, мои страсти – пепел в погребальной урне! Я – одержимый. Я несусь, покорный чужой воли. Кто-то другой говорит из меня. Я **должен** прокричать свои слова, **должен** совершить свое дело. Быть может, я погибну, но я брошу других, брошу все человечество именно в тот мир, к которому ты призываешь: в хаос страсти, всех безумий, отчаянья и восторгов. Вижу обетованную страну, чувствую, что не вступлю в нее сам, но веду к ее пределам мой народ.

Тлан.

Лицемер! Не лги хотя бы мне! О, эти слова о любви к человечеству! Басни, которыми обманывают женщин, а слабые – самих себя. Сделай так, чтобы ты знал мир иначе, чем через **свои** глаза, чем **своим** слухом, чем **своей** мыслью. Сделай так, чтобы все вещи не располагались вокруг тебя, как своего средоточия. Тогда поверю, что ты не считаешь себя, и только себя, царем вселенной, что твое желание для

тебя последний закон! Будь смел, чтобы
сознаться в этом – хотя бы самому себе!

Неватль, подумав.

Может быть, я опьяняю себя своими мыслями и словами. И я был не прав, говоря о своей любви к человечеству. Но вот слушай мою последнюю истину. Нет у меня в душе никакого тщеславия, нет суетного желания заставить повторять свое имя в грядущих тысячелетиях. Что мне в гуле молвы, которого я не услышу? Но воистину иная страсть затмила своим ослепительным сиянием мою любовь к тебе. Это страсть – к Земле. Что такое человечество, что его наука, его искусство, как не выражение духа Земли? Наши истины, наши страсти были бы непонятны существам иной вселенной. И в глубине всего человеческого – всегда Земля, единая наша мать Земля. Когда я понял это, не умом, а именно чувством, именно страстью, во мне зажглась такая любовь к Земле, на какую я не знал, что душа моя способна. Никогда с таким упоением не припадал я к тебе, Тлан, как прижимаю теперь к своей груди все века Земли, прошлые и будущие. Я почувствовал в своих жилах кровь не только всех бесчисленных поколений, дышавших до меня, но и первых обитателей этой планеты, чудовищ навсегда забытых эпох, я почувствовал в себе душу людей, и зверей, и растений! Душа эта воззвала во мне: живи! И чтобы сохранить эту жизнь, это вселенское бытие, я пожертвую всей иной страстью, всей личной любовью. Мне выбора нет. Это – воля судьбы. Прощай, Тлан!

Поспешно уходит.

Сцена VI.

БОЛЬШАЯ ДВОРЦОВАЯ ЗАЛА

Зала Одиннадцати Статуй. Роскошное убранство.

*Празднество. Группы мужчин и женщин. Несмолкаемый говор.
Куалли, скрывая торопливость, подходит к Консулу.*

- Куалли.** Я должен говорить с тобой.
- Консул.** Говори.
- Куалли.** Не здесь.
- Консул.** Я не люблю скрываться.
- Куалли.** Дело идет о твоей жизни.
- Консул.** Я не очень дорожу ею. Говори.
- Куалли.** Я узнал, что мятежники переменили выбранный час.
- Консул.** Да, сейчас они уже шумят на площади.
- Куалли.** Ты знаешь?
- Консул.** Я жду, что они будут в этой зале с мига на миг.
- Куалли.** Если ты все знал, как же ты допустил до этого?
- Консул.** Я слежу за мятежом давно. Он собирает вокруг себя все новые и новые волны. Для него сумасшедший замысел сбросить крышу только предлог. Истинная причина – ненависть к моей власти. Народ все равно,

что зверь. Если я ему уступлю в одном, он потребует другого и не успокоится, пока не растерзает меня. Моя единственная сила в том, чтобы не уступать ни в чем.

Куалли.

Но позволь мне с верными загородить входы.

Консул.

Их полмиллиона, нас – сто человек. Когда прежде в распоряжении правителей были войска, выученные подчиняться слову, привыкшие к безвольному повиновению самому звуку приказа, борьба с мятежом была возможна. Много веков уже нет армий. Наступил всемирный мир. С того времени сила правителей в обаянии их личности, в мощи их воли. Если это обаяние еще есть у меня, мне оружие не нужно; если воля толпы сильнее моей, мне не одолеть народа ударом кинжала.

Куалли.

Что же ты хочешь делать?

Консул.

Ждать. *(Делает знак.)*

Звучит музыка. Пары начинают скользить в мерных движениях танца. Консул смешивается с толпой. Несмолкаемый говор.

Долетающие отрывки разговоров.

Мое сердце больше не может ждать, и если ты не ответишь теперь мне... – Но, говорят, они нарочно называют этот час, в самом деле же... – Всегда устаю от музыки, вот пережиток варварства... – Куалли шептался не случайно с консулом, поверь мне... Смотри, смотри, вот потеха, как запыхалась эта старуха... – Просто Неватлю воткнуть за углом кинжал в спину и свалить на освободителей... – Но

понимаешь ли ты это простое слово
«люблю»?...

За стеной слышен сильный шум, топот шагов, угрожающие крики. Музыка смолкает. Все в недоумении останавливаются. В дверях показываются испуганные лица.

Голоса. Где консул? Где консул?

За стеной шум борьбы.

Консул, появляясь. В чем дело?

Ликтор, раненный вбегает.

Консул! Беги! Мы не можем более держаться. *(Падает.)*

Консул. Кто позволил обнажить кинжалы? Куалли, прекрати тотчас схватку.

Куалли удаляется. Зала медленно пустеет.

Куалли, возвращается. С тобой хочет говорить Неватль.

Консул. Пусть войдет.

Неватль появляется в дверях.

Консул. А, новый вождь народа, трибун, мой преемник. Здравствуй.

Неватль. Ошибаешься, консул. Я не вождь народа, я – его уста, которыми он говорит к тебе. Народ требует, чтобы ты исполнил известную тебе его волю. Требует, потому что начало всех прав в человеческой жизни никто другой, как человечество. Предоставь же ему распорядиться своей судьбой,

как оно оставляет тебя распоряжаться твоей личной жизнью.

Консул.

Я мог бы тебе кое-что возразить о том, где начало прав, и правда ли, что прихоть толпы есть истина. Но послушай, оставим напыщенные речи риторам. Ведь мы с тобой знали друг друга детьми, подростками. Помнишь то время, Неватль?

Неватль.

И мы оба тогда мечтали с тобой о благе человечества! Вспомни наши восторженные беседы!

Консул.

Что ж, я не совсем изменил этим детским мечтам. Я взял в свои руки власть, чтобы вести людей по мягкой и тихой дороге. Я завязал им глаза и устилал цветами их путь к погребальному костру.

Неватль.

Но теперь им открывается другой путь – к брачному ложу! Они сорвали твою повязку с глаз! Им не нужно твоего сладкого хмеля, они предпочтут горькую и трезвую воду истины! Ты думал об наслаждениях людей, но забыл, что у них есть долг. Прозри теперь и сам и подчинись этому долгу!

Консул.

Видишь ли, друг. Выше всех истин всегда для меня стояла одна святыня – мое «я». Ведь и истинность чего-либо я признаю лишь потому, что я в этом уверен. «Должен» и «не должен» только условности, как правое и левое. Но и это «я» распадается на бесчисленность мигнов, из которых каждый только-что был призрачным будущим и вот уже стал несуществующим прошлым. Единственная непре-

ложность – миг. Не говори же мне о долге и о истине. Их нет. Есть только вот этот миг, когда мы стоим друг против друга, мы, друзья детства, теперь враги на смерть, стоим, и я вижу, как мое лицо повторяется в твоих зрачках.

Неватль. Мы теряем время. Теперь час не разговоров, а ответов. Скажи, подчинишься ли ты воле народа?

Консул. Ты говоришь велеречиво, как истый трибун, и осанка у тебя, как у древней статуи.

Неватль. Мне надо только одно слово: да или нет.

Консул. Мне так нравилось стоять выше всех, что я теперь не сумею примириться с низшей долей. Я иду по такой узкой тропе, что каждый шаг не вперед – для меня падение в пропасть. Нельзя соединить в одно: и властвовать и повиноваться.

Неватль. Ты произносишь свой смертный приговор. Я сам буду не в силах спасти тебя.

Консул. Не бойся. Я свободен. Вот на этом пальце перстен, самая древняя вещь, которая сохранилась на земле, и та капля, которая скрыта под этим блестящим камнем, делает меня неуязвимым для толпы. Я говорю на ее требования: нет.

Неватль. Подумай еще.

Консул. Тогда я сам буду говорить с народом.

Идет к дверям и раскрывает их. Крики удивления.

Консул.

Люди! Повелеваю вам разойтись. Мне лучше вас известны ваши нужды. Оставьте свои безумные замыслы. Делайте свое дело, работайте и веселитесь, а судьбу человека предоставьте тем, кто выше вас. Зачинщики мятежа будут строго наказаны, другим же обещаю мое прощение.

Дикие крики.

Смерть тирану! Смерть консулу! Долой!

Толпа врывается в залу угрожая оружием.

Неватль.

Друзья, не надо убийства, остановитесь!

Консул.

Ты победил, Неватль, но я был последним властелином на земле! Предрекаю: тебе не быть моим преемником. *(Быстро выпивает яд и падает мертвым.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена VII.

ЗАЛА ПЕРВЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ

Гигантский купол в недрах земли. Слабый свет. Едва различимы части мощных машин, многообразные цилиндры, многообхватные трубы, сцепления колес и винтов.

Голоса приближающихся.

Сюда ли? – Темно. – Сил больше нет. – Тише, здесь пропасть. – Проклятая лестница. – Ты завел нас! – Не выбраться отсюда. – Нет, вот свет, глядите, глядите.

Голос Мудреца.

Дети, уже теперь совсем близко. Я помню эту дорогу, хотя прошло много, о много времени – с тех пор, как я спускался в эти глубины. Прошла вся моя жизнь, ибо я сходил к этим таинственным машинам с моим учителем, мудрым Нельтилицтли. Там, наверху, рождались и умирали люди, боролись и падали побежденными, сменялись поколения, но здесь в вечной тиши все также стучали Первые Двигатели, покорные мощным волям, приведшим их в движение. Узнаю их ровный голос. Сюда, сюда.

Показываются, сходя по крутой лестнице: Мудрец, Неватль и до десяти спутников.

Мудрец.

Смотрите! Смотрите! Вот они эти Первые Двигатели. Человек поработил силу, скрытую в самых недрах его планеты, наложил ярмо на центральный жар Земли. И вот тысячелетия назад приведены в движение эти дивные машины и поныне продол-

жают свой мерный предустановленный ход. А там в верхних залах их незримая работа дает нам свет, льет воду в наши бассейны, переменяет воздух в наших галереях. О, мудрость наших предков, великих строителей Города, властителей стихийных сил! Вы совершили свой долг пред вселенной, люди! Вы овладели Землей, данной вам в обладание, вы познали ее тайны, вы слили ее в одно целое, вы утвердили связь человека с его планетой! Да, человечество исполнило свое назначение – и может отойти с миром.

Неватль.

Учитель, мы здесь не для слов смерти, а для дела жизни. Укажи нам, что делать.

Мудрец.

Да, да, да! Правда. Мы здесь для дела жизни. Мы пришли спасти человечество. Дети, видите вы это зубчатое колесо? Три тысячелетия оно оставалось недвижимым. Вы должны повернуть его ровно в пол-оборота. Но это не слишком тяжело, вы не бойтесь. Приступайте к работе. Вот так. Вот так.

Пришедшие начинают с усилиями поворачивать колесо.

Мудрец, молитвенно.

О, мудрый Нельтилицтли, учитель мой! Я исполнил переданный тобой завет. Я принял покорно твой жезл руководства. Я вел человекoв, по пути, намеченному судьбой, пока не открылось мне мое последнее назначение. Почему я, малый и ничтожный, избран был для величайшего дела! Тяжесть подвига давит мне рамена, но моя седая голова поднята высоко.

Неватль.

Учитель, я задыхаюсь от счастья. Я не

знал, что есть мгновения такого блаженства. Здесь, в этой подземной тьме, я словно чувствую, как струи свободного воздуха вливаются в мою грудь. Все мое тело исполнено трепетаниями новой жизни. Чувствую безмерную жажду бытия, которую кажется не насытят и тысячи жизней!

- Один из работающих.** Колесо движется!
- Другой.** Колесо движется!
- Все.** Оно движется, вертится, вертится!
- Мудрец.** Еще, еще, еще. Стойте. Довольно. Стойте. Свершилось!
- Неватль.** Повтори еще раз. Я брежу. Я не понимаю слов. Теперь люди видят небо?
- Мудрец, задыхающимся голосом.**
Они увидят его скоро. Увидят навсегда, чтобы никогда не возвратиться в темницы. Земля, – твой круг замкнулся.
- Неватль.** Что ты говоришь. Что с тобой. Ты шатаешься.
- Мудрец.** Ныне отпускаеши. *(Падает мертвым.)*
- Один из работавших.** Упал!
- Другой.** Он не дышит. Он умер.
- Третий.** Но мы не найдем дорог без него из этого лабиринта. Мы все погибнем в этих подземельях.
- Неватль.** Друзья мои! Что значит, если мы и погиб-

нем. Мы пережили величайший миг, какой знали люди на земле. Мы вернули жизнь человечеству. Как новые праотцы, мы начали новый род на земле. Мы вдохнули дыхание бытия в окоченевшую землю. Замиравшее сердце бьется снова! Пусть умерли мы! Но мы живы в бытии нашей планеты, в ее мечтах, в ее сознании. Нет, не пустая гробница полетит дальше своим путем вокруг солнца, а опять юная, воскресшая, исполненная страсти Земля. Свершилось чудо воскресения. Радуйтесь, люди!

Сцена VIII.

У КАТОНТЛИ

Небольшая комната. Книги, планы, карты.

Атла подходит к Катонтли, погруженному в работу.

Атла. Довольно ты работал. Отдохни.

Катонтли, подымая голову.

Да, довольно. Я все кончил. Вот пишу последнее слово. Пусть лежит здесь эта рукопись. Если когда-либо житель иных миров посетит нашу землю и войдет в этот покой, вот эти листы расскажут ему все о последних днях земли.

Атла. Ты говоришь странно. Пугаешь меня.

Катонтли. Не обращай внимания. Я говорю сам с собой. Я в самом деле слишком устал.

Атла. Ты не пойдешь в большие залы? Там, говорят, такая толпа, что нельзя двигаться.

Катонтли. Нет, я хочу провести все часы с тобой. Дай мне посмотреть на тебя. Помнишь, как – уже давно теперь – мы встретились в первый раз? Помнишь, на празднике в Зале Народов. Как в старых книгах, я тоже почувствовал сразу, что вся моя жизнь с этого мига – в тебе. Сердце мое сжалось просто какой-то телесной болью. И против моей воли, во весь тот праздник, куда бы ты не шла, мои глаза следили за тобой. Я ловил себя на этом и смеялся.

Атла. А я тебя боялась. Мне сказали, что ты

ученый, и мне все казалось, что я говорю с тобой не так. А потом мы гуляли вдвоем по галлереям третьего этажа. А потом ты меня поцеловал в первый раз, я помню хорошо, у статуи Свободы. А еще потом...

Катонтли.

И знаешь, в те первые дни, при всем моем блаженстве, что ты моя, я не любил тебя так, как теперь. Тогда я любил тебя именно за это блаженство, за счастье страсти, которое ты давала мне. Ах, тогда я ужаснулся бы твоей смерти! Я отдал бы все, все, только чтобы ты жила. Теперь я люблю тебя чище, совершенней. Теперь я люблю тебя за тебя. Теперь моему чувству все равно, жива ты или нет. Теперь моя любовь выше смерти.

Атла.

Что ты все говоришь о смерти?

Катонтли.

Прости, это виноваты книги, какие я только что читал.

Стук в дверь.

Атла.

К тебе кто-то пришел.

Катонтли.

Я не буду говорить ни с кем. Поцелуй меня и иди к себе. Теперь уже время уснуть. Ложись и я тотчас приду к тебе. Я хочу ласкать тебя теми нашими первыми ласками. Ступай.

Снова стук в дверь. Атла уходит. Катонтли отворяет дверь.

Теотль.

Это – я, Теотль. Ты не узнал меня?

Катонтли.

Теотль? Ты жив? Зачем ты здесь?

- Теотль.** Я тебе страшен?
- Катонтли.** Нам не о чем говорить с тобой.
- Теотль, почти насильно входя в комнату.**
Я должен спросить тебя. Во мне вещее подозрение. Ты должен знать. Ты любимый ученик старика. Он не скрыл от тебя. Скажи мне, к чему приведет этот безумный опыт с поднятием крыши!
- Катонтли.** Знаешь, мне хочется – не знаю почему – ответить тебе правду. Итак, слушай: к смерти.
- Теотль.** О, мое предчувствие! Ты было правдиво, видение! К смерти! К смерти! Я так и знал. Но говори же.
- Катонтли.** Я не хочу тратить время на объяснения. Времени слишком мало. Слушай. За пределами крыши – атмосферы нет!
- Теотль.** Ты говоришь!
- Катонтли.** За пределами нашего города нет атмосферы. Она рассеялась в мировом эфире. Воздух замкнут только в пределах, отмеренных Крышей Города. Когда подымутся эти непроницаемые для воздуха створы, – тот небольшой его столб, который силой знания еще удержан близ земли, сразу разрежится в несколько десятков раз, и все люди, и мы с тобой в том числе, через мгновение упадем мертвыми, ибо нам нечем будет дышать. Так будет. Ты не дрожишь?
- Теотль.** Я? Мне дрожать перед смертью! Но ты! Но старик! Как решились вы!

Катонтли.

Учитель хотел, чтобы человечество вместо позорной дряхлости узнало гордую смерть. Он хотел, чтобы конец его был красив. Он хотел, чтобы не вырождение совершило свою казнь над людьми, а чтобы они сами были своими добровольными палачами.

Теотль.

Он! Он – хотел этого? Хилый старик, зарытый в книгах? Проповедник приторных поучений? Живое хранилище старых слов о благодати и свете! Как эти тайны могли войти в его иссушенную душу? Как его оскопленная мысль вмещала все величие моей истины?

Катонтли.

Теотль, нам осталось жить очень недолго. Я никогда не любил тебя, но чтил в тебе сильного человека. Как бы ты ни принял мою весть, но оставь же меня провести мои последние миги так, как я хочу. В этот роковой час исполни мою просьбу, как я исполнил твою.

Теотль.

Осталось жить очень недолго? Значит уже измениться ничего не может.

Катонтли.

Разве иначе я сказал бы тебе все. Но слышишь глухой гул: это опускаются противовесы, которыми подымутся крыши. Еще немного и над Городом будет открыто небо. Прощай.

Теотль.

О, вот час, когда можно бы нарушить все обычаи людской вежливости. Но ты мне нравишься, юноша, как и твой старик. Вот где я не ждал найти своих верных. Прощай пред дверью во Мрак!

Уходит поспешно. Катонтли сначала смотрит ему вслед, потом с тихой улыбкой идет к той же двери, куда ушла Атла.

Катонтли (вполголоса). Атла, иду к тебе.

Сцена IX.

ЗАЛА СИНЕГО БАССЕЙНА

Толпа людей в праздничных одеждах. Напряженное ожидание. Непрерывный говор, слышающийся в общий гул.

Все три группы вместе.

В одной группе, голоса женщин.

Сколько осталось ждать-то? – Теперь уже немного. – Я устала, спать захотелось, не уйти ли. – Подожди, ведь очень занято.

В другой группе, голоса мужчин.

Ты слышал, трибуны издали приказ, чтобы все учились владеть оружием. – Пойдут теперь всякие приказы. – Хотят весь народ переделать по своему образцу. – При консуле легче было.

Все три группы вместе.

В третьей группе, голоса мужчин и женщин.

Как увидеть солнце глазами: ослепнешь. – Говорят, оно красное, как кровь. – На старых картинах оно желтое. – Картины выцвели. У одного древнего поэта есть стих: «Солнце, красное как кровь.»

Безумный, появляясь внезапно.

Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие!

Стоит неподвижно, простирая руки.

Голоса.

Что это? – Ах, это тот сумасшедший, разве ты не знаешь. – Что такое он всегда кричит? – Так, бессмысленные слова.

Все три группы вместе.

В первой группе.

Присесть что ли? – Где тут! Повернуться негде. – Пожалуй весь город здесь. – Ну вот! А в Зале Народов сколько? А под Двойным Куполом? А в Красном Проходе? Да везде в открытых залах. – Кажется, у себя никто не остался.

Во второй группе.

Помните мое слово, немного времени пройдет, Неватль провозгласит себя консулом. – Он и теперь распоряжается как государь. – Затем и всю эту историю с крышами выдумали. – И ничего из нее не выйдет, объявит, что опыт не удался и конец. – А ловко сделано!

В третьей группе.

Говорят, есть замечательное собрание картин за Треугольной залой, если идти по Длинному Переходу. – Как же, есть, но эта зала погасшая. – Ах, я боюсь темных зал, никогда не вхожу в них. – Мне бы очень хотелось победить твой страх, и если бы ты мне доверилась...

Безумный.

Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие. (*Убегает.*)

Голоса.

Пора запереть его. – Чего смотрят трибуны.

Еще голоса.

А это кто бежит? – Где, где? – Вот расталкивает людей. – Это – Тлацотли, из учеников старика. – Он хочет говорить. Тише! Тише!

Тлацотли, стоя на парапете Синего Бассейна.

Братья, люди! Выслушайте меня. Не знаю, должен ли я говорить. Но у меня молчать нет сил. Слова разрывают мне грудь. Вопрос идет о всех нас, о всех вас, о всем человечестве.

Голоса.

К делу! Короче!

Тлацотли.

Не знаю, ошибся ли наш учитель, или такова его воля. Но для меня нет сомнения, что опыт, на который мы решились, грозит нам смертной опасностью. И я думаю, надо остановить его немедленно.

Голоса.

Что он путает. Долой!

Голос старика.

Дайте говорить! Юноша, говори!

Тлацотли, задыхаясь от волнения.

Я не стал бы пугать, если бы не был уверен. Для меня это несомненно. Слушайте, люди! Нам обещают, что, когда откроются крыши, мы будем дышать не искусственным, а естественным воздухом, что в наши галереи вольется свободный воздух! Это не так. За пределами нашей крыши воздуха **нет**. Поймите, там, вне нашего Города, воздуха **нет**! Если мы раскроем крыши – наш воздух рассеется в пространстве и мы задохнемся, потому что дышать будет нечем. Час, когда раскроются крыши, будет часом нашей смерти, слышите, смерти!

Голоса.

Вздор! Долой его! Изменник! Из шайки консула.

Другие, нерешительно.

Доказательств. – Тогда остановить дело! –

Послать вдогонку! – Народ не желает!

Тлацотли.

Я допускаю, братья, что учитель ошибся. Я предлагаю тотчас послать за сошедшими в залу Первых Двигателей. Пусть им объявят, что народ отменяет свое решение. Нет воли выше народной. Мы не отказываемся. Мы только откладываем. Пусть вопрос исследуют подробно.

Голоса, заглушая другие. Отменить! Отложить! Послать! Послать!

Теотль, внезапно появляется рядом с Тлацотли.

Люди, поздно!

Голоса.

Теотль! Убийца! Долой!

Теотль.

Молчите, люди. Через миг я отдам себя в вашу власть, если вы захотите. Но вам недолго придется упиваться местью. Что сказал этот юноша, – истина. Нам, человекам, осталось жить всего несколько мгновений. Уже Первые Двигатели приведены в движение. Слышите возрастающий гул противовесов. Через несколько миггов этот черный купол разверзнется, и открытое небо поразит всех вас. Осталось вздохнуть несколько раз, и все мы обратимся в груды почернелых трупов.

Движение ужаса.

Теотль.

На колени люди! Молитесь! Молитесь! Молитесь грядущей Смерти! В единый миг совершится освобождение всей земли! Не будет ни скорбей, ни желаний, ни ужасов, ни призрачных блаженств. Вы достойны своих предков, люди. Одним ударом вы уничтожаете и себя и все прошлые мил-

лионы лет. Скоро, о скоро не станет ничего здесь! – Ни великих мыслей, ни творческих созданий, ни яростных страстей! Ничего! Ничего! Ничего!

Голоса.

А что если правда? – Слышите гул. – Консул предупреждал нас. – Этот проклятый старик. – Жили до сих пор, не открывая крыш!

Смятение в толпе увеличивается. Шум и крики. Одна часть толпы окружила, с угрозами, Теотля. Другая в панике, давя друг друга, бросилась к выходам.

Люди около Теотля.

Что же ты молчал? – Он враг народа! – Полно, это бредни! – Невероятно, все останется постарому. – Доказательств! Доказательств!

Один, среди бегущих, стараясь перекричать их шум.

Бегите в нижние этажи, закройте все опускные двери! Это спасение! В нижние этажи! В нижние этажи!

Юноша, в экстазе, восторженным голосом, на который многие оборачиваются.

Ты ошибся, Теотль! Мы не последние люди. Есть еще другие залы! Там живет истинное человечество. Ему вверена жизнь земли! Оно предстоит за землю перед Творцом. А мы лишь несчастная толпа, заблудившаяся в темных залах, отрезанная от своего ствола ветвь. Пусть погибнем мы, земля – жива!

С потрясающим грохотом купол разверзается. Сноп солнечного света врывается в залу. Мгновенно наступает полная тишина. Многие падают на колени. Женщины рыдают.

- Один.** Слепну!
- Другой.** Это огненный ангел, трубящий в золотую трубу.
- Некто.** Господи! Отец отцов наших! Научи меня молиться.
- Почти все.** Научи нас молиться, Господи!
- Теотль, молитвенно.** Вижу твой исполинский лик, о Смерть. Он смотрит на меня пристально. О блаженство, что вижу твое торжество. Вот ты возносишь на нас всемогущую руку. Рази! Искуплен грех разъединения. Ликует душа, предчувствуя последний миг. Солнце, солнце! Твои лучи не прожгут того мрака, в который ринусь я!

Шатается, хватаясь за грудь. У многих вырывается стон. Затем в диком исступлении все поднимаются на колени. Глаза их расширены, руки простерты. Хотят кричать, но не достает голоса. Иные безумно хохочут. Обнимаясь, судорожно сдавливают объятьями друг друга: Теотль еще продолжает благословлять толпу. Потом и он падает. И медленно, медленно вся стихнувшая зала обращается в кладбище неподвижных, скорченных тел, над которыми из разверстого купола сияет глубина небес и, словно ангел с золотой трубой, ослепительное солнце.

ДИКТАТОР

Трагедия в пяти действиях и семи сценах из будущих времен.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

I. ГЛАВНЫЕ

Мужские роли

Орм – Председатель Центрального Совета, впоследствии Диктатор Земли
Эрм – политический противник Орма, глава оппозиции
Джем – личный секретарь Орма
Иин – Начальник канцелярии Орма
Мирм – знаменитый астроном
Суин – Начальник Высшего розыска, впоследствии Начальник Радио Главного Штаба
Зирм – Главнокомандующий Армиями
Кном – представитель Южно-Африканской Ассоциации Фабричных Рабочих
Лени – политический деятель, член заговора

Женские роли

Кро – жена Орма
Ига – служащая в канцелярии Орма
Вер – член тайного общества
Тас – представительница Южно-Африканской Ассоциации Фабричных Рабочих
Лэр – бывшая возлюбленная Орма

II. ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ

Мужские роли:

Кем – член заговора
Гонн – тоже
Капитан аэронефа

Офицер
Первый депутат от манифестации

III. СТАТИСТЫ

(роли без речей, мужские и женские):

Делегаты Съезда (голоса)

Генералы Штаба

**Второй и Третий депутаты
от манифестации
Первый и Второй члены Президиума
Центр-Совета
Секретари Орма
Секретари Съезда**

**Первый и Второй обитатели
планеты Венера
Милиционеры (обезьяны-шимпанзе)
Толпа за сценой
Стражи**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена I.

Обширная площадка Лестницы Народов, где направо – поворот ко Дворцу Совета.

По сторонам – два плоских возвышения, служащих станциями для аэронефов.

Эрм скрыт в нише. Слышно пение и топот ног. Манифестация поднимается по лестнице.

Хор голосов, поющих гимн.

Наше владение – Земля,
Небо – наши пределы!
Люди – одна семья.
Работа – общее дело.
Наши владенья – Земля.
Небо – наши пределы.

Джем быстро сбегает справа по лестнице, дает свисток.

Появляется отряд милиционеров.

Джем командует.

**Загородите вход! Не пускайте никого!
Развернись в шеренгу!**

Милиционеры шеренгой загораживают вход снизу.

Голоса снизу.

**Нас не пускают! Товарищи вперед!
Пройдем силой!**

Джем став на правое возвышение.

**Товарищи, остановитесь! Мы не можем
вас пропустить. Члены Совета заняты**

крайне важным делом, им нельзя мешать.

Голоса. Наше право! Мы хотим передать резолюции.

*Некоторые пытаются силой взобраться на площадку,
милиционеры оттесняют их вниз.*

Джем. Товарищи! Выберите депутацию из трех лиц. Их мы пропустим.

Голоса, негодующе. Право петиции! Право манифестации!

Новое столкновенье.

Милиционеры вновь остаются победителями.

Джем. Постановлением от вчерашнего дня Совет принял чрезвычайные полномочия. Манифестация перед зданием Совета допущена быть не может. Выберите депутатов.

Пауза. В толпе внизу ропот.

Отдельный голос. А наши депутаты будут допущены в Совет?

Джем. Обещаю вам это.

Голоса. Хорошо, мы согласны.

*Толпа совещается. Слышны отдельные возгласы.
Джем наблюдает.*

Принято! Принято!

Джем, милиционерам. Пропустите троих! *(Показывает три пальца.)*

*Милиционеры дают пропуск трем депутатам. Мирм
протискивается вслед за ними. Милиционеры его не пускают.
Борьба.*

Джем, сойдя на площадку.

Трое! Я сказал – трое! (*К Мирму.*) Товарищ, вы также избраны?

Мирм.

Простите. Но я специально явился с обсерватории Северного полюса. Необходимо, чтобы я представил свои доводы.

Джем, к дерутатам.

Он также избран депутатом?

Один из депутатов.

Мы трое составляем тот Президиум, который редактировал резолюцию. Этого товарища мы не знаем.

Эрм, выступая.

Стыдно, товарищи, если вы не знаете Мирма, одного из величайших ученых нашего времени.

Джем, в некотором смущении, Мирму.

Вы – Мирм?

Мирм.

Я – Мирм.

Джем, гневно, Эрму.

А вы кто такой? И почему вы здесь?

Эрм, спокойно.

Однако вы, Джем, легко забываете старых друзей.

Джем.

Вы – Эрм. Извините. Но, во-первых, я вас считал где-то в Тибете. Во-вторых, было отдано распоряжение никого сюда не допускать.

Эрм.

Во-первых, я Вошел сюда до вашего строгого распоряжения. Во-вторых, я был в Тибете почти два года, но вчера вернулся в столицу.

Джем.

Чтобы опять интриговать против нас?

Эрм.

Этот вопрос мы пока оставим. Не забывайте, вас ждут. Что же, пропустите вы в Совет астронома Мирма, участника первой экспедиции на планету Венера, который, конечно, больше всякого другого может дать полезные указания?

Джем, официально.

У меня определенные полномочия. Могу пропустить только троих депутатов от манифестации. (*К депутатам.*) Товарищи, вы можете идти наверх, я сейчас же иду за вами. (*Мирму.*) Вы, товарищ Мирм, дождитесь здесь, я сообщу вам решение Совета. (*К милиционерам.*) Более не впускать никого. И отсюда не пропускать наверх. Загородите вход к Совету. Так. Я скоро вернусь.

*Депутаты ушли. Часть милиционеров загородила вход направо.
Джем последовал за депутатами.*

*На площадке, со всех сторон огороженной милиционерами,
Эрм и Мирм.*

Эрм.

Я вас сразу узнал, Мирм, хотя не видал уже десять лет.

Мирм.

Я десять лет не выезжал из нашей обсерватории. Но извините, я не вспомню, при каких обстоятельствах мы с вами...

Эрм.

Десять лет назад я был еще очень могод, слушал ваши конференции после вашего возвращения из знаменитого путешествия, участвовал на банкете в вашу честь, но вы не могли меня заметить, хотя я был вам представлен. Может быть, позже вы слышали обо мне. Мое имя – Эрм.

Мирм, стараясь вспомнить.

Эрм?

Эрм.

Эрм, бывший председатель Бюро центр-Учета. Одно время газеты были переполнены моим именем, когда я вел борьбу с Ормом.

Мирм.

Извините. У нас не было времени читать газеты. Едва успеваешь следить за *Ученными записками* астрономических обществ. Наука делает такие колоссальные завоевания...

Эрм, почти перебивая. Если вы меня не знаете, это неважно. Скажите, почему же теперь вы покинули ваш излюбленный полюс и явились сюда.

Мирм.

Мы узнали о проекте Орма.

Эрм.

Все же из газет?

Мирм.

Вероятно. Мне сообщили коллеги. И я счел своей обязанностью явиться, чтобы объяснить всю неосуществимость проекта.

Эрм.

Вы считаете замысел Орма неосуществимым?

Мирм, увлекаясь.

Разумеется! В чем сущность проекта, насколько мне известно? Ввиду того, что Земля более не в состоянии прокармливать свое население, предложено колонизировать планету Венеру и переселить на нее в конечном итоге до двух миллиардов человек. Я был первым человеком, вступившим на почву этой планеты. Наша экспедиция была несчастлива. Из всех ее

участников вернуться мог я один. Остальные были истреблены аборигенами...

Эрм, нетерпеливо.

Профессор! Подробности вашей экспедиции теперь знает каждый школьник. Она уже стала историей.

Мирм.

Извините. Две позднейшие экспедиции подтвердили наши наблюдения. Обитатели Верены – существа дикие и злобные, полуживотные; они не уступят ни квадратного метра своей почвы без войны. Это – первое. Далее, климатические условия жизни на Венере губительны для человека: нестерпимый зной, прерываемый чудовищными ливнями и грозами, постоянные землетрясения и многое подобное. Это – второе. Наконец, техника постройки междупланетных кораблей еще не настолько совершенна...

Эрм, прерывая.

Короче, профессор, вы хотели говорить в Совете против проекта?

Мирм.

Это мой долг ученого и гражданина.

Эрм.

Теперь понятно, почему Джем не хотел пропустить вас и не допустит в Совет.

Мирм.

Извините. Мне это все же непонятно.

Эрм.

Вы наивны, как настоящий ученый. Орму надо, чтобы Совет принял его предложение. Зачем же допускать такую авторитетную критику, как ваша?

Мирм.

Я предполагал, что первоначально вопрос должен быть всесторонне обследован.

- Эрм.** Да вы Орма знаете?
- Мирм.** Это председатель Центро-Совета.
- Эрм.** Я лучшие годы жизни потратил на борьбу с ним. Его я знаю лучше, чем себя. Что он решил, то он исполнит. Если наука против – тем хуже для науки. Если все человечество против – тем хуже для человечества.
- Мирм.** Простите. Но, кажется, Земля давно пережила монархический режим.
- Эрм.** Довольно спорить. Джем возвращается.

По лестнице справа спускаются Джем и Кро.

Джем, отдает распоряжения.

Товарищ Мирм, вы можете пройти в здание Совета, вас примет непосредственно председатель. *(Милиционерам.)* Пропустите товарища *(указывает на Мирма)* наверх. Эта женщина *(указывает на Кро)* останется здесь. После вы пропустите ее куда она пожелает. Этого товарища *(указывает на Эрма)* вы можете пропустить только вниз. *(К Кро)* Так?

- Кро.** Благодарю, этого достаточно. Можете идти.
- Джем, сдерживаясь.** До скорой встречи.

*Уходит вслед за Мирмом направо.
На площадке Эрм и Кро.*

- Кро.** Я узнала, что вы здесь, Эрм, и пришла, чтобы вас видеть.

- Эрм,** *насмешливо.* Тронут вашим вниманием. Но что, собственно, супруге председателя Центро-Совета может быть нужно от скромного редактора газеты, ныне без портфеля?
- Кро.** Кажется, Эрм, мы были знакомы и вне официальных отношений.
- Эрм,** *горько.* Да, мы были знакомы и мне даже казалось, что более чем знакомы, но вы не забыли, конечно, всего что произошло потом?
- Кро.** Потом вы уехали не попрощавшись.
- Эрм.** Уехал, потому что вы выбросили меня из своей жизни, потому что вы предпочли сделаться первой женщиной в мире, женой председателя Центро-Совета.
- Кро.** Эрм, у нас нет времени упрекать друг друга. Вы понимаете, что каждый мой шаг на виду. Когда вы вернулись?
- Эрм.** Вчера вечером.
- Кро.** Зачем? Чтобы возобновить свою борьбу с Ормом?
- Эрм.** Может быть. Но такой слабый противник, каким теперь, благодаря вашим стараниям, стал я, не может вам быть опасен.
- Кро.** Оставьте этот тон. В несколько минут нам надо сказать многое друг другу. Итак, вы изменились?
- Эрм.** Но вы изменились слишком.

- Кро.** Может быть, больше, чем вы думаете. Буду говорить прямо. Я пришла предложить вам союз.
- Эрм.** Союз? В чем?
- Кро.** В вашей борьбе.
- Эрм.** Против вашего мужа, и, значит, против вас самой?
- Кро.** В борьбе с Ормом. Слушайте, Эрм, сейчас я не смогу сказать, как это произошло. Пока поверьте на слово. Я его ненавижу. Понимаете? Я его ненавижу. Я должна уничтожить его.
- Эрм.** Кого? Орма?
- Кро.** Да, Орма, моего мужа.
- Эрм.** Если бы это была правда, то у вас-то, наверное, есть сотни способов уничтожить его и без моего содействия.
- Кро.** Вы наивны. Неужели вы думаете, убить человека – значить отомстить ему? Не о такой мести я мечтаю.
- Эрм.** Ого! Речь идет о мести. Должно быть, Орм изменил и вам.
- Кро.** Умоляю вас, не говорите со мной так. Вы видите, как я взволнована. Эрм, вы любили меня...
- Эрм (мрачно).** Нет, Кро, я и теперь люблю вас. Но однажды вы сказали мне, что боитесь меня.

Кро. Может быть, я и теперь боюсь вас, но тем лучше. А Орма я ненавижу. Он – ваш враг, и он – мой враг. Я была безумна, когда предпочла его.

Эрм. Вы угадали, что в тот раз он победит.

Кро. Нет, нет, я искренне верила в его гений. Теперь знаю, что ошибалась. За этот обман я должна отомстить ему. Помогите мне, Эрм! Вы один, один на всей земле, такого роста, что в силах побороться с Ормом. Вдвоем мы сломим его!

Эрм. Как мне знать, что это не новый обман с вашей стороны? Разве мало вы насмехались надо мной?

Кро. Сюда идут. Больше говорить нельзя. Завтра я уведомя вас, где я вас жду. Вы должны быть непременно.

Эрм. У вас?

Кро. Я укажу место, время. Нас никто не увидит вдвоем.

Эрм. Хорошо. Я буду.

Кро. Теперь уходите. Уходите же скорей.

Эрм уходит вниз. Милиционеры его пропускают.

Справа сверху сходят Орм, Джем, Инн, Мирм и два секретаря.

Джем, Инну. Дайте знак аэронефу.

Инн поднимается на правое возвышение и дает знак.

- Мирм, Орму.** Извините. Вы обещали выслушать меня.
- Орм, Мирму.** Вы поедете со мной. Я приму вас у себя.
(К Кро.) Вы видели Эрма?
- Кро.** О да. Все тот же. Вернулся, чтобы бороться с нами. Признается откровенно.
- Орм.** Тем лучше. (Джему.) Извещена Южно-Африканская депутация, что я могу принять ее?
- Джем.** Она уже во Дворце.
- Инн, сообщает.** Аэро здесь.
- Орм, Джему.** Список призма мы рассмотрим в вагоне. Идем.
- Джем, милиционерам.** Можете освободить площадку. Возвращайтесь в казарму (Делает знак.)

Милиционеры удаляются. Аэронеф стоит на правом возвышении. Первой входит в вагон Кро, за ней – Мирм, Инн ждет у двери, по знаку Орма секретари тоже всходят на возвышение. Орм готов идти, сопровождаемый Джемом, когда вдруг на площадке появляется Лэр.

Лэр. Орм!

Орм поражен, мгновение смотрит молча, потом овладевает собой.

Орм, Джему. Задержите аэро на минуту. Пусть все садятся в вагон. Я иду.

Джем вбегает на возвышение. По его предложению все, и он сам, садятся в вагон Аэронефа. На площадке Орм и Лэр.

- Орм.** Откуда ты? Зачем ты? Что тебе надо?
- Лэр.** Откуда? Это все равно. Зачем? Чтобы сказать тебе несколько слов. Надо тебя предупредить.
- Орм.** Ты выбрала странное место.
- Лэр.** В другом месте ты не принял бы меня. Выслушай здесь.
- Орм.** Я не могу, Лэр. У меня нет ни минуты времени.
- Лэр.** Все же выслушай. Когда ты отрекся от наших клятв, я покорно ушла. В тебе я любила твой гений. Я издали следила за твоим восхождением. Теперь я говорю тебе: остановись!
- Орм.** Это все?
- Лэр.** Я говорю тебе: остановись! Я слишком тебя знаю. Знаю, что задумал ты. Откажись от своего замысла. Силы, тебя охранявшие, готовы отступить от тебя.
- Орм.** Она окончательно помешалась.
- Лэр.** Ты всегда меня считал сумасшедшей. Но я – твоя судьба. Я не допущу тебя до жалкого падения. Еще шаг – и это будет срыв в пропасть.
- Орм.** Еще слово – и я должен буду отправить тебя в лечебницу.
- Лэр.** Со мной ты этого не посмеешь.

Кро, из аэронефа. Орм, не забывайте, что во Дворце вас ждут.

Орм. Я иду. *(К Лэр.)* Мне кажется, наши дороги разошлись навсегда. Прежние бредни мне теперь только смешны. Прощай. *(Идет к аэронефу.)*

Лэр. Ты вызвал слишком могущественных покровителей, чтобы изменять им. Они отомстят! Они отомстят! Горе!

Орм вошел в вагон. Аэронеф поднимается.

Лэр, почти сама с собой. Лети своим путем! Но я бодрствую над тобой. Я тебя любила и я тебя спасу наперекор всем силам вселенной!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена II.

Деловой кабинет Орма во Дворце Председателя Центро-Совета. Ряд телефонов с экранами кинематографа, переговорные трубы, аппараты для передачи пакетов, радиоприемник, пишущие мультипликаторы, передвижные этажерки и т. п., несколько лифтов.

Работа заканчивается. Орм за своим столом, Джем, Инн, Ига за радио, секретари, переписчики.

Орм, просмотрев бумаги.

От скольких Советов ответы получены?

Джем.

Одиннадцать сделали постановления передать чрезвычайные полномочия Центро-Совету, от четырех еще нет известий, два постановили, что не могут отказаться от своих прав.

Орм.

Южно-Африканский и Северно-Полярный? Отправить для выяснения и агитации надежных товарищей. Джем, поручаю выбор вам. Чтобы они были на аэро через час и дали радио немедленно по прибытии.

Инн, передавая Орму трубку телефона.

Личное дело.

Орм, слушает, потом отрывисто.

Отказать. (Возвращает трубку Инну.)

Аппараты выбрасывают груды пакетов, секретари их разбирают, часть передаю Джемму. Тот представляет некоторые Орму.

Ига, подходя к Джемму. Сообщение из Сенегамбии.

Джем, просмотрев, передает Орму.

Орм, прочитав, переписчикам.

Радио в Сенегамбию. *(Диктует.)* Междупланетная станция. По возвращении корабля с Венеры, всех прибывших немедленно доставить на местную обсерваторию. До моих особых распоряжений они не должны иметь сношений ни с кем. О результатах экспедиции никаких сообщений опубликовано быть не может. Исполнить в точности.

Джем.

Назначен прием товарища Вег и товарища Сунна.

Орм.

Пригласить товарища Вег.

Инн отдает распоряжение по переговорной трубе.

Орм рассматривает и подписывает бумагу. Вег поднята на лифте и оказывается по другую сторону стола Орма.

Орм.

Вы товарищ Вег?

Вег.

Да.

Орм.

Начальник Подводных Сообщений пишет мне, что вами сделан важное изобретение.

Вег.

Я желала бы говорить с вами наедине.

Орм.

Сообщите сущность, я решу, возможно ли это.

Инн, подает телефон.

Личное дело.

Орм, выслушав.

Отказать. *(К Вег.)* Я жду.

Вег, пытаясь приблизиться к Орму.

Я считаю, что сущность дела составляет федеративную тайну.

Орм, посмотрел, решил.

Тогда изложите все Начальнику Подводных Сообщений. Прием окончен.

Вег, внезапно.

Не совсем!

Вег выхватывает из рукава маленький револьвер. Но Джем давно следил за ней – он стремливо схватил ее за руку. Блеск молнии, легкий треск – разбит один телефон с экраном, и секретарь, стоявший там, убит наповал. Инн и другие поспешили на помощь. Вег опрокинута в кресло. Выкрики, смятение.

Инн.

Молекулярный револьвер! (К Вег.) Вы знаете, что за одно ношение его полагается смерть.

Ига, истерически.

Он жив! Он жив!

Джем.

Дать радио арестовать Начальника Подводных Сообщений.

Ига.

Убейте ее тут же! Убейте!

Орм, спокойно.

Остановитесь. (Всем, особенно Ине.) Успокойтесь, я невредим. (К Вег.) Вы хотели убить меня?

Вег.

Я хотела освободить мир от тирана.

Орм.

Вам это поручило какое-нибудь тайное общество?

Вег.

Я больше ничего не скажу.

Орм, указывая на убитого.

Вы убили ни в чем не повинного.

Вег.

Он ваш слуга, и я не жалею.

Джем. Я вызываю агентов Высшего Розыска для ареста.

Орм. Не надо. Вы видите, товарищ Вег больна. Телефонизируйте в Центр-Лечебницу нервных больных, чтобы ее немедленно приняли в отдельное помещение. До моего распоряжения к ней, конечно, нельзя допускать никого. *(Обращаясь в сторону убитого.)* Как имя?

Инн. Друм, вступил к нам недавно.

Орм. Приравнять к павшим в борьбе за Федерацию. Семье выразить сожаление. *(Вспомнив, Джем.)* Да, Джем, благодарю, вы спасли мне жизнь.

Джем. Я случайно стоял ближе других.

Ига, тихо. Нет, нет! Вы совершили подвиг.

Орм, не слушая. Товарищи, требую случая не разглашать. Теперь разъедините радио и телефоны, кроме моего личного, и прервите акустику. Освободите помещение. Я приму Начальника Высшего Розыска в частной аудиенции.

Вег увели, труп унесен в лифт; Инн отдал распоряжение по переговорной трубе. Ига делает шаг к Орму, хочет что-то сказать, не находит слов. Орм улыбается ей, делает чуть заметный знак рукой.

Джем. Я тоже должен удалиться?

Орм. Да. И работайте. Шесть Советов еще не наши.

Все ушли. Орм за своим столом. Сунн выходит из лифта перед столом Орма.

- Сунн.** Вы разрешили мне явиться.
- Орм.** Садитесь, Сунн. Собрали вы все сведения?
- Сунн.** Моя прямая обязанность, товарищ Председатель...
- Орм, резко.** Нас никто не слышит. Фразы излишни. Говорите прямо. Что вам теперь известно о заговоре?
- Сунн.** Разумеется, товарищ Председатель, я вполне понимаю вас. Но вам не может быть неизвестно, что на основании конституции Первого года новой эры данные, касающиеся обороны всей Федерации, я обязан представлять лишь Президиуму Центрсовета в составе не менее трех лиц.
- Орм, мгновение смотрит молча.** Вы не доверяете мне, Сунн? Я это запомню. Но вот, читайте. *(Показывает бумагу.)* Приказ о вашей отставке. Подписан всеми членами Президиума. Недостает лишь моей подписи.
- Сунн.** Товарищ Председатель, вы напрасно полагаете, что я в чем либо не доверяю вам. Но моей обязанностью было напомнить вам...
- Орм, нетерпеливо.** К делу!
- Сунн.** Повинуюсь. Вот полный список участников заговора, оставьте его у себя.

Орм, рассматривая список.

Как, Эрм?

Сунн.

Сколько нам известно, он руководит всем заговором.

Орм.

Хорошо. Продолжайте.

Сунн.

Вот доклад, где сделана сводка всего, что нам удалось узнать. Из этого доклада вы увидите подробности. Вкратце план заговорщиков сводится к следующему. На торжественном заседании Съезда Народов они займут места вокруг трибуны. Большинство будет, конечно, за избрание вас Диктатором Земли. Но заговорщики начнут резкую критику вашего проекта. Товарищ Ленн в своей речи назовет вас империалистом и монархистом и как на доказательство сошлется на документы, имеющиеся у Эрма. Товарищ Эрм с трибуны огласит письма, которые вы писали ему в годы вашей дружбы с ним, в них вы будто бы говорите, что есть люди годные для власти и есть люди – по природе рабы. Полагают, что это вызовет бурю в собрании. Произойдет всеобщее замешательство. Тогда Эрм подаст знак, и вы будете убиты.

Орм.

Как цезарь в Сенате? Это все?

Сунн.

Подробности вы узнаете из доклада.

Орм.

Прекрасно.

Сунн.

Прикажете арестовать участников заговора?

Орм.

Ни в коем случае. Предоставьте им привести свой план в исполнение.

- Сунн.** Как вам будет угодно. Но разрешите спросить: председательствовать на Съезде будете вы?
- Орм.** Нет, не я. Теперь скажите, что вы узнали об отношении моей жены к Эрму?
- Сунн, справляясь с запиской.**
Нам известно, что ваша супруга виделась с товарищем Эрмом четыре раза в известном вам доме. Продолжительность их встреч. Первый раз – час и пять минут, второй – двадцать пять минут, третий – сорок минут, четвертый – тридцать пять минут. Так как акустика была прервана, содержание их бесед осталось нам неизвестным.
- Орм.** Почему не поставили авто-графа?
- Сунн.** Такая мера по отношению к супруге...
- Орм.** Вздор! Но – допустим. Это все, что я хотел от вас узнать.
- Сунн.** Слушаю. Итак, заговорщики...
- Орм.** Свободны делать, что им нравится.
- Сунн.** Что касается приказа, который вы изволили мне показать...
- Орм.** Он останется без действия, пока вы исполняете мои распоряжения. Прощайте. Вот вам лифт.

*Едва Сунн вошел в лифт и начал спускаться,
Орм стремительно соединил одну переговорную трубу.*

Орм. *в переговорную трубу.*

Кто, Джем? Да, я, Орм. Мне нужен Эрм. Да, Эрм. Разыщи его во что бы то ни стало. Думаю, он в Ассо-Печати. Вызов ему от моего имени – немедленно явиться сюда. Доставь на скором аэро. Хорошо. *(Оставил трубу, взял телефон.)* Комната сто двадцать восемь... Да, говорит Орм. Товарищ Кро?... Где?... Немедленно соединить... Это я, Кро. Мне надо видеть вас тотчас же. Да. Тотчас же. Жду. *(Оставил телефон, в другую переговорную трубу.)* Кто? ... Да, я. Пропустить товарища Кро ко мне. Товарища Эрма, когда прибудет, задержать до моего вызова. Хорошо. Приготовить мне на ночь к одиннадцати часам скорый аэро. Хорошо. *(Возвращается к первой трубе.)* Джем?... Да, опять я... Исполнено? Хорошо. Еще. Прими меры наблюдения над Сунном. Я ему не доверяю... Хорошо. Это все.

Орм вернулся на свое место за столом, из лифта выходит Кро.

Кро. Очень мило с вашей стороны. Уже вы третируете меня как одного из своих служащих.

Орм. Бросим пререкаться. Положение слишком важно. Дело идет о всей нашей судьбе.

Кро. Чьей – моей или вашей? Последнее время в этом огромное различие. Кажется мне, ваша судьба теперь ближе связана с вашей прежней любовницей Лэр – вы трепещете перед ее мистическими предсказаниями.

Орм. Какой вздор!

- Кро.** Или с вашей белокурой секретаршей, – кажется, Игой.
- Орм.** А твоя, может быть, опять с Эрмом?
- Кро.** Что это значит?
- Орм.** Что мне подробно известно о ваших тайных свиданиях.
- Кро.** Ты шпионишь за мной?
- Орм.** Не я за тобой шпионю, а все человечество смотрит на тебя. Если я вознес тебя на такую высоту...
- Кро.** ...ты можешь и сбросить с нее? Короче, вы ищете предлога со мной разойтись. Понимаю. Я была хороша как жена Председателя Центро-Совета, но теперь вам нужна супруга Диктатора Земли, Императрица Мира!
- Орм.** Кро! Я вовсе не хочу с тобой ссориться. Мы вместе шагнем и на следующую ступень. Кто достойнее тебя быть Императрицей Мира! Но нам грозит падение у самого порога успеха. На мою жизнь составлен заговор.
- Кро.** Заговор? На твою жизнь?
- Орм.** Да, и во главе его – Эрм.
- Кро.** Не может быть!
- Орм.** Как будто восклицанье непритворное. Итак, ты не участница этого заговора?

- Кро.** И ты мог это думать?!
- Орм.** Весьма мог.
- Кро.** Орм, пойми: я возобновила отношения с Эрмом именно потому, что он – твой опасный враг. Я решила выведать все его тайны. Но об этом заговоре не слышала ничего.
- Орм.** Может быть, это правда. Эрм попрежнему говорит, что любит тебя?
- Кро.** Влюблен в меня безумней, чем когда-либо.
- Орм.** Слушай, Кро. Ты понимаешь, я не боюсь быть убитым какими-то заговорщиками. Я родился не для такой смерти. Но заговор все же опасен. У Эрма есть мои письма, – писанные, правда, давно, но неосторожные. Он намерен огласить их на Съезде. У Эрма влияния в Ассо-Печати. Газеты всего мира могут начать кампанию против меня. Этого не должно быть.
- Кро.** Этого не будет.
- Орм.** Но этого мало. Эрма знают, если не любят, то уважают. Его считают моим главным соперником. Я хочу, чтобы на Съезде он говорил за меня. То будет решительный удар по моим врагам.
- Кро.** Эрм будет говорить за тебя.
- Орм.** Ты употребишь все свое влияние на Эрма?
- Кро.** Я это сделаю. Сейчас иду и вызываю его.

Орм. Бесплезно. Он здесь. (*Берет переговорную трубу.*) Кто?... Да. Товарищ Эрм здесь?... Хорошо. Пропустить его ко мне. (*Оставив трубу.*) Оставлю вас вдвоем. Но не пытайтесь узнать здесь какие-либо тайны. Все ящики на акустическом запоре.

Кро. Что ты обо мне думаешь!

Орм. О, мы достаточно знаем друг друга. Прощай.

Орм заходит в один лифт и спускается. Из другого выходит Эрм.

Эрм, оглядываясь. Я ожидал видеть Орма, а это вы.

Кро. Я. Но по поручению Орма.

Эрм. Понятно. Розыск сделал донос на меня.

Кро. Эрм, вы обманули меня. Обещали союз, а действуете тайно.

Эрм. Кро, вы обманули меня. Обещали союз, а пользуетесь мною как орудием.

Кро. Что вы хотите, Эрм?

Эрм. Я хочу вашей любви.

Кро. Об этом говорить не время. Сначала мы должны...

Эрм, перебивая. Акустика прервана?

Кро, справляясь с аппаратом.

Прервана. Но слушайте. вместо настоящей мести вы хотите подло убить Орма на Съезде.

- Эрм.** Я хочу устранить его со своей дороги.
- Кро.** Что же будет потом? Вы предстанете перед Верховным Судом как убийца.
- Эрм.** «Потом», может быть, мы станем выше Верховного Суда.
- Кро.** Вы забыли, что Орм уже все знает. Что если он просто арестует вас и ваших товарищей?
- Эрм.** Арестовать? Меня, его главного соперника, и тех, других, его открытых врагов, перед самыми выборами? Нет, этого он не сделает. Он умнее.
- Кро.** Эрм! Вы должны отказаться от ваших безумных планов. Вы не прочтете на Съезде тех писем, которые остались у вас в руках!
- Эрм.** Орм и об этом знает?
- Кро.** А вы по-детски думали, что ваш заговор останется тайной от него? Итак, вы не прочтете писем. И, конечно, не сделаете попытки убить Орма. Тем более что это все равно вам не удастся. Он еще умнее, чем вы думаете.
- Эрм.** Я хочу быть свободен в своих решениях.
- Кро.** Эрм, вы мне обещали.
- Эрм.** Кро, вы мне обещали.
- Кро.** Свои обещания я исполню.
- Эрм.** Вы ведете двойную игру. Порой мне ка-

жется, что вы соединились со мной только затем, чтобы вернее достичь титула Императрицы Мира.

Кро. Вы хотите порвать наш союз? Хорошо. Уходите.

Эрм. Я хочу залога, что вы вновь не предадите меня.

Кро. Дать вам подпись кровью, как дьяволу?

Эрм. Кро, я люблю тебя. Ты должна быть моей, и я исполню все – все, чего ты хочешь! Я проложу Орму дорогу к диктатуре, я сброшу его с высоты к твоим ногам, я сделаю тебя владычицей Земли!

Кро. Сделайте это – и требуйте от меня всего.

Эрм. Нет, раньше! Ты обманешь! Ты – вся ложь! *(Пытается обнять Кро.)*

Кро. Вы с ума сошли! И наш разговор кончен. Не забывайте, что каждую минуту нашей встречи кто-то считает.

Эрм. Ах да! Я забыл, что говорю с супругой будущего Диктатора Земли. Извините. Прощаюсь. Ухожу.

Кро. И помните! На своем пути вы не добьетесь ни власти, ни меня. Исполняя мою волю, вы будете и победителем и со мной. Выбирайте: гибель или я?

Эрм. Я предпочту предоставить выбор вам... *(с поклоном)* Императрица Мира!

*Эрм стремительно входит в лифт, спускается.
Кро смотрит ему вслед, бросается в кресло, хохочет.*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена III.

Зала Съезда Народов. На переднем плане, возвышаясь вправо, – высокая трибуна. На трибуне – кафедра оратора, стол Президиума, стол Секретариата, в стороне – лифт.

В глубине – амфитеатр для делегатов. Трибуна пуста, зала медленно наполняется.

В глубине занимают места делегаты Съезда; разнообразие костюмов, приспособленных к разным климатам. У подножия трибуны, слева, – Лени, Кем и Гонн.

- Гонн.** Это измена! Где Эрм?
- Кем.** Мы пропали!
- Лени.** Успокойтесь, товарищи! Никакой измены нет. Эрм будет в свое время на месте, он мне обещал.
- Гонн.** Почему председателем этот идиот Мирм?
- Лени.** Как великий ученый. Вы слышали, предлагали меня, но собрание...
- Кем.** Все подстроено, чтобы погубить нас.
- Лени.** Какие пустяки! Не забывайте плана. Как только в зале наступит смятение, Эрм подаст знак. Мы все бросаемся на трибуну, убиваем Орма, затем занимаем лифт. Наверху нас ждет аэронеф, мы направляемся к Дворцу Советов, его уже займут наци сторонники, мы объявляем Временное правительство...
- Гонн.** Идет Эрм.

Эрм, *подходя справа.* Прекрасно! Самое подходящее место, чтобы вести тайное совещание. Немедленно расходитесь по местам!

Кем. Эрм, вы сделаете, что предлагали?

Эрм. Я исполню свой долг.

Лени. Наши друзья – во Дворце Советов?

Эрм. Вы сами давали им распоряжения. По местам, товарищи! По местам! Президиум возвращается.

Лени, Кем и Гонн ушли. Из маленькой двери, что в основании трибуны, появляется Кро. Она одета иначе, чем обычно, в вуали, почти не узнаваема.

Кро. Эрм, ваше последнее слово?

Эрм. Однако вы волнуетесь, Кро. Свое последнее слово я скажу на трибуне.

Кро. Помните: если вы измените мне, вы погибли.

Эрм. Погибнуть ради того, чтобы видеть, как дрожите передо мной вы и Орм, – это стоит того. Но заседание возобновляется, до свидания.

Эрм уходит. Кро скрылась.

На трибуне заняли места Мирм, как председатель Съезда, рядом с ним – Орм и два члена Президиума Советов. За столом Секретариата секретари, стенографисты и другие, среди них – Ини, амфитеатр переполнен делегатами.

Мирм. Товарищи! Заседание возобновляется. Сло-

во принадлежит товарищу Ленну для резюме его речи.

Ленн, на кафедре.

Товарищи! Резюме мое будет кратко. Нам говорят, человечество переживает кризис – я согласен. Земля более не в силах прокармливать чудовищно разросшееся население – я согласен. Необходимы чрезвычайные меры – согласен. Говорят о колонизации другой планеты; согласен и на то. Больше! Я готов согласиться, что временно нужна диктатура. Но, товарищи, против плана, предложенного товарищем Ормом, я протестую.

Голоса, из залы.

Доводы! Доводы!

Мирм.

Товарищи, я прошу соблюдать тишину в собрании.

Ленн.

Доводы я приводил в своей речи. Что нам предлагают? Кровавую, беспощадную войну – что я говорю? – Не войну, а варварское истребление мирного, беззащитного населения планеты Венеры. Что могут жители этой планеты, находящиеся сравнительно с людьми еще в младенческом периоде развития, против наших усовершенствованных орудий разрушения и истребления, против экстермината молекулярных мортир, удемо-бомб и всего остального? В такой ли роли губителей, олицетворением ужаса, воплощением смерти подобает людям являться перед своими младшими братьями на других планетах? Человек придет на Венеру, чтобы обратить ее в пустыню, уничтожить на ней зародыши самостоятельной культуры. Это ли не ужасно?

- Крики, из залы.** Неправда! Ложь! Искажаете факты!
- Мирм, звонит.** Товарищи, спокойствие. Дайте оратору обосновать свое мнение.
- Крики.** Не надо! Долой!
- Мирм, бессильно.** Товарищи! Извините... В таких условиях невозможно планомерное обсуждение.

Ленин, прерывая и возвышая голос.

Если вы не хотите слушать доказательств, я скажу прямо. Все дело в том, что проект предложен Ормом, проводится Ормом. Или за эти годы вы не разгадали, что это за человек! Честолюбец, стремящийся только к личной власти! Империалист по природе, который мечтает сокрушить социалистический строй, восстановить империю и стать первым Императором Земли!

В зале буря, крики, шум.

- Мирм, теряясь, звоня.** Товарищи!
- Крики.** Оскорбление власти! Всех! Клевета! Измена!
- Ленин, покрывая все голоса.**
Проект Орма только способ поработить человечество.
- Крики.** Доказательства!
- Ленин.** Доказательства представит вам товарищ Эрм.
- Голос.** При чем тут Эрм?

Лени. В руках у Эрма – доказательства, фактические доказательства моих слов. Председатель разрешает? Я уступаю свое место товарищу Эрму.

*Лени сошел с кафедры, но остался подле нее.
Эрм выходит на кафедру, зала затихает.*

Инн, с места. Это противозаконно. Кто предоставил слово Эрму?

Мирм. Товарищ Эрм, извините, ваша очередь говорить позже.

Эрм, на трибуне, к собранию. Товарищи, желаете ли вы меня слушать?

Голоса. Желаем! Слушаем!

Некоторые. Не надо!

Инн. Это противозаконно. (*Мирму.*) Товарищ председатель, вмешайтесь!

Мирм. Товарищ Эрм, я не предоставлял вам слова.

Эрм. Товарищи желают, чтобы я говорил...

Голоса. Да! Да! Просим!

Эрм, продолжая. Я буду говорить. (*Смотрит на Орма.*) Я буду говорить о Председателе Советов, о товарище Орме. Вы знаете, что мы с ним открытые политические противники. Я достаточно потратил сил, чтобы бороться с Ормом. Я критиковал его политику всенародно. Заранее я предсказывал, что она приведет человечество к страшному кризису.

- Голоса.** К делу!
- Эрм.** Но когда-то мы были с Ормом близкими друзьями.
- Орм, спокойно с места.** Мы были друзьями.
- Голоса, настойчиво.** К делу!
- Эрм.** На меня сейчас указали как на человека, у которого в руках фактические доказательства империалистических стремлений Орма. Понимаю, речь идет о письмах Орма, писанных ко мне в годы, когда мы были друзьями. Вот они. *(Показывает связку писем.)*
В зале полная тишина.
- Орм, спокойно.** Это мои письма.
- Эрм.** Читать эти письма было бы слишком долго. Я передаю их Президиуму Съезда. *(Кладет письма на кафедру.)* Здесь же я заявляю коротко... *(Пауза.)*
- Ленн, невольно.** Говорите же!
- Эрм.** Заявляю коротко. Ничего подобного в этих письмах нет.

Молчание. Потом взрыв криков.

- Крики.** Письма! Прочтите письма!
- Эрм.** Повторяю, читать письма слишком долго. Президиум или избранная вами комиссия рассмотрит их. Но я, как политический противник Орма и как его бывший друг, свидетельствую здесь одно. Никогда –

слышите ли, никогда – Орм не был империалистом по убеждениям или стремлениям. Я хочу бороться честно. Я воздаю справедливость врагу. Орм всегда боролся за идеалы социалистического строя. Орм всегда стоял за равноправие, за власть трудящихся. Пусть Орм повинен в кризисе, переживаемом нами, но спасти нас может только проект Орма.

Ленн, бросаясь к Эрму. Измена! Предатель!

Эрм. Вы забываетесь, Ленн!

Ленн, на кафедре, рядом с Эрмом.
Товарищи! Он подкуплен Ормом!

Эрм. Товарищ председатель, защитите меня от оскорблений.

В зале вновь шум, смятение.

Крики. Да здравствует Орм! Довольно! К делу!

Мирм тщетно звонит и озирается бессильно.

Ленн. Друзья! Кто против тирана?

Тем временем на трибуне появился Джем, он подошел к Орму и что-то тихо ему говорит. Ленн соскочил с кафедры и бросается к Орму. Орм встал ему навстречу.

Орм, покрывая гул залы.
Товарищ Ленн, я обвиняю вас в государственной измене.

По знаку Джема из лифта появляются милиционеры, которые поднимают молекулярные ружья. Джем уже около Орма, прикрывая его от Ленна.

В зале страшное смятение.

- Голоса.** Нарушение конституции!
- Орм, на кафедре, с которой сошел Эрм.**
Да! Конституция нарушена, но не нами.
- Ленн.** Я протестую!
- Джем, указывая милиционерам на Ленна.**
Задержите его!
- Крики.** Вне закона! Узурпация власти!
- Мирм.** При таких условиях, извините, невозможно продолжение совещания. Я считаю своим долгом...
- Орм.** Ввиду исключительных обстоятельств принимаю на себя, как Председатель Центрo-Совета, председательствование на Съезде Народов...
- Отдельные голоса.** Узурпация! Вне закона! Тиран!
- Орм.** Прошу минуту внимания. Тише!

Все смолкает.

Минуту назад я получил потрясающее известие. В то время как мы были заняты обсуждением Проекта Планетной Эмиграции, кучка заговорщиков сделала попытку низвергнуть существующий строй.

Движение в зале.

То, в чем здесь обвиняли бездоказательно меня, уже свершалось на деле другими.

Мятежники обманом вторглись во Дворец Центр-Совета и объявили себя Временным правительством с неограниченной властью.

Крики.

Кто? Кто? Доказательства!

Орм.

Доказательства? Их слишком много. Мятежники благодаря распорядительности товарища Джема уже арестованы. Все их бумаги – в наших руках. Верховный Суд уже уведомлен. Следствие уже начато.

Ленн, вырываясь от милиционеров.

Чересчур что-то быстро, Орм! Товарищи!

Орм.

Я не кончил, товарищ Ленн. Уже известно, что мятежники имели союзников здесь, в этом собрании. Заговорщики решили превратить мирный Съезд Народов в кровавую арену. Неслыханные по грубости нападки, которые вы слышали здесь, были лишь предлогом, лишь средством вызвать волнение в этом зале. Это волнение было нужно заговорщикам затем, чтобы в общей смуте убить меня.

Все подавлены. Молчание.

Да! Убить меня! Потому что мятежники, действительно, а не призрачно стремившиеся к захвату абсолютной власти, понимали, что это не удастся, пока стоит правительство, руководимое мной.

В зале недружные рукоплесканья.

Вам нужно еще доказательств? Смотрите! Во время борьбы с милиционерами у то-

варища Ленна обнаружено оружие – револьвер и кинжал.

Джем встает на кафедру и показывает оружие.

Знаю, что, введя вооруженную силу в заседание Съезда, мы нарушили конституцию. Но исключительные обстоятельства требуют исключительных мер. Конституция не может ограждать тех, кто вопреки законам является сюда с оружием под одеждой! (Джему.) Товарищ Джем, властью Председателя Центр-Совета приказываю вам арестовать государственного преступника Ленна, а также его сообщников, государственных преступников Кема и Гонна. Исполнить немедленно.

*По указанию Джема милиционеры спускаются в зал.
Ленн, Кем и Гонн проведены ими к лифту.*

И пусть зал будет очищен от вооруженной силы.

Орм стоит на кафедре, под общий ропот зала милиционеры вводят арестованных в лифт и опускаются с ними.

Товарищ Мирм! Угодно вам снова принять председательствование на Съезде?

Мирм.

Извините... Я отказываюсь... Я не привык руководить подобными собраниями. Я слагаю с себя свои полномочия.

Голоса.

Закрыть собрание!

Орм.

Товарищи! Понимаю, что настроение не такое, чтобы можно было продолжать наше заседание. Я позволю себе сказать

только несколько слов, чтобы ответить, исключительно фактами, на те обвинения, что здесь раздавались против меня. Угодно ли вам меня слушать?

Недружные голоса.

Слушаем! Слушаем!

Орм.

Прежде всего, благодарю товарища Эрма, моего политического противника, который своим благородным признанием сделал для меня излишним защищаться от нелепой клеветы, будто я стремлюсь к императорской власти. Отбрасываю это как несообразность. В конце концов, для меня важно не мое личное положение, а судьба моего проекта. Лишь о нем я и буду говорить – кратко, очень кратко. Товарищ Джем, прикажите привести сюда наших пленников.

По распоряжению Джема лифт поднимается, в нем – клетка, где, закованные в цепи, два экземпляра обитателей планеты Венеры, приблизительно похожие на горилл.

Три дня тому назад на нашу межпланетную станцию в Сенегамбии вернулась последняя экспедиция с планеты Венеры. Во главе ее стоял знаменитый астроном Хинн. Товарищи! Почтите память славного гражданина. его более нет в живых. Вот подобные этим звери – жители планеты Венеры подстерегли его в лесу, накинулись на него целой толпой, загрызли и съели тут же, разрывая на куски. Подоспевшие на помощь товарищи нашли лишь несколько костей да обрывки мяса. Наши земные обезьяны по крайней мере не поедают животных. Обитатели Венеры едят себе подобных и людей, живут людо-

едством. Они – звери из числа тех, которых больше не осталось на Земле! (Джему.) Пусть уберут с наших глаз этот ужас!

По распоряжению Джема лифт с клеткой спускается.

Товарищи! Вам изобразили здесь жителей Венеры как подобных нам людей, только стоящих на более низкой ступени развития. Но, тогда действительно было бы преступлением губить их средствами нашей высокой культуры. Но там, на Венере, человекоподобных существ нет. Такие существа знакомы нам на планете Марс, вы знаете это. Но Венера заселена лишь дикими животными, одна порода которых едва-едва напоминает человеческий образ, как вы видели сами. Скажите, когда мы истребляли на Земле диких зверей, – совершали ли мы преступление? Когда безвредных мы заставляли служить людям, – нарушили ли мы тем принцип равенства трудящихся? Когда наиболее развитую породу обезьян мы обратили в нашу стражу, понизили ли мы ее тем или возвысили? Требуете ли вы для наших милиционеров тех же прав, какими располагает каждый из вас? Так не требуйте их для той породы животных, которая властвует на Венере, – для этих чудовищ, для этих людоедов, от которых гибнут наши экспедиции! Быть может, через сотни тысячелетий путем биологического развития они обратятся в породу разумных существ – ну хотя бы таких, какие жили на Земле в доисторические времена. Но ради того должны ли мы ждать эти сотни тысячелетий? Должны ли оставлять целый мир во власти зверей? Должны ли отказываться от меч-

ты – внести в него свет разума и культуры?

Голоса.

Нет! Нет!

Орм.

Ради того, чтобы предоставить чудовищам Венеры свободно развиваться, должны ли мы, люди, изнывать на нашей Земле, которая стала для нас слишком тесной? Мы будем здесь голодать, терпеть лишения, изнурять себя непосильным трудом – во имя чего? Чтобы чудовища, подобные тем, которых вы видели, могли свободно поедать друг друга на другой планете, способной прокормить все человечество.

Крики.

Нет! Нет!

Орм.

Здесь говорили, что кризис вызван моей политикой. Какое наивное обвинение. За веком век, за годом год земля истошалась, а ее население возрастало. Более медлить нельзя. Голод во всей Америке. Азия не может прокормить себя. Население Африки волнуется. Австралия переполнена. Здесь, в Европе, нет больше места чтобы жить. Каждый из нас должен работать вдвое и втрое больше, чем сто лет назад. Между тем есть мир – и мир доступный нам, мир девственный, богатый, изобильный всем, – где условия жизни почти те же, что на Земле. Я предлагаю обратить планету Венеру в колонию Земли. Венера может принять треть земного населения, которое будет там благоденствовать. А оставшимся на старой Земле станет свободно, как было пятьсот лет назад. Примите мой проект, приведите его в исполнение, и вы на тысячи, на десятки

тысяч лет избавите человечество от страшного призрака вымирания. Вы откроете возможности новой жизни, спокойной, полной довольства, где труд вновь станет радостью, а досуг будет отдан разуму – науке, искусствам!

Общие долгие рукоплесканья. Крики – «Да здравствует Орм!»

Я не скрою, осуществление проекта потребует крайнего напряжения сил. Человечество должно будет еще тесней сплотиться, чтобы осуществить этот величественный план: культурное завоевание соседней планеты. Вот почему временно необходима будет единоличная власть, все направляющая к единой цели, необходима будет диктатура. Все равно, кого бы вы ни избрали, временно кто-то один должен будет взять на себя руководство общим трудом всей Земли. Работая наряду с другими, он будет направлять общие усилия, чтобы создать новую эру в судьбе Земли и новую жизнь для всех нас и детей наших.

Крики. «Да здравствует Диктатор Орм!»

Товарищи! Сегодня мы не вправе принимать решения. Завтра мы поставим на голосование вопрос о Проекте Планетной Эмиграции и об избрании Временного Диктатора Земли. *(Сходит с кафедры под общие рукоплесканья.)*

Джем.

Да здравствует Диктатор Орм!

Эрм, который все время оставался на трибуне.

Да здравствует Диктатор Орм!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена IV.

Побережье Южной Африки. В отдалении – здание огромного завода. Налево стационарирующий аэронеф. Закат солнца. Джем в задумчивости сидит на камне, просматривая записную книжку.

Капитан аэронефа, подходя.

Товарищ Джем, еще раз обязан указать вам, что положение аэронефа ненадежно.

Джем.

Капитан, вы знаете, что нам не позволяют отодвинуться от берега. Угрожают молекулярными мортирами.

Капитан.

Нам необходимо покинуть эту стоянку до ночи, метеорограф предупреждает о буре.

Джем.

Я же не могу принять никакого решения до возвращения Эрма.

Капитан.

Вы вправе распоряжаться. Я слагаю с себя ответственность. *(Уходит.)*

Джем встает и нервно ходит взад и вперед. Появляется Эрм на мотоцикле.

Джем.

Наконец. Какие вести?

Эрм.

Неопределенные. Южно-Африканский Совет бессилён. Вся власть фактически в руках Ассоциации Фабричных Рабочих.

Джем.

Но вы говорили с ними?

Эрм.

О да. Доходил до их Президиума, спорил, грозил, даже ругался.

- Джем. И что же?
- Эрм. Выслушали, глубокомысленно поникли головами, обещали немедленно обсудить и известить нас о своем решении.
- Джем. Когда?
- Эрм. Говорят, немедленно.
- Джем. А ваше мнение?
- Эрм. Что здесь, в Южной Африке, дело Орма проиграно, как, впрочем, и в Северо-Полярных странах, в Южной Азии и еще кое-где.
- Джем. Почему?
- Эрм. Причины все те же. Люди воображали, что проект Орма сулит им все блага тотчас же. Думали, достаточно объявить Орма Диктатором – сразу наступит изобилие во всем, не надо будет работать, жизнь обратится в сплошной праздник и так далее.
- Джем. Какие пустышки.
- Эрм. Говорю, конечно, не без иронии. Но на нечто подобное рассчитывали. Мечтали уже садиться на междупланетарные корабли и переселяться на Венеру. Оказалось, надо эти корабли еще строить, и строить несколько лет. Больше миллиарда человек привлечено на эту работу. Остальным приходится кормить себя и эту армию. Рабочий день увеличен, а продовольствие сокращено. Чего ж еще надо?

- Джем.** Но ведь проект Орма – единственное спасение для человечества.
- Эрм.** Как знать. Есть и другие проекты. Во всяком случае, люди не хотят голодать и работать вдвое, не зная, что из этого выйдет.
- Джем, помолчав.** Эрм, вы не любите Орма.
- Эрм.** Кажется, с тех пор как я примирился с ним, я служу ему верно.
- Джем.** Скажите, Эрм, зачем вы все это делаете? Да, тогда на Съезде Народов, вы оказали нам большую услугу, но с какой целью? Вы примирились с Ормом, вы служите ему, но какой дьявольский план скрывается за этим?
- Эрм.** О-о, товарищ Джем! Вам угодно подвергнуть меня допросу?
- Джем.** Простите меня, но скажите откровенно: вы не верите в Орма?
- Эрм.** А вы, Джем, вы верите в Орма, как когда-то веровали в Бога?
- Джем.** Да, я верю в него, потому что в нем – гений. Я служу ему, как собака господину. Он один знает, вернее, угадывает, как спасти человечество. Люди должны подчиняться ему, беспрекословно выполнять все его требования, идти за ним куда он ведет.
- Эрм.** И чтить его?
- Джем.** Да, чтить. Когда человек гения является среди людей, все должны поклоняться

ему, слушать его с благоговением, ловить каждое его слово.

Эрм. Но, люди, по-видимому, отвыкли от богопочитания.

Джем. Что же. Будет бунт?

Эрм. Борьба уже началась. Три Главных Совета отказались повиноваться Диктатору и не хотят участвовать в постройке кораблей.

Джем. Орм принудит их повиноваться.

Эрм. Может быть. Но вот аэроплан с рабочими дерутатами.

Кном и Тас входят.

Кном. Товарищи представители Диктатора?

Джем. Это мы. Вы – депутаты от Президиума Ассоциации Фабричных Рабочих Южной Африки?

Кном. Точно. Показать наши мандаты?

Эрм. Помилуйте, мы вам верим. Но вы, собственно, явились с поручением к Главному Совету.

Кном. Совета более не существует.

Джем. Кто же его распустил?

Кном. Мы.

Джем. По какому праву?

- Тас.** Видите, товарищ, бывают времена, когда должно спрашивать не о правах, а об обязанностях. Совет пошел против интересов трудящихся, и мы его упразднили.
- Джем.** Однако Совет избран теми же трудящимися.
- Тас.** Какими трудящимися?
- Джем.** Кажется, теперь трудятся все, праздных более нет на Земле.
- Тас.** Да, это так кажется. Так выходит на бумаге. Правда, все проходят свой стаж физического труда, но ведь это одна проформа. Белоручек сколько угодно, они-то и заседают в Советах. Но пока Совет строго соблюдал конституцию, мы смотрели на это сквозь пальцы. Теперь же, когда дело пошло серьезно – довольно.
- Кном.** Объяснимся начистоту. Вы там, в центре, опять развели политику и дипломатию. У вас там партии, речи и все этакое. Главные Советы на местах с вас обезьянничают и пляшут по вашей дудке. Нам это не подошло. Вот и все.
- Джем.** Не будем пререкаться об общих вопросах. Дело проще. Съезд всех народов принял проект товарища Орма и назначил его Диктатором Земли для выполнения этого проекта. Все Главные Советы признали это решение и постановили – подчиняться распоряжениям Диктатора. Между тем вы...
- Тас, перерывая.** Да, мы, рабочие, не желаем подчиняться этим распоряжениям. Советы ошиблись,

и надо их сменить.

- Кном.** Три года строить какие-то корабли, а потом лететь на них куда-то в пространство. Покорно благодарим. Не по нас. Мы и тут найдем что делать.
- Джем.** Но это единственное спасение человечества. Разве здесь, в Южной Африке, не чувствуется недостатка во всем?
- Кном.** Да, когда центр отбирает все себе.
- Джем.** Не себе, а для распределения по всей Земле.
- Кном.** А распределением ведают Советы. Покорно благодарим. Да не в этом дело. Мы не желаем переселяться на планеты.
- Джем.** Тогда население Земли начнет вымирать.
- Кном.** Та-та-та. Не так страшно. Поищем и найдем лекарство.
- Джем.** Уже искали – и не нашли.
- Кном.** Пораскинем мозгами. Позовем специалистов.
- Джем.** А проект Орма создан разве не специалистом? Одобрен разве не специалистами?
- Тас.** Если одни оказались неподходящими, мы их оставим и пригласим других.
- Кном.** Вот и все.
- Эрм.** Товарищи! Вы отказываетесь повиновать-

ся центру. Вы самовольно уничтожили свой Главный Совет. Ведь это же разрушение Федерации. Это – революция.

Тас.

Революция? И прекрасно.

Эрм.

Это – война.

Тас.

Бывают эпохи, когда надо вести войну.

Джем.

Вы надеетесь силами одних фабричных рабочих Южной Африки бороться с силами всей объединенной Земли?

Эрм.

Вы будете стерты в порошок.

Тас.

Нас поддержат такие же, как мы, настоящие рабочие всей Земли. Это будет такая армия, пред которой все вы окажетесь горсточкой.

Кном.

Да, вот после стольких столетий вновь повторится славный клич. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Джем.

Товарищи! Да разве напрасно прошли века? Разве Земля – не единое трудовое государство? Разве есть еще пролетарии на Земле?

Кном.

Да, вот, например, я сравнительно с тобой – настоящий пролетарий.

Эрм.

Не довольно ли диспута? Отвечайте прямо. Ваша Ассоциация намерена оказывать противодействие центру?

Тас.

Не намерена ему подчиняться слепо. Заметьте. Все города Южной Африки –

в руках Ассоциации, везде Главные и Местные Советы заменены Президиумами Ассоциации. В нашем распоряжении – все склады, все арсеналы, все радио, все станции – земные, морские и воздушные. Южная Африка желает сама распоряжаться своей судьбой.

Джем. Это нарушение конституции.

Тас. Вы ее нарушили первые.

Эрм. Это война?

Кном. Коли хотите, так война.

Джем. Ассоциация берет на себя страшную ответственность перед человечеством.

Кном. Уж как-нибудь снесем, потерпим.

Эрм. Нам остается только уехать.

Кном. Нда! Данный вам срок истекает.

Джем. До свидания, товарищи.

Кном. Авось свидимся. Пока прощайте.

Кном и Тас удаляются.

Капитан, с корабля. Спешите. Ветер крепнет.

Джем, почти сам с собой.

Упрямые животные! Необходимо раздавить это гнездо мятежа.

Кном и Тас вдали поют. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Сцена V.

Терраса в загородном дворце Диктатора в Италии. Вид на роскошный сад. Ночь. Луна.

Ига и Орм сидят рядом.

- Ига.** Милый. Закрываю глаза, и мне кажется, я – в неизмеримых пространствах. Ты своей любовью вознес меня так высоко над миром. Но вот смотрю опять, вижу твое лицо в лунном свете. И мы опять лишь два человека, любящие друг друга, такие же, каких прошло по Земле миллиарды миллиардов. Ты любишь меня, Орм?
- Орм.** Я люблю твои глаза, открытые и закрытые, твои слова, умные и глупые, твои протянутые ко мне губы. *(Целует Игу.)*
- Ига.** Неужели это не сон?
- Орм.** Конечно, сон. Но он должен повторяться и потому будет равен действительности.
- Ига.** Твоя действительность слишком велика – властвовать всей Землей.
- Орм.** Властвовать всей Землей, властвовать тобой, всем твоим существом – кто скажет, что больше, что сложнее. *(Целует Игу.)*
- Кро, появляясь.** Оканчивайте ваш поцелуй, я подожду.
- Ига закрывает лицо руками.*
- Орм, спокойно.** Как ты вошла? Страже дано категорическое распоряжение. *(Протягивает руку к телефону.)*
- Кро.** Не спешите никого допрашивать. Я спу-

стилась на своем аэро в саду и прошла по тайной лестнице, ключ от которой вы сами когда-то дали мне. Я хотела вас видеть наедине.

Орм. Я попрошу Игу удалиться.

Ига, нервным голосом, встав.

Я ухожу.

Кро. Бесплезно. Еще раз, Орм, я хотела спасти вас, вовремя предупредить. Но вижу, вы обречены. Как! Когда все кругом восстает на него, говорит ему гибель, когда дорога каждая минута, он как влюбленный юноша, воркует в лунном свете с белокурой красоткой!

Ига, вторично. Я ухожу. *(Почти выбегает.)*

Орм. Твоя ревность достаточно смешна – после всего, что я знаю о тебе. Теперь мы одни. Сообщи свои важные вести.

Кро. Нет! Я не скажу ничего. Ты уже недо-стоин моих забот о тебе.

Орм. Тогда ты напрасно потревожила мой отдых. *(Небрежно.)* Может быть, вы явились предупредить меня о заговоре Альма?

Кро. Альм и его сообщники арестованы твоими агентами за полчаса до моего отъезда. Нет, я знаю, что такие козни ты одолеть сумеешь. Нет, есть иные, от которых защитить тебя могла я одна. Вспомни прошлое.

Орм. Помню и очень признателен тебе за него.

И потому я всегда считал тебя самым близким к себе существом.

Кро. После белокурых возлюбленных.

Орм, пожимая плечами. Опять! Кро, полно ссориться. Судьба у нас общая. Говори, что ты еще разузнала.

Кро. Я не скажу ничего.

Появляется световой сигнал.

Орм. Ого! Важное известие. *(Берет телефон.)* Кто?... Странно. Впустить. *(Кладет телефон.)* Может быть, мы сейчас все узнаем помимо тебя.

Кро. То, что знаю я, не знает никто больше.

Джем и Инн входят.

Орм, Джем. Случилось что-нибудь особенное?

Джем. Известия важные.

Орм. Все же как ты мог в такое время покинуть столицу?

Джем. Альм арестован.

Орм. Знаю. Час тому назад.

Джем. Главнокомандующий Зирм успешно мобилизует силы. Воздушный флот отправляется на рассвете. Я вернусь к тому времени. Но из Калькутты получены новые известия...

Кро. Должна я удалиться?

Орм, *обменявшись взглядом с Джемом.*

Вы можете присутствовать. (*Джему.*)
Какое известие? Что Южно-Африканская Ассоциация первая начала военные действия? Так неужели ты думаешь, я не получаю радио здесь?

Джем.

Я был уверен, Орм, что вам это известно. Так же как и то, что Азиатский аэрофлот уже в пути, что Азией послано в Южную Африку радио – тоже начать войну немедленно?

Орм.

Знаю все.

Джем.

Но только что с Калькуттской межпланетарной станции прибыл на быстроходном аэро наш тайный агент Верм...

Орм.

Это любопытно. (*К Кро.*) Вы этого не знали?

Кро.

Я этого не знала.

Джем.

Верма подозревали. Его держали почти под арестом. Ему удалось бежать. Не доверяя радио, он явился сам.

Орм.

Что же он сообщает?

Джем.

Калькуттская Ассоциация вступила в радиосношения с Марсом, предупредила его о вашем проекте и просила защитить младшую планету от посягательства Земли.

Орм, *подумав.*

Да, это – важно. И это – постыдно. Обращаться к посредству Марса – значит отречься от своей роли руководителей мирового прогресса. Но что же. Видимо,

Земле, прежде чем вступить в новую эру, предстоит пережить еще одну, последнюю войну. Мы возвращаемся на тысячу лет назад.

Кро.

С кем же война?

Орм.

С теми, кто не понимает исторической эпохи, переживаемой нами. С теми, кто хочет остановить движение человечества вперед. Инн, вы немедленно соберете мою канцелярию – разбудите, кто спит, – изготовите приказы. Вы, Джем, тотчас отвезете эти приказы Главкокомандующему Зирму. Сам я буду в столице на рассвете, к отбытию аэрофлота.

Инн.

Будет исполнено.

Кро.

Приказы? О чем?

Орм.

Вы можете это узнать. В отмену моих прежних распоряжений приказываю вооружить весь флот нигилитом. Не искать встречи с неприятельским флотом. Лететь прямо в Индию. Уничтожить Калькутту, уничтожить Бомбей, уничтожить Мадрас, превратить в пыль все большие заводы и фабрики вместе с их населением. Разрушить плотины по Гангу и по Инду. Сжечь станции всех аэронефтов...

Кро.

А музеи, обсерватории, школы?...

Орм.

Уничтожить все, кроме складов, которые реквизируют. Индия должна стать пустыней.

Кро.

Орм, это бред. Может быть, иные минуты

я сама желала твоей гибели. Но то, что ты предпринимаешь сейчас, – безумие! Нельзя восстанавливать против себя все человечество. Нельзя в наши дни управлять страхом и казнями.

Орм, продолжает.

Альма и его сообщников завтра, по моему приказу, казнить публично, как в прошлые века.

Кро.

Это – террор!

Орм.

Да, террор! Я должен до конца исполнить свой долг. Земля созрела для того, чтобы властвовать в солнечной системе. А они осмеливаются просить помощи у Марса! Что такое Марс? Маленькая планета в ряду других. Мой план обширнее, чем вы думали. Сначала – Венера, потом – Марс. Обе эти соседние планеты должны повиноваться власти Земли. Человек должен стать царем вселенной. Наши повеления будут облетать пространства, и им должны внимать как слову божества. Земля – это новый бог, и я призван быть ее пророком. Человечеству суждено завоевать весь мир, и, если оно этого не понимает, я его заставлю понять. Я раздавлю непокорных и косных. Моей армией будут лучшие на Земле. Наперекор самим людям я им дам счастье и величие – величие, о котором не мечтал ни один поэт и ни один безумец.

Инн.

Да здравствует Диктатор Орм!

Кро.

Он помешался.

Орм.

Инн, за работу! Джем, готовься к отъезду!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена VI.

*Местность в Северо-Восточной Индии близ поля сражения.
Старый храм, обращенный в штаб-квартиру.
На пороге Джем и Инн.*

Джем, смотрит в бинокль.

Еще ничего не видно.

Инн.

Что же можно увидеть отсюда?

Джем.

Взрыв, который уничтожит Калькутту. Путь к ней открыт. Неприятельская линия прорвана на двести километров. С минуты на минуту наш аэрофлот должен быть над городом.

Инн.

И вас не смущает эта предстоящая бойня?

Джем.

Я верю Орму, что так надо. А вы?

Инн.

Не знаю. Я только пленен грандиозностью всего происходящего. Земля еще не видала ничего подобного. Бой, охвативший тысячи километров, длящийся десятки дней, втянувший десятки миллионов людей! Древние реки меняют свое течение, горы рушатся, города исчезают. Сказки стали действительностью!

Джем, опять смотрит в бинокль.

Все еще ничего!

Инн.

Радио известит нас раньше.

Джем.

Неприятель расстреливает радиоволны. А! Вот начальник Радио.

- Сунн, выходя из штаба.** Где Главкомандующий?
- Джем.** Сейчас будет здесь. Известие важное? Касается Калькутты?
- Сунн.** Известие чрезвычайной важности, товарищ Джем, но я могу сообщить его лишь Главкомандующему.
- Джем.** В таком случае я вызову Орма.
- Сунн.** Вызывать товарища Диктатора – дело Главкомандующего.
- Джем.** И мое также. Инн, распорядитесь.
- Инн.** Будет исполнено. *(Достает переносный радиотелефон и дает сигналы.)*
- Джем, Сунну.** Можете вы, однако, сообщить мне: наш аэрофлот достиг Калькутты?
- Сунн.** Вам я не могу сообщить ничего.
- Джем.** Сунн, остерегитесь!
- Сунн.** Я исполняю свои обязанности. Вот товарищ Главкомандующий.

Зирм подъезжает в автомобиле со штабными генералами.

- Сунн.** Товарищ Главкомандующий, вот чрезвычайно важное радио.
- Зирм.** Дайте! *(Читает поданную бумагу.)* Проверено?
- Сунн.** Проверено шифрованными радио.

Зирм, генералам. Немедленно кого можно созвать на военный совет; он открывается через пять минут.

Джем. Товарищ Главнокомандующий, я дал радио Диктатору, он тотчас будет здесь.

Зирм. Извините. Я не вправе медлить. (*Генералам.*) Исполнить мое приказание. (*Хочет войти в штаб.*)

Джем, загораживая Зирму дорогу.
Вы, однако не примете никаких важных решений без Диктатора?

Зирм. Потрудитесь не мешать мне, иначе я прикажу вас расстрелять.

Джем. Меня не испугаете! Я хочу знать, что случилось!

Зирм. Кто здесь распоряжается – я или вы?

Джем. Здесь и везде распоряжается Диктатор Земли.

Инн. Орм вернулся.

Орм подъезжает в автомобиле.

Орм. Что здесь происходит?

Джем. Получено какое-то важное радио. Зирм немедленно созвал военный совет. Я требовал, чтобы подождали вас.

Орм. Какое радио?

Зирм. Товарищ Диктатор, я могу огласить его лишь на военном совете.

- Орм?** Вздор! От кого тайна? Читайте сейчас.
- Зирм.** Я не считаю себя вправе.
- Сунн.** Товарищ Диктатор, это сообщение не должно получить общей огласки.
- Орм.** Я приказываю.
- Зирм.** На поле сражения я, как Главнокомандующий, ни от кого не могу принимать приказаний.
- Орм.** Так я отставляю вас от должности! (*Вырывает бумагу из рук Зирма и передает ее Джемму.*) Читайте вы, Джем!
- Зирм.** Я протестую и удаляюсь.
- Орм.** Оставайтесь здесь. Джем, читайте.
- Джем, читает.** «От Командующего Первой армией. Под влиянием известий с Марса экипаж аэрофлота отказался повиноваться, командиры арестованы. Левый фланг армии в открытом мятеже, командиры должны были бежать. Неприятель вновь перешел в наступление и занял переправы через Ганг. Жду приказаний.»
- Орм.** Это – подложное радио, данное неприятелем!
- Сунн.** Позволю себе объяснить, что радио проверено.
- Орм.** Тогда это массовое безумие, от которого мы быстро излечим, двинув в дело нашу Южную армию.

На мотоцикле подъезжает офицер.

- Орм, оборачиваясь.** Кто вы?
- Офицер.** От Командующего Южной армией. Во всех наших частях – мятеж. Армия отказалась повиноваться, оружие брошено. Неприятельский аэрофлот безвредно перелетел через нашу линию. Он будет здесь через полчаса.
- Орм.** А Командующий?
- Офицер.** Все убиты, как и сам Командующий.
- Орм.** А вы?
- Офицер.** Я тоже убит. *(Падает.)*
- Ини, свидетельствуя упавшего.**
Он умер.
- Зирм.** Что предпринять, мы обсудим после. Сейчас надо немедленно отступить к резервным частям. Готовить авто и аэро!
- Орм.** Остановитесь! Властью Диктатора приказываю вам не трогаться с места! Бежать успеете!
- Сунн.** Товарищ Орм, обращаю ваше внимание, что ваша собственная жизнь...
- Орм.** Я сам позабочусь о ней. Радио в исправности?
- Сунн.** Действовало исправно несколько минут назад.

Орм. Идемте! (*Хочет идти в штаб.*) Стойте! Аэронеф с парламентским флагом.

Сунн, тихо. Ну, кажется, мы погибли.

Эрм и Ленн входят с белым флагом.

Орм. Кто это? Или я ошибаюсь?

Джем. Нет, это точно товарищ Эрм.

Эрм. Товарищ Орм! Я – уполномоченный Штаба Южно-Азиатских армий.

Орм. Вы, Эрм? Но мне кажется, вы были комиссаром при моей резервной армии.

Ленн. Резервная армия Центра в полном составе сложила оружие. Главнокомандующий Азиатской армией, предполагая, что вам будет удобнее вести переговоры с лицом вам знакомым, предложил товарищу Эрму...

Орм, прерывая. Не продолжайте! Я вас понял. (*Эрму.*) Эрм, вы изменили мне, потому что соединились со мной для того, чтобы изменить. Потому что вы – предатель по природе.

Эрм. В моем лице вы оскорбляете парламентаря.

Орм. Может быть, и Кро с вами.

Ленн. Ваша супруга находится сейчас у нас в плену. Но вы можете не беспокоиться по отношению...

Орм. О, я не беспокоюсь! Где же и быть моей супруге, как не в лагере моих врагов!

- Эрм.** Товарищ Орм! Я должен вам передать формальное предложение Главнокомандующего Азиатской армией. Три четверти ваших армий сложили оружие...
- Орм.** Преувеличение!
- Эрм.** Нет, точная истина. Когда стало известно, что Марс ультимативно воспретил колонизацию Землей Венеры под угрозой немедленной войны с Марсом...
- Орм.** Да, ведь войска Марса могли бы явиться на Землю только через несколько лет! Я ведел объявить об этом везде!
- Эрм.** Очевидно, ваше объявление не подействовало. Когда стал известен ультиматум Марса, три четверти ваших армий отказались сражаться за безнадежное дело. Последняя четверть, оставшаяся верной вам, находится в положении безвыходном. Она может быть истреблена в любой момент. Главнокомандующий Азиатской армией предлагает вам спасти ее от бессмысленного избиения.
- Орм.** То есть?
- Эрм.** Чтобы вы дали ей приказание тоже сложить оружие.
- Ленн.** Мы рассчитываем на ваши гуманные чувства, товарищ Орм.
- Эрм.** Что касается вас лично и вашего штаба, то вы будете признаны военнопленными и, разумеется, все то уважение, на которое вы имеете право...

Орм. Опять вы начинаете шутить, товарищ Эрм! Может быть, мы проиграли сражение – благодаря таким союзникам, как вы. Но вы забываете, что девять десятых Земли признают мою власть Диктатора. Индия может торжествовать, но ненадолго.

Ленн. Вы опять ошибаетесь. Северная Америка, обе Африки и Восточная Европа уже объявили вас лишенным власти.

Орм. Ложь! Вы хотите смутить моих приближенных.

Эрм. Повторяю: оскорбляя нас, вы в нашем лице...

Орм. Да бросьте пустые слова! Я вижу вас насквозь. Ради своих мелких личных счетов и расчетов вы губите дело всего человечества! Но вам это не удастся! Вернитесь к своему Главнокомандующему и скажите ему, что я презираю его предложение.

Сунн. Это – помешательство.

Эрм. Орм, в последний раз предлагаю вам сдать. От имени Главнокомандующего обещаю вам полную безопасность и свободу. Я пришел спасти вас, Орм. Когда-то мы были друзьями...

Орм, теряя самообладание.

Презренный! Ты смеешь говорить об этом!

*Орм выхватывает револьвер, стреляет. Эрм падает.
Мгновение все потрясены и неподвижны.*

Зирм. Что вы сделали, товарищ Диктатор? Вы убили парламентаря.

- Ленн.** Это – неслыханное варварство.
- Джем.** Орм, опомнитесь!
- Орм, хрипло.** Что я сделал? Я убил предателя. Он был мой солдат, и я не признаю его парламентаром. Мне как Диктатору принадлежит право жизни и смерти.
- Ленн.** С содроганием заявляю протест о нарушении элементарных законов войны. Я удаляюсь и сообщу всем о неслыханном преступлении, – если вы не намерены убить также и меня.
- Орм.** Уходите, вас я щажу.
- Ленн удаляется.*
- Сунн.** Я сказал, что он помешался.
- Зирм.** Слагаю с себя всякую ответственность.
- Джем.** Надо спасти его.
- Иин.** Хотя бы силой.
- Джем.** Орм! Необходимо отступить!
- Орм, словно очнувшись.** Товарищ Главнокомандующий!
- Зирм.** Я уже лишен этого звания вами.
- Орм.** Товарищ Джем! Назначаю вас временным Главнокомандующим армией.

Многие пожимают плечами.

Мы медленно едем к Южной армии, чтобы

организовать сопротивление неприятелю. Предоставляю всем на выбор: остаться здесь и сдаться в плен или следовать за мной.

Сунн. Позволяю себе предупредить вас, что путь к Южной армии отрезан.

Орм. Посмотрим, изготовлена ли та бомба, которая разобьет череп Диктатора Земли. К автомобилю, Джем, и кто со мной?

Орм удаляется, за ним Джем и Инн.

Сунн. Но его надо было задержать.

Зирм. Отчего же вы этого не сделали? Получили бы хорошую благодарность от Азиатского Штаба.

Сунн. Нет, я – чтобы спасти его самого. Ужасное зрелище! Такой ум – и дошедший до безумия!

Зирм. Товарищи, поставьте белый флаг. мы сдаемся!

Сцена VII.

*На одном из островов Тихого океана. Пальмовый лес.
Дом южного типа с верандой. Джем в задумчивости. Ига.*

Ига.

Стыдно так унывать, Джем!

Джем, подняв голову.

Все, что произошло, мне представляется невероятным. Что строилось, подготавливалось годами, веками, тысячелетиями, — рухнуло в несколько дней. Величайшая мечта, когда-либо озарявшая человека, объявлена бредом, преступлением. Люди взбунтовались против того, кто должен был дать им скипетр вселенной. Орма, величайшего гения наших дней, преследуют как злодея. Мы — беглецы, загнанные на этот пустынный остров Тихового океана. Есть отчего помешаться!

Ига.

Джем, взгляните на Орма. Он не отчаивается. Он верит, что еще можно все поправить.

Джем.

Кто верил в Орма больше меня? Но теперь я знаю природу людей лучше, чем он. Орм слишком велик, чтобы понять всю их низость и трусость. Ультиматум Марса превратил их в дрожащее стадо рабов.

Ига.

Но ведь поймут же люди, что эта угроза Марса осуществима лишь в каком-то далеком будущем.

Джем.

Не поймут, потому что охвачены стихийным страхом. Чем меньше знают Марс, тем больше трепещут перед ним. Воображают, что Марс обладает какими-то чудовищными, сверхъестественными сред-

ствами истребления. Верят, слепо верят в его всемогущество.

Ига. Но пройдет время. Все убедятся, что Марс пока бессилен. Между тем голод на Земле будет расти. Поневоле вернуться к проекту Орма.

Джем. Ига, я еще никому не говорил – ни вам, ни Орму. Вчера я принял радио. В Капштадте опыты с интенсивацией продуктов прошли с полным успехом. По-видимому, человечеству вновь будет обеспечено пропитание. Правда, всего на какое-нибудь столетие. Но кто станет заглядывать дальше. Только гении заглядывают в будущее через тысячелетия. Толпе довольно завтрашнего дня.

Ига. Значит, рабочие оказались правы.

Джем. Да, на время – правы.

Звонок.

Ига. Что это?

Джем. Сигнал с поста. Видите, спускается аэро.

Ига. Наш?

Джем. Нет. Белый флаг. Это парламентар.

Ига. Опять какое-нибудь коварство наших врагов?

Джем. Наверное. *(С яростью.)* Ведь только предательством они добились своего. Эрм изменил нам. Зирм изменил нам. Кро изменила нам. А она одна опаснее всех.

В этой женщине все – хитрость, все – коварство, все – зло.

Ига. Тише. Это она.

Джем. Кто?

Ига. Жена Орма.

Джем. Проклятие! Я готов убить ее, как Орм убил Эрма.

Кро и Ленн входят.

Ленн. Мы – представители Временной Федерации. Нам нужно видеть товарища Орма.

Джем. Диктатор был ранен и болен. Он никого не может принять. Но все полномочия им переданы мне.

Ленн. Мы вправе передать наши поручения только лично товарищу Орму.

Джем. Сожалею, но это невозможно.

Ленн. Вам больше нас придется жалеть об этом.

Джем. Что делать.

Кро. Надеюсь, я, как жена Орма, могу его увидеть, хотя он и болен.

Джем. В распоряжении Диктатора ни для кого не сделано исключений.

Кро. Он не предвидел, что приду я. Мне надо видеть Орма, и я пройду к нему. (Хочет войти в дом.)

Джем, *загораживает дорогу Кро.*

Вы хотите, чтобы я силой закрыл вам вход?

Кро.

Осмелитесь! (*Хочет отстранить Джема.*)

Ига, *выступая.*

Вы не пройдете!

Кро.

Что? Вы милая, тоже возвышаете здесь голос? Вообразили, что имеете какое-то право, если Орм на время приблизил вас к себе?

Ига.

Презираю ваши оскорбления. Но к Орму вас не допущу. Довольно тех обид, какие вы уже нанесли ему.

Кро, *гневно.*

Прочь с дороги! Понимаешь ли ты, дерзкая девчонка, о чем идет речь! Ты рассуждаешь как любовница, а мы пришли к бывшему Диктатору как к государственному человеку. Ленн, помогите мне.

Джем.

Довольно, товарищ Кро. Еще шаг, и я вызову стражу. Мы слишком понимаем, зачем вы пришли. Вы думаете, пришла пора насладиться своей победой. Мы знаем, наши неудачи – во многом дело ваших рук. Но вы не получите удовлетворения. Вам не удастся уязвить Орма коварными словами. Уходите. Переговоры окончены. Объявите пославшим вас, что мы отказываемся от всяких соглашений.

Ленн.

Это ваше последнее слово?

Джем.

Это наш ответ.

Ленн.

Идемте, товарищ Кро. Нам здесь более нечего делать.

Кро. Я еще вернусь, Джем.

Кро и Ленн уходят.

Ига, рыдает. Джем! Джем! Как она меня оскорбляла!

Джем. Успокойтесь, Ига. Она была вне себя от ревности. Всеми ее поступками движет одно – ревность. Но торжество осталось за нами. Вы держались достойно.

Ига, быстро отирая глаза.

Сюда идет Орм.

Орм сходит с веранды. Его рука на перевязи.

Орм. Кто был здесь?

Джем. Товарищ Ленн и товарищ Кро. Как парламентарии. Хотели видеть вас. Мы отказали.

Орм. Прекрасно. Мы не можем вступать в переговоры с врагом. Есть вести из Мельбурна?

Джем. Пока нет.

Орм. Во что бы то ни стало надо сообщить туда, где я.

Ига. Вы думаете, там этого не знают?

Орм. Враги перебивают наши радио. Я знаю, что Австралия за меня. Узнай она, где я, – в моем распоряжении тотчас будет Южный аэрофлот. Опираясь на Австралию, я в три дня займу Восточную Азию. Такой базы достаточно, чтобы вновь покорить всю Землю. *(Помолчав.)* Вообще никаких известий?

- Джем, с затруднением.** Никаких.
- Орм.** Есть у нас аэронефы?
- Джем.** Один, последний.
- Орм.** Джем, прошу тебя. Иди, установи связь с Австралией. Работай сам на радио. Отправь этот последний аэро с надежными людьми. Пусть во что бы то ни стало они достигнут Мельбурна и передадут мои депеши.
- Джем.** Но возможно ли это?
- Орм.** Все возможно для тех, кто решил добиться своей цели. Иди.
- Джем.** Исполню. (*Уходит.*)

Орм и Ига.

- Орм.** Ига, милая Ига! Вот до чего я довел тебя...
- Ига.** А, что говорить обо мне! Но ты, Орм! Ты ранен, ты болен – и должен прятаться, как беглец, здесь, где нет даже настоящего врача!
- Орм, продолжая свою мысль.**
Ты доверилась мне, когда предо мной был трон Вселенной. Вместо того – пустынный остров, лишения, опасности, чуть не угроза казни.
- Ига.** Я доверилась тебе, Орм, потому что люблю тебя!

- Орм.** «Люблю»! Прекрасное, миллионы раз повторенное, но все же неясное слово!
- Ига.** Я люблю тебя! Мне нужно лишь одно – чтобы ты любил меня! Чтобы ты был со мной! Ах, Орм, любишь ли ты меня! Если любишь, то почему бы... почему бы не отказаться от всей этой борьбы? Ведь если ты уступишь теперь, тебе предоставят свободу. Неужели мы будем менее счастливы вдвоем, без всякой власти?
- Орм.** Ига! Об этом никогда ни слова! Я возненавижу тебя! (*Мягче.*) Глупая! Пойми, что мне уступить уже невозможно. Для меня нет пощады. Сдаться – значит погибнуть. Меня ждет казнь или вечное заточение, а тебя, тебя...
- Ига.** Но ты еще веришь в успех?
- Орм.** Я верю. Наш аэро достигнет Австралии. Если нет, – в моем распоряжении есть субмарина. Я брошу здесь эти жалкие остатки войска и сам явлюсь в Мельбурн. Нет, я не уступлю!
- Ига.** Для этого надо быть здоровым, Орм.
- Орм.** Я уже вполне здоров.
- Ига.** И хочешь завтракать?
- Орм.** О да, буду завтракать с удовольствием, если есть чем.
- Ига.** Мы еще не в осаде. Так идем.
- Орм.** Иди и распорядись с завтраком (*шутя*),

Императрица Мира! Я пока полюбуюсь этим небом и подожду Джема.

Ига. Хорошо. Обещаю, что завтрак будет не хуже, чем в твоём Дворце Диктатора. *(Уходит.)*

Орм задумался. Появляется Лэр.

Лэр. Орм!

Орм. Кто здесь? Лэр? Откуда ты? Зачем ты? Что тебе надо?

Лэр. Те же вопросы ты мне уже задал однажды. Откуда я? Это все равно. Зачем? Чтобы спасти тебя. Что мне надо? Мне нужна твоя жизнь.

Орм. Ты опять в припадке безумия. Я не стану тебя слушать. *(Хочет уйти.)*

Лэр, заступая дорогу Орму.

Ты выслушаешь меня, потому что я – посол от тех, кому и ты должен повиноваться.

Орм. Оставь старые бредни.

Лэр. Ты слишком знаешь, что это – истина. Орм, ты погиб.

Орм. Но, ты сказала, что пришла спасти меня.

Лэр. Да, спасти от позора.

Орм, гордо. До этого еще далеко.

Лэр. Твой остров окружен. Через час ты будешь в плену.

Орм. Лжешь! Уходи, или я прикажу арестовать тебя.

Лэр. Прикажешь? Кому? Кто станет теперь тебе повиноваться? Все уже знают, что ты обречен.

Орм. У меня еще достаточно власти, чтобы справиться с женщиной!

Лэр. Орм, я – не женщина, я – твой брат в тех сферах, куда ты дерзнул заглянуть и от которых отрекся. *(Торжественно.)* Я любила тебя, Орм. Я не позволю тебе узнать позор казни через палачей. Ты должен умереть от моей руки.

Орм. Проклятая колдунья! Прочь! Я не боюсь тебя! Прощай... Пропеллер! Это... *(Радостно.)* Это – австралийский аэронеф! Это – спасение! Это – победа.

Лэр. Вглядись хорошенько, что это за корабль!

Орм смотрит в высоту. Лэр стреляет в него из револьвера.

Орм падает.

На выстрел вбегают Ига и стражи.

Ига. Что здесь? Орм убит? Измена?

Лэр. Нет! Спасение! Орм! Орм! Я спасла тебя!

Лэр падает, рыбая, на труп Орма.

Занавес

Начато 23 июля, закончено 7 ноября 1921 года.

МИР СЕМИ ПОКОЛЕНИЙ

Драма в пяти действиях

Валерий Брюсов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Леотоет	– председатель Тайного совета	Лиайлайа	– любовница Дириада
Дириада	} члены Тайного совета	Женщины первая, вторая	Мужчины первый, второй, третий, четвертый Стражи Тюремщик Секретари Леотоета первый, второй Народ
Ауруар			
Четвертый			
Пятый			
Риараур			
Аитиа	– жена Риараура		
Эалаэ	– жена Леотоета		
Меор	– ученый		
Суутеес	– ученик Меора		
Коатоак	} друзья Риараура		
Нун			
Гезег			

*Действие происходит на комете, именуемой Мир семи поколений,
в близком к нам будущем.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена I.

*Вершина горы. Балюстрада. Вечер. Группы гуляющих всходят,
останавливаются,
смотрят на небо, сходят на другую сторону.*

1

Две женщины и мужчина

- Женщина первая.** Эта звездочка и есть Земля?
- Мужчина.** Да. И с каждым вечером она будет увеличиваться. Потом закроет полнеба, как серебряным щитом.
- Женщина вторая.** И там есть жизнь?
- Мужчина.** Если верить астрономам.
- Женщина первая.** И это из-за нее столько споров?
- Мужчина.** Говорят, мы с нею столкнемся.
- Женщина первая.** По-моему, это им, живущим там, выискивать способы, как спасти себя.
- Женщина вторая.** Становится холодно. Пойдемте вниз. Прохлада – вещь хорошая, но в меру.

Сходят.

2

Трое мужчин

- Мужчина второй.** Хорошенькие девочки!
- Мужчина третий.** Э! Красота молодежи в наши дни непрочно. Ты видел, как они худы, как бледна их кожа от постоянного зноя.
- Мужчина четвертый.** Да, наступает плохое время. Только и можно дышать по ночам.
- Мужчина третий.** Верно! Днем я задыхаюсь и прямо слепну.

Мужчина второй. Вот что значит – старики! А мне здесь так холодно. Да и другим. Смотрите, все расходятся.

Мужчина четвертый. Холодно–то здесь, холодно. В самом деле все уходят.

Мужчина третий. Пойдем и мы.

Уходят.

3

Меор и Суутеес

Суутеес. Учитель! Ты устал. Сядь здесь отдохнуть.

Меор. Я хотел видеть Землю. Глаза мои уже слабы. Но вижу. Вот она. Эта бледная звездочка.

Суутеес. Это она, учитель.

Меор. В первый раз еще мы будем от нее так близко. Какие можно будет сделать наблюдения! Что нового явит нам она на этот раз? Окончились ли там кровавые войны? Наступило ли там братство разных народов? Научились ли жители Земли понимать свое место среди других миров Солнечной системы?

Суутеес. Учитель, ты веришь в то, что наша встреча с Землей будет для нее роковой?

Меор. Я ни во что не верю, я доверяюсь только тому, что знаю.

Суутеес. Но верно ли то, что предполагают?

- Меор.** Этот вопрос реши сам.
- Суутеес.** Тебя он не интересует?
- Меор.** Меня? *(Задумывается. Потом встает.)*
Я буду говорить с тобой об этом после.
Теперь пойдем – мне надобно работать.
(С неожиданной энергией.) Ты – прав: мне надобно работать.

Уходят.

4

Диадиад и Лиайлайа.

- Диадиад.** Сюда!
- Лиайлайа.** Холодно.
- Диадиад.** Зато мы здесь одни.
- Лиайлайа.** Темно. Холодно. Смотри, все ушли.
- Диадиад.** Лиайлайа! Это последние минуты, что мы наедине. Там, внизу, за нашим каждым шагом будут следить. Дай еще раз обнять тебя! Дай еще прижать твои губы к моим! И целовать твои плечи! И грудь!
- Лиайлайа.** И все это тайно! И мы должны любить, прятьсясь ото всех! Как стыдно! Как позорно!
- Диадиад.** Скажи одно слово...
- Лиайлайа.** Нет, нет! Не хочу! Такой ценой не куплю нашего счастья!

Те же. Леотое и два секретаря

- Леотое**, *выступая.* Диадиад!
- Диадиад.** Кто здесь? Леотое, что тебе здесь нужно?
- Леотое.** Мне нужно говорить с тобой.
- Диадиад.** Ты выбираешь странный способ! Ты преследуешь меня. Ты подсматриваешь за мной. Здесь я – не член Совета. В свои свободные часы я свободен. Это – оскорбление.
- Леотое.** Ты всегда – член Совета.
- Диадиад**, *подходя.* Здесь нет члена Совета. Здесь тот, кто говорит тебе: уходи! Уходи, или я сброшу тебя с этой скалы! И если кому-либо ты скажешь, что видел...
- Леотое.** Властью председателя Совета...
- Диадиад.** Я более не член Совета. Прими мою отставку.
- Леотое.** Властью председателя Совета не принимаю твоей отставки.
- Диадиад.** Это слишком! Еще слово...
- Леотое.** Молчи. Ты должен понять. Если так говорю я, если так поступаю я – значит, это надо. (*Секретарям.*) Товарищи, проводите товарища Лиайлайю до моего аэро, посадите ее на Малой площади. (*Лиайлайе.*) Товарищ Лиайлайя, позволь просить тебя принять мой аэро. Ты выйдешь около самого дома твоего отца. (*Диадиаду.*) Успокойся, эти люди будут немые.

Диадиад. Лиайлай! Если хочешь...

Лиайлай. Я повинуюсь, Правитель.

Уходит. Секретари с ней.

6

Диадиад. Леотоет

Диадиад. Теперь мы одни, и ты мне ответишь...

Леотоет. Я не буду тебе отвечать. Напротив, ты слушай, что я скажу. Вчера я вызвал тебя по радио. Почему ты не явился?

Диадиад. Потому что был занят.

Леотоет. Занят любовью. Увез дочь Начальника охраны.

Диадиад. Запрещаю тебе говорить о ней!

Леотоет, не обращая внимания.
Дочь Начальника охраны. Жену...

Диадиад. Жену сумасшедшего!

Леотоет, не обращая внимания.
Жену инженера Гаолоага. Увез на своем аэро к экватору. Прятался там с ней в опустелом городе. Твои частные дела меня мало касаются. Но ты оказался мне нужен. Вчера я послал тебе радио – вернуться.

Диадиад. Я вернулся.

Леотоет. Но не явился ко мне. Мне пришлось тебя разыскивать. Хорошо, что меня известили.

- Диадиад.** Так за мной следили?
- Леотоет.** Конечно. Я знал каждый твой шаг. Ты мне нужен. Я пришел туда, где ты.
- Диадиад.** Я слушаю. На что я тебе нужен?
- Леотоет.** Завтра собрание Тайного Совета. Ты должен узнать, как держать себя там.
- Диадиад.** Разве члены Совета стали твоими подчиненными? Разве нас избрали в Совет затем, чтобы исполнять твои приказания?
- Леотоет.** Ты должен узнать от меня, как себя держать в собрании Совета. Завтра делает свой доклад Риараур.
- Диадиад.** А! Уже завтра?
- Леотоет.** Так оказалось необходимо. Более нельзя было медлить. Завтра мы все пятеро должны поступить, как один человек. Иначе наша власть погибла. Иначе погибла, может быть, наша жизнь. Может быть, все, весь наш мир. Товарищи все предупреждены. Теперь твоя очередь. Иди за мной. Я тебе все объясню.
- Диадиад.** Так это правда, что Риараур... что он хочет...
- Леотоет.** Иди за мной. Ты узнаешь все.
- Диадиад.** Повинуюсь.

Уходят.

Сцена II.

Собрание Тайного совета.

Леотоет, Диadiaд, Ауруар, Четвертый и Пятый члены
Тайного совета. **Риараур**

1

Леотоет.

Риараур, ты можешь говорить.

Риараур.

Товарищи! Нашу комету мы называем: Мир семи поколений. Вы знаете почему. За время ее одного обхода вокруг Солнца, за эти 100 000 дней, сменяется шесть, или как мы считаем, семь поколений. Когда наш мир наиболее удален от Солнца, он весь обращается в лед. Все живое на нем замерзает. Напрасно принимаем мы, вот уже ряд годов и столетий, все доступные нам меры. Сон, неодолимый сон, для многих, для очень многих переходящий в смерть, овладевает в тот период всем живым. Больше 10 000 дней в нашем мире нет жизни. Потом медленно начинается ощущаться спасительное действие Солнца. Иные из спавших пробуждаются в нагретых залах наших городов. Иные, но не все. Едва несколько миллионов существ возвращается к жизни – в мире, где их может жить миллиард и больше. Возвращается к жизни, чтобы дать жизнь второму поколению.

Диadiaд.

Мы все это знаем со школы!

Риараур.

Да, вы все это знаете. Но я должен вам напомнить то, что все знают, но слишком легко забывают. Вы все читали в книгах, что в силу инстинкта это уцелевшее племя

быстро размножается. Вся энергия этих оживших мертвецов бывает направлена на то, чтобы родить себе подобных. Женщины быстро вынашивают, легко рожают крепких детей, которым суждено жить в новых условиях. Пережившие смертный сон спешат передать этим детям все знания, все навыки, все традиции веков. Вырастает новое племя, второе поколение, также размножающееся быстро, — поколение здоровяков, сильных мышцами и умом. Они живут еще в холоде, еще в полусумраке, но они смело встречают трудности жизни. Это поколение дает нам великих ученых, великих инженеров, великих строителей. Наши города выстроены ими, наша наука создана ими, наша относительная власть над природой нам дана ими.

Диадиад.

К делу!

Леотоег.

Прошу не прерывать оратора.

Риараур.

Но наш мир все приближается к Солнцу. Его лучи действуют все более властно. Скучная растительность превращается в роскошную. Вырастают чудовищно громадные цветы. Оживают гиганты-бабочки, слепящие яркостью красок. Мириады живых существ, гадов, птиц, рыб, насекомых наполняют дебрь взносящихся к небу лесов и глубь широко кипящих потоков. Бушуют бури, гремят водопады, блистают радуги, огни бороздят ночную тьму. И в этой пышности, в этом празднике природы, возрастает наше третье поколение. Это — то, откуда вышли наши великие художники. Мы гордимся их стихами, наши

музеи наполнены их картинами и статуями, их музыка чарует нас. Счастливо племя, племя наших дедов и отцов, которых уже меньше и меньше среди нас, – поколение, которому дано блаженствовать почти 15 000 дней.

Потом наступает тот период, в котором теперь живем мы – четвертое поколение. Солнце слишком близко. Зной его спалит нашу растительность. Сохнут и блекнут цветы, травы, деревья. Животный мир на три четверти вымирает. Наши женщины слабы и бледны, большинство мужчин бездеятельно и бессильно. У нас нет воли ни для подвигов, ни для искусств, ни для научных исследований. Чувственные страсти, жажда наслаждений, искание неги – вот что господствует в наше время. Свирепствуют болезни, и хилые существа быстро умирают, не имея сил бороться. Тысячи кончают жизнь самоубийством. И день за днем все это становится ужасней, безнадежней, и лучи солнца палят беспощадней. Еще сколько-то дней, и мы все, все, даже я и вы, утратим последнюю волю, будем искать одного: как бы укрыться от этого зноя, спастись от его губящего яда. Наш мир обратится в сожженную пустыню, где только по ночам появляются бледные тени, чтобы вдохнуть прохладу...

Дианад.

Но ведь потом жизнь вернется опять!

Риараур.

Потом все то же повторится вновь, в обратном порядке. Наши дети, пятое поколение, вновь будут жить в роскоши. Наши внуки, шестое поколение, – в суровых условиях, способствующих работе. Но если для

первых поколений – впереди надежда, то для последних – впереди смерть. Их песни, их музыка, их картины – грустны; их работы направлены к одному – уберечь себя от близящихся холода и мрака. Но они придут, и холод, и мрак придут неизбежно, и седьмое поколение, которое потом станет первым, все равно не найдет спасения. Медленно жители того периода окаменеют в стуже и тьме, впадут в смертный сон, из которого пробудятся лишь немногие. И весь круг начнется сначала.

Леотоет.

К чему же ты рассказал нам эти школьные истины?

Риараур.

Да! Школьные истины. То, что вы все знаете. То, что происходило ряд годов и столетий, может быть – тысячелетий. Но я рассказал вам это потому, что на этот раз произойдет то, чего еще не бывало никогда.

Леотоет.

Скажи столь же точно, что именно.

Риараур.

Сейчас. Но сначала один вопрос. Пусть каждый спросит себя: принадлежит ли наш мир к числу счастливых? Думаю, все ответят: конечно, нет! Вся наша энергия, все наши умственные силы уходили, уходят и будут уходить в одно: на борьбу с жестокими условиями жизни, – на борьбу, в которой мы всегда останемся побежденными. Из наших семи или шести поколений, сменяющихся в течение нашего долгого года, способно к работе лишь одно. Накопленные веками знания гибнут у нас в течение смертного сна последнего племени. Мы идем вперед и потом отступаем

назад, теряем все найденное. Нет! Наш мир – несчастный мир, один из несчастнейших во всей Солнечной системе миров!

Существуют ли иные, более счастливые миры? Да, и мы их знаем. Пробегая огромные просторы мирового пространства, мы могли наблюдать так называемые планеты, миры, где нет этих ужасных переходов от зноя к стуже, от жизни к смерти. Мы знаем три мира, где также живут мыслящие существа, где пышно и гордо разрастаются искусства и знания. Это те планеты, которые мы называем: Венера, Земля, Марс. На Венере культура только зарождается. На Марсе она достигла высокого расцвета, но кажется, уже не идет вперед. Но на Земле, на этой зеленой планете с маленькой луной, наши летописи каждый раз отмечают смелые шаги вперед. Наша наука говорит нам, что для Земли есть все основания стать владыкой Солнечной системы. Оттуда, с Земли, скоро понесутся межзвездные корабли разносить семена знаний в другие миры. Обитателям Земли суждено владеть над всеми планетами и кометами Солнца, – властвовать высотой своих идей, силой своей науки, своей мощью над природой! Земля – это счастливейший из миров, и все другие должны и беречь его и смотреть на него, как на свою надежду.

Леотоет.

Товарищ Риараур! Ты говорил долго. Прошу тебя, переходи к выводам.

Риараур.

Я говорил долго. Но я скажу, что суждено слышать только один раз во всей нашей истории. Всем известно – это установили наши астрономы, – что <на> этот раз на-

ша комета, пересекая орбиту Земли, подойдет к ней ближе, чем когда-либо в прошлом. Но, приближаясь к Солнцу, наша атмосфера испытывает сильные изменения. Масса мельчайших частиц выталкивается из нее и отбрасывается в сторону, противоположную Солнцу. С другой планеты наш мир, наша комета будет казаться звездной с ярким хвостом. На этот раз такой хвост покроет собой ту планету Землю, о которой я говорил. Но хвост нашей планеты будет содержать пары углерода. Наш организм дышит ими. А для обитателей Земли углерод смертелен. Смешавшись с атмосферой Земли, хвост нашей кометы обратит ее в яд. Как только произойдет это, все животное на Земле умрет. Товарищи! Мы – летучая смерть. Мы несем гибель Земле. Мы для нее ужас и судьба. Мы станем палачами счастливейшего из миров, того, которому суждено властвовать под Солнцем!

Леотоет.

Твой вывод, товарищ Риараур?

Риараур.

Мой вывод? – Что мы этого допустить не можем! Не смеем! Не должны! На что нужен наш несчастный мир в общей экономике вселенной? Он – не нужен. Земля – нужна. Но мы, чтобы спасти Землю, должны уничтожить себя.

Диаднад.

Что? Он – сумасшедший!

Леотоет.

Тише. Товарищ Риараур, ты предлагаешь уничтожить наш мир. Каким же способом?

Риараур.

Над этим я работал больше четырехсот дней. Вот – чертежи и планы. Совет для

обследования их, может пригласить, конечно, под крайней тайной, любых из выдающихся ученых.

Диадиад.

Он враг народа!

Леотоет.

Требую молчания. Ты сам, Риараур, проверял свои планы и чертежи с кем-либо из ученых специалистов?

Риараур.

Нет. Я не показывал их никому. Но ошибки быть не может. Я ручаюсь за точность моих вычислений.

Леотоет.

Ты обратился прямо в Тайный совет?

Риараур.

Да. Потому что я верю в вашу мудрость и в вашу самоотверженность, товарищи! Вы избраны всем народом, вы – глава нашего мира. Если бы я доверился кому-нибудь, мой замысел мог бы стать известен многим. А жажда жизни слишком сильна в живых существах. Ради того, чтобы жить, жить хотя бы в наших несчастных условиях, толпа пошла бы на все. Она свергла бы свое правительство; она силой не допустила бы производить нужные работы. Нет! Это дело требовало тайны. Вы, только вы пятеро, способны понять меня. Вы, избранные всем миром, сумеете преодолеть в себе низкий инстинкт жизни, – ради великой цели. Вы поймете, вы поняли, что мы должны поступить так! Ты, ты, Леотоет, понимаешь меня?

Диадиад.

Он бредит. Довольно.

Риараур.

Не слушайте этого безумца! Он – из тех, кто соблазнен жизнью! Но мы...

- Леотоег.** Довольно, Риараур, мы тебя выслушали. Теперь ответь в последний раз: никто не знает твоего плана?
- Риараур.** Никто.
- Леотоег.** Теперь выслушай наш ответ. *(К членам Совета.)* Товарищи, ваше мнение?
- Четвертый.** Я предлагаю немедленно казнить Риараура как опасного безумца.
- Пятый.** Присоединяюсь.
- Диадиад.** Да! Смерть Риарауру!
- Ауруар.** Пожизненное заключение.
- Риараур.** Что? Вы мне грозите казнью?
- Леотоег.** Товарищи! Уже двести поколений, как смертная казнь уничтожена в нашем мире. Не нам возобновлять ее. Присоединяюсь к мнению товарища Ауруара: пожизненная изоляция от всех.
- Диадиад.** Я стою за казнь.
- Четвертый.** Согласен на пожизненную изоляцию.
- Пятый.** Я тоже.
- Леотоег.** Товарищ Риараур! Большинство четырех голосов против одного Тайный совет находит необходимым подвергнуть тебя пожизненной изоляции от всех.
- Риараур.** Я, кажется, и в самом деле брежу. Леотоег, и это ты? Ты говоришь это? Я при-

шел к вам свободно, по своей воле! А вы арестуете меня, как преступника.

Леотоет.

Довольно. Решение Совета произнесено. *(Дает сигнал. Входят Стражи.)* Этого товарища немедленно отвести в ту камеру, которая вам была указана. Не говорить с ним ни слова, не позволять ему говорить ни слова. Товарищ Риараур, ты подчиняешься?

Риараур.

Бессмысленно было бы сопротивляться.

Леотоет.

Идите. *(Стража и Риараур уходят.)* Товарищи! Вы все дали мне клятву. Но напоминаю ее. О том, что произошло здесь, никому никогда ни слова.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена III.

В доме Риараура. Занавеси, умеряющий зной.

1

Аитиа, Меор, Суутеес, Коатоак, Нун, Гезег

Коатоак.

Все ясно. Никто не возражает. Риараур захвачен правителями. Они испугались великого плана. Но план должен быть выполнен. Мы все это сознаем. Выполнить может один Риараур. Средство, им найденное — его тайна. Нам он ее не открыл. Потому мы должны найти Риараура и освободить его. Согласны все?

Нун.

Мы должны освободить Риараура, потому что он захвачен незаконно! Потому что он

– великий человек и нужен нам! Потому что таких гениев должно чтить, а не за точать!

Аитиа.

Это – личная ненависть Леотоета! Он всегда ненавидел Риараура. Завидовал ему.

Коатоак.

Будем точны. Освободить Риараура должно. Но зачем? В чем его великая мысль? Что мы должны приблизить свой последний час. Последний час нашего мира. К чему же говорить о жизни? Речь идет о смерти. Риараур тем и велик, что выбрал смерть.

Аитиа.

Но если народ не согласится...

Коатоак.

Народ? На что нам согласие народа?

Суутеес.

Идти против его воли?

Коатоак.

Не против, а независимо от его воли. Разве сам Риараур не держал своего плана в тайне? Разве от нас он не потребовал тайны? Народ не согласится, потому что не поймет. Потому что долг окажется бессильным перед желанием жить. Но великий план должен быть исполнен. А для того должен быть с нами Риараур. Еще раз: согласны все?

Аитиа.

Но как освободить Риараура?

Коатоак.

Нетрудно разгадать тайны правителей. Риараур в одной из тайных темниц. Будь уверена, Аитиа, мы его найдем.

Аитиа.

И я увижу его?

- Коатоак.** Ты его увидишь. Итак, все решено. Нун и Гезег! Вы двое должны известными вам путями узнать, где Риараур. Завтра утром вы придете ко мне. Мы согласимся, как действовать.
- Антиа.** О! Спасите его!
- Коатоак.** Успокойся. Жене Риараура не подобает волноваться так. В третий раз: все ли согласны?
- Суутеес.** Учитель хочет говорить.
- Коатоак.** Меор, говори.
- Меор.** Среди вас я как гость. Уже почти 40 000 дней я вижу свет Солнца. К вам я пришел из иной эпохи, из <эпохи> великих радостей нашего мира. Но, когда я был молод, очень молод, моими учителями были деятели второво поколения. Помню их голос, их заветы. В роскоши третьей эпохи я пытался следовать им. В увядании этих времен еще решаюь вам повторять их слова. Знание, труд, терпение – они преодолеют все. Наука всесильна. Она открывает все пути. Никогда не надобно отчаиваться. Непреодолимого нет. Будем искать, и мы найдем, как победить.
- Нун, негромко.** Проповедь!
- Гезег, тоже.** Бесплезно слушать старика: он выжил из ума.
- Нун, громко.** Меор не скажет больше ничего?
- Коатоак.** Мы слышали достаточно. Мудрость Меора

одобряет нас. Он сказал, что мы должны искать и тогда сможем освободить Риараура и исполнить его план.

Аитиа. Постоите! Мне кажется, в словах Меора иной смысл. Он говорил: не отчаивайтесь никогда. Может быть, не все безнадежно. Спасем Риараура, но не надо смерти...

Коатоак. Аитиа! Тебе ли так говорить? Итак, в последний раз: все решено. Мы можем разойтись.

Суутеес, Меору. Ты больше ничего не скажешь, учитель?

Меор. Постоите... Да! Я увидел путь... (Суутеесу.) Скорей, отведи меня домой.

Меор и Суутеес уходят.

Аитиа. Что? Что он хотел сказать?

Нун. Старческий бред!

Коатоак. Разходитесь по одному. Чтобы стражи правителя не выследили нас.

Уходит Нун, потом Гезег.

Аитиа. О, какое отчаянье!

Коатоак. Напротив: какая надежда!

2

Аитиа, Коатоак, Элаэ
Выходит из-за занавеса.

Элаэ. Теперь будем говорить.

- Аитиа.** Эалаэ! Она подслушивала нас!
- Коатоак.** Жена Леотоета! Жена правителя. Эалаэ, ты понимаешь, что сейчас умрешь. (*Вынимает кинжал.*)
- Эалаэ.** Погоди. Убить меня всегда успеешь. Сначала выслушай.
- Аитиа.** Нам! Слушать тебя? Да, я знаю! Ты преследовала моего мужа своей бесстыдной любовью! Он отверг тебя! Он оттолкнул тебя с презрением! Что ж! Ты отомстила! Риараур в темнице! Но еще рано веселиться! Еще не все кончено!
- Эалаэ.** Знаю.
- Коатоак.** Знаешь, потому что сумела подслушать нас. Но ты не перескажешь никому. (Делает шаг с поднятым кинжалом.)
- Эалаэ.** Я сказала: погоди. Я здесь одна. Я в твоей власти. Зачем спешить? Но если ты убьешь меня, вы никогда не освободите Риараура.
- Коатоак.** Это почему?
- Эалаэ.** Вы считаете Леотоета наивным? Но он умней и хитрей, чем вы думаете. Риараур не в одной из тайных темниц. Он – там, где вам его не найти. Есть в глубинах нашей кометы переходы и тайники, которые – тайны правительства. Даже если б вы проникли туда, тайник охраняют два стража. Оба преданы Леотоету на жизнь и смерть. Тех нечем соблазнить; их нечем испугать.
- Аитиа.** Ты пришла насмеяться над нами!

- Эалаэ.** Я пришла сказать, что только я одна могу спасти Риараура.
- Коатоак.** Посмотрим. Ты предлагаешь договор. Садись. Назначай условия.
- Аитиа.** Я не хочу условий с ней!
- Коатоак.** Молчи, Аитиа. Говори, Эалаэ.
- Эалаэ.** Мои условия просты. Я узнаю, где Риараур, и скажу вам. Я укажу вам тайный путь к нему. Я объясню вам, как его освободить.
- Коатоак.** Почему ты хочешь это сделать?
- Эалаэ.** Риараур не пойдет со мной. Он мне не поверит. Или откажется из гордости. Придешь в нему ты с его женой. Этого довольно. Вы его освободите.
- Коатоак.** Это ловушка, приготовленная Леотетом?
- Эалаэ.** Ты осторожен. Но вот в залог – план тайных переходов. *(Дает план.)* Смотри. Знали ты о них? Этого плана никогда никто не видел, кроме главы правительства.
- Коатоак, рассматривая план.**
Да. План ценный. Но чего же требуешь ты за свои услуги?
- Эалаэ.** Твоей клятвы.
- Коатоак.** Моей клятвы?
- Эалаэ.** Да. Твоей и ее, жены Риараура. Поклянитесь мне, и я вам поверю, что, осво-

бодив Риараура, вы тотчас увезете его. У Южного полюса есть убежище. Я укажу его вам. Вы там останетесь сто дней. И ни разу Риараур за эти дни, с самой минуты освобождения, не вступит в столицу. Поклянитесь.

Коатоак.

Зачем это тебе нужно?

Эалаэ.

Мне нужно.

Коатоак.

А, понимаю! За сто дней мы пройдем мимо Земли, и будет поздно осуществить великий план! Но буду откровенен. Мы можем поклясться в том, чего ты хочешь. Риараур останется в твоём убежище. Но он поручит другим, и те исполнят великое дело.

Эалаэ.

Пусть. Поклянитесь в том, чего я хочу.

Айтиа.

Мне кажется, я готова дать также обещание, если...

Коатоак.

Если она не обманывает нас.

Эалаэ.

Что я могу сделать? Рассказать о вашем совещании? Но кто же не знает, что друзья Риараура мечтают его освободить? А откуда я узнала о вашем собрании? От Леотоета. Он с точностью знает, кто и зачем сегодня собирался здесь. Вы заговорщики плохие. Но Леотоет уверен, что вам не найти Риараура. А если найдете, не освободить. Он не тронет вас. Он слишком умен для этого.

Коатоак

Хорошо. Но помни. Если не я, то один из нас, из тех, кого ты не видела здесь, сумеет отомстить.

- Эалаэ.** Завтра я узнаю все. Завтра я опять приду к тебе. Я принесу все доказательства. Ты сам будешь судить, стоят ли они доверия.
- Коатоак.** Я буду ждать. Где ты меня найдешь?
- Эалаэ.** Я найду тебя. Но сегодня дай клятву. Клянись, что если ты сам доверишься мне, то исполнишь мои условия.
- Коатоак.** В этом клянусь. Если я сам доверюсь тебе, то исполню твои условия.
- Эалаэ, к Аитиа.** Поклянись и ты.
- Аитиа.** И я клянусь.
- Эалаэ.** Я знаю, что вы своей клятвы не нарушите.
- Коатоак.** А Риараур?
- Эалаэ.** С него возьмете клятву вы.
- Коатоак.** Этого не было в условии!
- Эалаэ.** Это его смысл. Клятвой или силой вы должны удержать его сто дней вне столицы.
- Коатоак.** Хорошо. Клянусь.
- Эалаэ.** Я ухожу. Увижу тебя завтра.

Уходит.

3

Аитиа, Коатоак

- Аитиа.** О! Это – зверь! Зачем мы согласились!

- Коатоак.** Она – права. (*Указывает на план.*) Без нее мы не найдем Риараура.
- Аитиа.** Но эти условия! Что в них? В них что-то ужасное.
- Коатоак.** Она хочет жить и чтобы жил Риараур.
- Аитиа.** Надеется после соблазнить его! (*Истериически хохочет.*)
- Коатоак.** Может быть. Но она ошибется. Пусть Риараур будет удален. Он откроет нам тайну своего плана. Мы не клялись, что не спросим у него этой тайны. А тогда! Есть еще смелые, благородные, возвышенные, которые этот план выполнят. Только бы Риараур был с нами! Мы доведем до конца великое дело. Мы спасем вселенную.
- Аитиа.** Значит, все-таки смерть?
- Коатоак.** Да! Смерть! Смерть, в которой наше величие!*

Публикация С. Гиндина

* Рукописи пьесы – в бруссовском фонде Отдела рукописей Гос. б-ки: картон 29, ед. 13, лл. 1 – 33 – ранний вариант и ед. 14, лл. 1 – 19 – публикуемый вариант. Последовательность вариантов подтверждается дополнениями Брюсова на списке действующих лиц раннего варианта (ед. 13, л. 1).
Представление об общем замысле приводит сохранившийся план написания действий и сцен: II. 4. У Леотоета. III. 5. Мудрец. 6. Тюрьма. IV. 7. Заговор. 8. Восстание. V. 9. Балкон. (ед. 15, л. 3).

ПИФАГОРЕЙЦЫ

Драматический этюд

I.

Синарет погружен в рассматривание рукописи. Раб показывается в дверях. Потом Филон.

Раб. Господин, прости...

Синарет. Тебя просил я,
Товарищ, так меня не называть.

Раб. Прости, но там пришел Филон.

Синарет. Так что же!
Пусть он войдет.

Раб удаляется.

Филон, входя. Привет тебе во имя
Учителя.

Синарет. Мой милый друг, ты здесь!
Давно ль вернулся из Афин?

Филон. Сегодня,
Сейчас, и тотчас поспешил к тебе.

Синарет. Благодарю. Тебя обнять я рад.
Надеюсь, путешествие твое
Прошло недаром: многое ты видел.
Беседовал, конечно, с мудрецами
Различных стран, у них учился, думал,
И книги, вероятно, собирал.

Филон.

Да, кое-что в скитаньях я узнал.
Я расскажу тебе потом о многом,
Особо о Солоне, - о, мудрец!
Но, впрочем, мне далеко до удачи
Такой же, как твоя, когда привез ты
Нам из Египта письма атлантов.
А, кстати, вижу свиток на столе:
Попрежнему ты только им и занят?

Синарет.

Попрежнему, мой друг. Подумай только,
Учитель наш, сам дивный Пифагор
Учился у египетских жрецов.
Египет же всей мудростью своей
Кому обязан? – им, атлантам! – той
Погибшей Атлантиде, из которой
Впервые миру воссиял свет знаний!
И вот мне посчастливилось найти
Древнейший свиток, рукопись атлантов!
О, друг! быть может, в этом свитке древнем
Есть тайна тайн, решение всех загадок!

Показывает свиток и вновь взглядывается в него.

О, странные, таинственные знаки,
Вы, символы неведомого! Я
Отдам все силы, но в ваш смысл проникну!
И, верю, этим окажу услугу
Великую – всей общине, всем людям!

Филон.

Попрежнему ты склонен увлекаться.

Синарет.

Нет. Жизнь я посвящаю этой цели
Не ради славы, ради блага всех!

Филон.

Не будем спорить. Я пришел сюда,
Чтоб сообщить тебе одно известье:
Со мной на корабле приехал в город –
Кто, угадай – великий тавматург.

Синарет. Кто? Кто?

Филон. Ареомах, кого прозвали
Второй учитель.

Синарет. Боги! И он – здесь!
Бежим скорей, хочу его увидеть.

Филон. Я шел, чтоб это предложить тебе.
Он поселился в доме у Прогноста.

Синарет. Тогда идем!

Филон. Идем.

Синарет. Эгин, мой плащ!

Раб входит, подает плащ.

И если кто придет, скажи – я скоро
Вернусь назад, прости пообождать.

Синарет и Филон уходят.

II.

Раб один. Потом **Прогност** и **Горгий**.

Раб, один. Да, скоро! Жди! До полночи наверно
Не возвратятся. Что ж, пускай покутят;
Не все-ж над книгами глаза трудить.
Стук.
Э, кто там?
Уходит, за сценой.
Господина дома нет.

Прогност, за сценой. Ну ничего, мы подождем его.

Прогност и Горгий входят.

Прогност. Куда он мог уйти? Мне это странно.
Он днями целыми сидит один.
Ах, Горгий, этот юноша – на диво
Прилежен; многое он обещает,
Мудр как старик, и как мудрец учен.
Немного увлекается, но это
Пройдет с летами. Дни и ночи он
Все учится, все размышляет; сделал
Уже он в математике немало
Открытий, а ты помнишь, что сказал
Сам...

Горгий. Помню! Помню! Он – то и нашел...

Прогност. Да, Синарет, назад тому два года,
В Египет путешествие свершил
И там в каком-то храме малом, в хламе,
Открыл сокровище, атлантский свиток.

Горгий. Да, полно, подлинно ль из Атлантиды
Та рукопись? Не ловкая ль подделка?

Прогност. Нет, нет, я сам рассматривал ее.

Замечает свиток на столе.

Да вот она!

Горгий. Неосторожный! Как же
Возможно драгоценности такие
Не убирать?

Прогност. Ну, кто ж сюда войдет?
Лишь наши братья.

Горгий, берет свиток и рассматривает его.

Да, то – свиток древний,
И я таких не видывал ни разу.
Что за таинственные письмена!

- Прогност.** Ареомах их прочитает.
- Горгий, продолжает изучать свиток.**
Это
Папирус – не папирус... Что такое?
- Прогност.** Особое растение Атлантиды.
- Горгий.** И что за знак здесь на шнурке висит?
Печать? Но из чего она? Не медь,
Не золото, - металл мне неизвестный.
- Прогност.** То – орихалк, металл из Атлантиды.
- Горгий.** Да, свиток подлинный, теперь я вижу.
Но, кажется, твой Синарет вернулся.

III.

Те же; **Синарет** и **Филон** входят.

- Синарет.** Приветствую я вас, друзья, во имя
Учителя.
- Прогност.** Привет и вам. (*Указывая на Горгия*).
Вот это –
Товарищ Горгий из Милета, он
С Ареомахом вместе прибыл нынче.
- Филон, приветствуя.** Мы познакомились на корабле.
- Синарет.** Я очень счастлив видеть у себя
Столь славного товарища. Недавно
Мне сообщил Филон, что в город наш
Ареомах с друзьями прибыл. Тотчас
Я поспешил, чтоб увидеть его...
- Филон.** Но по пути узнали мы, что он
Так утомлен с дороги, что не может

- Принять нас; поспешили мы назад.
- Прогност.** Но сам Ареомах к тебе послал нас.
- Синарет.** Возможно ли? Он слышал обо мне!
Какая честь!
- Горгий.** Да, наш учитель знает,
Что посчастливилось тебе однажды
Найти в Египте, как бы диво, свиток
Атлантов.
- Синарет.** Верно, я открыл его.
- Прогност.** Узнай же честь, которая тебе
На долю выпала: Ареомах,
Узнав об этом свитке, хочет сам
Заняться учением его.
- Синарет.** Ареомах...
- Горгий.** Да, он! Мудрец великий!
Он твоему открытию придаст
Бессмертное значение, – быть может,
Такое, что основы укрепит
Всей общины.
- Синарет.** Он?
- Прогност.** Да, Ареомах.
- Синарет.** Но почему ж то сделаю... не я?
- Прогност.** Послушай, Синарет! Высоко ценим
Мы знания твои, твой ум и рвенье;
Но ты ведь ученик еще, ты ищешь,
Ты – лишь в преддверии заветных тайн,
А он, Ареомах, давно прошел
Все степени уставных посвящений

И с тайнами стоит лицом к лицу.
Он сорок лет пытливей мыслью ищет
Проникнуть в тайну символов атлантских.
Ты должен радоваться, что ему
Свой драгоценный свиток передашь.

Синарет.

Отдать мой свиток?

Прогност.

Да, отдать, конечно.

Горгий.

Что значит «твой»? Иль ты, член общины
Священной Пифагора, ты, прошедший
Ступени посвящений две, не знаешь.
Что своего у нас нет ничего!
Принадлежит не нам, что мы имеем,
А общине! Ведь это – наша альфа.

Синарет.

Отдать мой свиток...

Филон.

Мылий друг, опомнись! (*Тихо.*)
Ты можешь сделать список, по нему
Ты будешь изученье продолжать,
И может быть, скорей Ареомаха...

Синарет.

Список? ... Немыслимо все эти знаки,
Для нас таинственные, передать!
Упустишь там черту одну, там точку,
И все разрушится... Нет, невозможно.
И, наконец, и самый древний дух,
Что веет от папируса... печать
Из орихалка... Нет! Нет! Не могу!

Прогност.

Не ожидал я детских возражений!
Как! Ты, член общины, намерен что – то
Считать своим имуществом особым?

Синарет.

Но я на благо общины хочу
Трудиться над разбором этих знаков!
Я жизнь отдать для общины готов.

Прогност. Ложь! Самообольщение! Ныне вижу,
Что недостойн был ты посвящений.
Так внемли, юноша! Я, посвященный
Четвертой степени, повелеваю
Тебе: немедленно отдай «твой» список
Нам. Мы его снесем Ареомаху.
Иль не намерен ты повиноваться?

Делает мистический знак.

Синарет. Учитель, повинуюсь ... вот папирус...

Подает список.

Прогност. Ты этим только выполнил свой долг.
Прощай, да просвятит тебя сам, дивный.
Идем же, Горгий.

Прогност, унося свиток, и Горгий уходят.

IV.

Синарет и Филон. Потом Прогност.

Синарет. Что со мной? слабею...
Утратив рукопись, я все утратил.
К чему мне жить теперь!... Ох, сердце!
Падает и умирает.

Филон. Друг, что с тобой? Ответ! *(Слушает сердце Синарета.)*
Он умер, боги!

Прогност, возвращается. Но я хочу добавить, Синарет...

Филон. Тс, тише! Синарета нет. Он умер.

Прогност. Умер? *(Подумав).*
Я почитал его достойней.
Да будет милостив к нему суд Ада.

ДАЧНЫЕ СТРАСТИ

Пьеса в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Владимир Александрович Финдесъеклев – молодой поэт

Альфонс Пудович Гитарин – лет 22

Иван Иванович Обедов – без определенных занятий

Игнатий Петрович Козлов

Лидия Валерьяновна – его жена

Мэри, старшая } их дочери

Таля, младшая }

Горничная

*Сад при даче Козловых. Прямо – группа деревьев и скамейка.
В глубине справа (от артистов) – калитка. Ход к даче налево.*

I.

Мэри, Таля, Лидия Валерьяновна

Лид. Вал., еще за сценой. Чай накройте на террасе!

Голос Горничной. А к чаю что прикажете подать?

Лид. Вал. Возьмите молока и положите свежего варенья!

Таля. Мамап, к чаю надо бы рому или коньяку!

Мэри. Ах да, да! Он говорил, что любит чай с ромом.

Таля. И надо поторопиться: мы его звали к семи часам.

Лид. Вал. Сегодня вы что-то особенно хлопочете!

- Таля.** Еще бы! У его отца два каменных дома в Москве да имение в Тамбовской губернии.
- Лид. Вал.** Таля! Нехорошо!
- Мэри.** Она всегда, маман, такие гадости говорит. Мне, например, просто приятно быть с ним знакомой, разговаривать, танцевать.
- Таля.** Ну, танцует-то он плохо, и притом вовсе не держит!
- Мэри.** Это он тебя, может, не держит, а меня даже очень крепко.
- Лид. Вал.** Taisez-vous! Выдишь ли, Мэри, конечно я очень рада, когда ты веселишься по-детски, ну там, гуляешь, танцуешь. Но ведь надо подумать и о будущем.
- Мэри.** Маман, это так прозаично!
- Лид. Вал.** Жизнь есть проза, мой друг. Тебе 21-й год, ты можешь остаться старой девой. Приданого ведь за нами нет.
- Таля.** Вы не беспокойтесь, маман! За муж-то нам и самим хочется.
- Лид. Вал.** Nathalie! Я не с тобой говорю.
- Таля.** Да что ей говорить! Она все равно ничего не сумеет. Вот я у нее отобью этого Финдесьеклева.
- Лид. Вал.** Да замолчи, гадкая девчонка! Ты вот лучше бы о Гитарине подумала!
- Таля.** Он такой противный!

- Лид. Вал.** Очень красивый молодой человек и, кажется, с состоянием. Во всяком случае, на хорошем месте.
- Таля.** Он мне надоел, а толку от него никакого не будет.
- Лид. Вал.** Как не будет? Это уже твое дело позаботиться, чтобы был толк. Даром, что ли, я всякие вечера устраиваю, кормлю да пою? Гитарин-то в стакан чаю три куска сахара кладет, а сегодня вот еще за ромом просите послать!
- Таля.** Поезд пришел. Вот папа идет!

II.

Те же, Козлов и Обедов. Потом Гитарин.

Козлов, нагруженный коробками и кулечками.

Ух, матушка, просто духа не переведу!
Точно без пяти на шлеме остался.

Лид. Вал. Здравствуйте, здравствуйте, Иван Иванович! Все привез, что я говорила?

Козлов. Все, матушка, все! Вот колбаса, вот духи, вот мазь от клопов...

Лид. Вал. Ботинки мне переменил?

Козлов. Фу ты, пропасть! Переменить-то и забыл!

Лид. Вал. О чем же вы, Игнатий Петрович, думали?

Козлов. Захлопотался, матушка! А тут карточка в руках. Ну, думал, дело и сделано.

- Лид. Вал.** А перчатки мне на шести пуговицах привез?
- Козлов.** Привез, привез! Иван Иванович, где у вас перчатки-то?
- Обедов.** Вы у меня их взяли, Игнатий Петрович. Помните, в магазине-то?
- Козлов.** Где ж они? Вот так фокус! Я их там в магазине и оставил.
- Лид. Вал.** Вы смеяться надо мной приехали? Изверг вы, а не муж! Завтра у нас на кругу танцевальный вечер, а я без перчаток.
- Козлов.** Ну, обойдется, матушка, ведь на даче!
- Лид. Вал.** Извольте сейчас оправляться назад в Москву! Слышите? Чтобы я вас без перчаток и не видала!
- Козлов.** Ведь поезда нет, матушка! Не пешком же бежать!
- Мэри.** Мамап, сюда идут.
- Гитарин.** Можно войти? (*Входит раскланиваясь*).
- Лид. Вал.** Ах, Альфонс Пудович, пожалуйста, пожалуйста! Что это вы нас забыли? Третий день вас не видно. Надеюсь, вы проведете вечерок у нас? Мы будем очень рады.
- Гитарин.** Благодарю вас. Я с удовольствием.
- Обедов, Козлову.** Значит, повинтим?
- Лид. Вал.** Извините, если вас оставлю, но муж так

устал. Его, знаете ли, так утомляет железная дорога! Мы уж нарочно снимаем дачу поближе к Москве. Пойдем, Игнаша!

III.

Мэри, Таля и Гитарин. Потом Финдесьеклев.

- Гитарин, Таля.** Вы сегодня еще очаровательнее, чем всегда.
- Таля.** Мне надоели ваши глупости.
- Гитарин.** При вас я ни о чем больше не могу говорить, как о вашей красоте.
- Таля.** Потому-то с вами так и скучно.
- Мэри.** Ах, у меня есть дело! (*Уходит.*)
- Гитарин.** Наталья Игнатъевна, за что вы меня сегодня терзаете? За что на меня сердитесь?
- Таля.** Я вовсе не сержусь. Ну, рассказывайте что-нибудь! Только что бы мне было весело!
- Гитарин.** М-м! Вот... м-м-м... Ах, вы меня совсем убили!
- Таля.** Ха, ха, ха! Какой вы смешной!
- Гитарин.** Наталья Игнатъевна, я вас люблю безумно.
- Таля.** Не пододвигайтесь ко мне так близко, еще увидят! Я вам сказала, рассказывайте что-нибудь!
- Гитарин.** Вы будете на завтрашнем балу?

- Таля.** Да, ведь иначе со скуки умрешь! Особенно с такими кавалерами, как вы.
- Гитарин.** Будет играть оркестр Александра.
- Таля.** Неужели, он такой душка!
- Гитарин.** Он вам нравится? Ах!
- Таля.** Чего вы опять вздыхаете? И как долго это время тянется! Который час?
- Гитарин.** М-м, я с собой не взял-с часов. Вы кого-то ждете?
- Таля.** А мы пригласили к себе Финдесьеклева – знаете, с которым познакомились в парке. Еще на последнем вечере все танцевал с моей сестрой.
- Гитарин.** Это такой блаженненький? Ухаживал за Лизочкай Пустяковой и стихи ей писал?
- Таля.** С чего вы взяли? Вовсе он за Лизочкой не ухаживает!
- Гитарин.** Перестал с тех пор, как Лизочку застали на свидании с Говорилиным.
- Таля.** Как с Говорилиным? Да ведь он ухаживает за Юленькой!
- Гитарин.** Он в двух зараз был влюблен и на прошлом балу еще танцевал две кадрили – и третью! – с Поркиной.
- Таля.** И что в ней находят? Букольки на лбу и платье с вырезом? Зато всегда нама-

занная, нарумяненная. Мужчины рады за кем угодно ухаживать.

Гитарин. Только не я, Наталья Игнатьевна. Я ваш раб до гроба.

Таля. Опять! Не трогайте моих рук!

Гитарин. Таля, милая!

Таля. Не смейте меня так называть!

Гитарин. Ведь прежде вы позволяли – почему же теперь так переменились ко мне?

Таля. Я вовсе не переменилась, все такая же.

Гитарин. Так позвольте поцеловать... по-старому!

Таля. Отстаньте! Еще совсем светло.

*Отстраняясь, видит Финдесъеклева,
который ходит у калитки.*

Таля. Владимир Александрович, вы здесь? Что же вы не идете? Как вам не совестно так церемониться? У меня сердце чувствовало, что вы близко. Кажется, знакомы?

Гитарин. Немного.

Таля. Я сейчас скажу. Сестра вас все ждала. И мама будет очень рада.

IV.

Гитарин и Финдесъеклев

Финдесъеклев. Вот наконец, тот край земли,

- Куда меня мечты влекли!
- Гитарин.** Декламацией занимаетесь?
- Финдесъеклев.** Да... минутная импровизация. Стихами легче выразить набежавшие мечты.
- Гитарин.** А с чего это они на вас набежали-то?
- Финдесъеклев.** Ведь вы поймете, конечно, наслаждение быть там, где она... дышать одним воздухом?
- Гитарин.** А не будет нескромностью спросить, кто это «она»?
- Финдесъеклев.** О, нет! Зачем тревожить, что вечно должно остаться в мантии тайны?
- Гитарин.** Что вы за чушь говорите?
- Финдесъеклев.** Вы думаете изумить меня презрением к тем заветам, где слиты –
И полусказанные звуки
И музыкальные слова?
- Гитарин.** Вот что я вам скажу: когда я бываю пьян, то точно так же разговариваю.
- Финдесъеклев.** Тогда я не вижу причин, зачем бы нам теперь вести разговор с вами?
- Гитарин.** Да с вами только выпивши и можно толковать!
- Финдесъеклев.** Милостливый государь, вы, кажется, уже начинаете?
- Гитарин.** Ничего я не начинаю.

Финдесъеклев. Если бы не уважение к дому, где мы встретились с вами, если бы не боязнь нарушить мир чистой души ее...

Гитарин. Да чьей?

Финдесъеклев. Оставьте меня! Больше я не скажу ни слова.

V.

**Гитарин, Финдесъеклев, Мэри, Таля,
Лидия Валерьяновна и Обедов**

Таля. Это г. Финдесъеклев, Владимир Александрович.

Лид. Вал. Очень приятно, очень приятно. Я так много слышала о вас от моих дочерей.

Финдесъеклев. Простите, что я был столь дерзок. позволил себе явиться так запросто!

Лид. Вал. Полноте, что за счеты на даче! Après tout, приятно познакомиться с молодым поэтом, подающим такие надежды в литературе.

Таля. Да, папап очень нравятся ваши стихи.

Финдесъеклев. Неужели до вашего слуха достигло мое скромное имя?

Лид. Вал. О, помилуйте! Мне приходилось читать ваши прелестные произведения.

Финдесъеклев. Виноват, именно что?

Лид. Вал. М-м, они были в *Новостях Дня*.

- Финдесъеклев.** Ах, я в этой газете не писал!
- Лид. Вал.** Я может быть, спутала. Вы где писали?
- Финдесъеклев.** Я, собственно, еще нигде не печатал своих стихов. Зачем отдавать на позорище мира муки своей мысли и грезы своей души?
- Лид. Вал.** О, конечно, конечно! Но видела их в рукописи.
- Финдесъеклев.** Своим лучшим произведением я считаю
Пир сатаны –
Где мятется безумный хаос,
Где огонь поживаем огнем,
Словно капли чудовищных слез
Упадали проклятья дождем.
- Лид. Вал.** C' est charmant! Восхитительно, восхитительно!
- Гитарин.** Оно немножко непонятно.
- Таля.** Уж вы-то молчали бы! Разве вы понимаете что-нибудь в поэзии? Мне всегда плакать хочется, когда я слышу стихи Владимира Александровича.
- Финдесъеклев.** Они писаны кровью моего сердца.
- Лид. Вал.** Позвольте вас угостить чаем со свежим вареньем и деревенским молоком. Вы любите такие дачные удовольствия?
- Финдесъеклев.** Увы, моя душа слишком привыкла к искусственному, чтобы любить простоту! Но как я завидую тем, кому она близка!

- Лид. Вал.** Imaginez-vous, то же самое каждый день слышу от Мэри.
- Мэри.** Маман!
- Лид. Вал.** Не красней! О, у нее такие возвышенные чувства!

VI.

Гитарин и Обедов

- Обедов.** Какого, братец?
- Гитарин.** Теперь я понимаю, теперь я понимаю!
- Обедов.** Даже чай пить нас не пригласили!
- Гитарин.** Ступай, пей! Ты свой человек в доме.
- Обедов.** Э, братец, не в чае дело! Ведь просто внимания не обращают!
- Гитарин.** Вот почему она смеялась надо мной!
- Обедов.** Да кто, чёрт возьми?
- Гитарин.** Наталья Игнатьевна. Сам-то не понимаешь?
- Обедов.** Так вот ты из какой оперы! Ну, это не сокрушайся! Она тут с бокуприпеку.
- Гитарин.** А кто же?
- Обедов.** И на балу этот самый Финдесъеклев все в Манькой танцевал и теперь ради нее пришел.

- Гитарин.** Он-то, может, ради нее, а Таля к нему лас-
тится.
- Обедов.** Тебе-то что?
- Гитарин.** Слушай, Обедов, я уж во всем признаюсь.
Только никому... нет! В самом деле – ни-
кому! Мы были влюблены друг в друга.
- Обедов.** Я и сам, братец, не слеп; видел, как ты
увивался около Наташки.
- Гитарин.** И она любила меня. Мы всегда вот на
этой скамейке целовались.
- Обедов.** Чёрт вас побери, замечал я! Ну, что же?
Жениться хотел?
- Гитарин.** Нет... жениться не жениться... Жениться
я не хочу.
- Обедов.** Ну? А я уж, было, думал, ты совсем
спятил!
- Гитарин.** Нет! Я – жениться? Нет, зачем же?
- Обедов.** Так чего ж ты нюни распустил? Июль ме-
сяц, скоро с дачи поедут. Не все ли тебе рав-
но, кто потом с Наташкой целоваться будет?
- Гитарин.** То есть, как же это мне все равно?
- Обедов.** Ты у них зимой бывать собираешься? Так
ведь эдак как раз в женихи попадешь.
- Гитарин.** Я не о том... А все-таки...
- Обедов.** Чего там «все-таки»? Дурак ты, как я по-
гляжу. Ведь если что – так женат! А так,

какой интерес на свидания бегать и время терять?

Гитарин.

Да ведь нравится она мне!

Обедов.

И жениться хочешь?

Гитарин.

Нет.

Обедов.

Слушай, ты! Бери с меня пример! Вот я к маменьке пристроился, так зато ем и пью здесь чуть не каждый день.

Гитарин.

Скверно это!

Обедов.

Скверно-то скверно, потому они что? Полграфина на троих подают. А все лучше, чем ты! Манька на все услуги готова, а какого рожня тебе нужно – я даже в толк не возьму.

Гитарин.

Мне теперь только бы этому Финдесью-клеву насолить!

Обедов.

На это и я согласен. Выставить его рад.

Гитарин.

Я его на дуэль вызову.

Обедов.

И опять – дурак. Никак это вы в точку не попадете!

Гитарин.

Ну, что ж делать? Говори, коли умен!

Обедов.

Чем он берет? Тем, что богат, у отца деньги есть. Ну, и тебе надо сюда же махнуть!

Гитарин.

А если в кармане одна зелененькая?

Обедов.

А три целковых есть?

- Гитарин.** Есть.
- Обедов.** Ладно, запомним! Мы вот что сделаем: объявим, что ты наследство получаешь.
- Гитарин.** Как наследство?
- Обедов.** Да, так: от дяди, мол! Ну там, из Америки, что ли, он, мол! Они все за тобой и побегут!
- Гитарин.** Ведь не поверят!
- Обедов.** Телеграмму смастерим. Небось, на телеграфе знакомые!
- Гитарин.** А после-то ведь узнают!
- Обедов.** Наследство через шесть месяцев выдается, а тебе только бы до конца лета. Или ты жениться собираешься?
- Гитарин.** Нет, нет!
- Обедов.** Ну, так нечего и толковать! Ты вот что: пригласи в трактир, – трешница есть, сам говорил, – там за полбутылкой и потолкуем. Здесь-то ведь до ужина еще наголодаешься!
- Гитарин.** Я с удовольствием, если хочешь.
- Обедов.** Ну, брат, и пойдём! А то вон сюда идут!

VII.

Финдесьеклев. Потом Мэри.

Финдесьеклев, пробираясь и посматривая на часы.

Увы, зачем в душе моей нет трепета, что испытывают другие, приходя на свидание? О, если бы моей истерзанной душе была доступна любовь! Но мои чувства слишком извращены для этого. Я – жертва своего гения. Все те, которые будут поклоняться моему имени, и не подумают о моих мучениях. Но я напомню (sic) им! Я завещаю написать на моем памятнике только два слова. «Он страдал». Нет, лучше: «Тому, кто много страдал за человечество». Или лучше так: «Невидимо для всех страдал он мучениями мира». На эту тему и скажу речь... при жизни... в фонограф, и ее воспроизведут на открытии памятника. А может, мне поставят статую при жизни? О, тогда своей речью я заставлю рыдать все многотысячное собрание!

Мэри появляется.

Ты ль, наконец? Тебя ли вижу я?
Одну со мной, под сенью тихой
ночи.

Мэри.

Ах, как мне страшно! Вдруг нас хватятся, застанут!

Финдесеклев.

О, как я страдаю, как я страдаю!

Мэри.

Финдесеклев.

Что с вами?
Ты не поймешь моих мучений. Забудь о них! Пусть эта повесть не тревожит твоей мечты!

Мэри.

Владимир Александрович, мне было так страшно итти сюда!

- Финдесъеклев.** Дитя мое! Что страх? Он растает, как утренний снег под первым вздохом солнца.
- Мэри.** Владимир Александрович, вы не будете смеяться надо мной?
- Финдесъеклев.** Увы, я бы любил тебя, если бы моей истерзанной душе была доступна любовь. Но мои чувства слишком извращены для этого. А ты? Ты любишь меня?
- Мэри.** Ах!
- Финдесъеклев.** Да, ты счастлива, потому что меня любишь. Твой трепет передается и мне. Выдишь, как улыбается луна-чаровница?
- Мэри.** Ведь сегодня нет луны!
- Финдесъеклев.** Ну, это все равно! Дай мне забыться!
- Истомленная агонией
Злобных дум и горьких слов,
Закачай меня гармонией,
Стройным шествием миров!
- Мэри.** Владимир Александрович, если бы я могла...
- Финдесъеклев.** Ты можешь! В тебе – источник поэзии. В следующий раз я положу у ног твоих моего Люцифера.
- Мэри.** Ах нет, собак-то я боюсь!
- Финдесъеклев.** Это не собака, а моя поэма. Мое новое творение. О, это глубокое произведение! Боюсь, что мир не поймет его.

- Мэри.** Меня тоже никто не понимает.
- Финдесьеков.** Вообрази себе хаотическое пространство – безграничность и безвременность. Там блуждают кометы. И вот Люцифер бросается в пламя.
- Мэри.** Зачем?
- Финдесьеков.** Как ты не понимаешь? Это порыв вечности, безумие могущества. И вот тогда разверзаются катакомбы и выходят сонмы египетских царей, фараонов. О, только мне могла прийти такая мысль, Байрону и мне!
- Мэри.** Да-а!
- Финдесьеков.** Я понимаю твое смущенье. Ты подавлена грандиозностью начертанной мной картины. Но не будем говорить о ней! Пока еще творение в мечтах: оно тайна между поэтом и небом.

VIII.

Те же и **Тая**. После **Финдесьеков** и **Тая**. Потом **Мэри**.

Тая, бросалась из-за куста.

У-у-у!

Финдесьеков, в испуге. Ай, что это!

Мэри. Гадкая девчонка! Что ты бегаешь не вовремя?

Тая. Помешала? Ну, я не виновата! Тебя мама ищет.

Мэри. И всегда неправда!

Таля. Ей-богу, ищет!

(Мэри неохотно уходит.)

Так вы, Владимир Александрович, свиданиями занимаетесь?

Финдесъеклев. Я надеюсь, Наталья Игнатьевна, что виденное вы погребете в тайниках вашей души.

Таля. Никому не скажу. Не бойтесь! Ах, как счастлива моя сестра!

Финдесъеклев. Увы, она мне призналась, что ей тяжело здесь. Ее не понимают.

Таля. Просто блажит она: целый день или спит или зевает. О, почему я такая несчастная!

Финдесъеклев. Неужели и вас коснулось крыло горести? Но оно минует, и судьба улыбнется.

Под угрозами ненастья,
В день сомнений и потерь
Смело жди минуты счастья
И в грядущее поверь!

Таля. Ах, нет! Мне не на что надеяться. Знаете, Владимир Александрович, я пойду в монастырь.

Финдесъеклев. Как в монастырь? Офелия! Что страшит вас в жизни?

Таля. Вы такой добрый, я вам признаюсь: ... я ... я люблю ... влюблена.

- Финдесъеклев.** Это счастье, а не горе. О, если бы моей истерзанной душе была доступна любовь! Но мои чувства слишком извращены для этого.
- Таля.** Да, он меня не любит! Владимир Александрович, ведь вы очень любите мою сестру?
- Финдесъеклев.** Я? О да, ее образ...
- И как перлы в загадочной бездне морей,
Как на небе вечернем звезда,
Он со мною везде и всегда.
- Таля, плачет.** За что я такая несчастная?
- Финдесъеклев.** Что с вами, Наталья Игнатьевна? Отчего вы плачете?
- Таля.** Оставь меня, злой, безжалостный! Ах, я не знаю, что говорю!
- Финдесъеклев.** Наталья Игнатьевна! Упреков ли заслуживаю я...
- Таля.** Ну, да! Ты угадал! Угадал, я люблю тебя. Разве я виновата, что ты такой красивый, такой гениальный?
- Финдесъеклев.** Я? Неужели я... неужели вы...
- Таля.** Ну, оттолкните меня, смейтесь надо мной! Конечно, я это заслужила.
- Финдесъеклев.** Мне смеяться над вами? Оттолкнуть вас? Верьте, что в моем сердце всегда таились дружественные чувства к вам!

- Таля.** Вы это говорите, чтобы меня утешить.
- Финдесьеков.** Верьте, что совершенно холодно встретить ваш взор невозможно:
- Ты – виденье чарующих грез
В нашем мире страданий и слез.
- Это экспромт, сейчас.
- Таля.** Ах, как я люблю твои стихи! Ты прошлый раз подарил стихотворение моей сестре, а я его выучила наизусть:
- Моей истерзанной души
Вы дали лебеда надежды,
И закрываются в тиши
Полуистерзанные вежды,
И чертятся огнем едва
Неповторённые слова.
- Ах, как это хорошо!
- Финдесьеков.** Наталья Игнатьевна, я... я люблю вас!
- Таля.** Нехорошо надо мной надсмехаться (*sic!*).
- Финдесьеков.** Клянусь тебе...
- Таля.** Нет, не верю. Вы любите мою сестру, любите ее за то, что она кончила гимназию, а я нет. Вы боитесь, я не пойму ваших стихов.
- Финдесьеков.** Таля! Теперь я чувствую, что наши души от вечности соединены прозрачными нитями созвучий. Ты одна на земле достойна моей любви.
- Таля.** Ты потом обманешь меня?

- Финдесъеклев.** О, с моей души ветхой чешуей спадают минутные заблуждения. Как ошибался я до сих пор! Как мог не видеть алмаза души твоей?
- Таля.** И ты будешь всегда любить меня?
- Финдесъеклев.** Всегда, вечно, пока существует жизнь и планеты блуждают вокруг лучезарного ока.
- Таля.** Мылий! Ну, поцелуй в знак любви! Ах, какие у тебя страшные глаза, когда ты целуешься!
- Финдесъеклев.** Ты очаровательна!
- Таля.** Знаешь что, тебе надо отпустить бороду, чтобы совсем быть поэтом. Ну, целуй еще! Будет, будет!
- Мэри, изадли.** Ну, теперь тебя зовет мама! А!
- Таля.** Что ты, гадкая девчонка, бегаешь не во время?
- Мэри.** Это подло, низко! Этого от тебя я даже не ожидала.
- Лид. Вал., за сценой.** Таля, Таля, где ты?

IX.

Финдесъеклев и Мэри. Финдесъеклев один. Потом Козлов.

- Финдесъеклев.** Мэри, я должен сказать тебе...вам...
- Мэри.** Оставьте меня!

- Финдесъеклев.** Мария Игнатъевна, вы не осудите строго того...
- Мэри.** Моя жизнь навеки разбита.
- Финдесъеклев.** Когда лиловые крылья упрека...
- Мэри.** Замолчите! (*Уходит.*)
- Финдесъеклев.** Что происходит! Вот она жизнь, водоворот ее! Меня судьба всегда бросает к пятому акту драмы. Очевидно, во мне заключается особая психическая сила. Как истерзан я всем происшедшим!
- Оставьте меня одного.
Печаль моя – сердцу услада!
Я вам не скажу ничего,
А ваших речей мне не надо.
- Да, я должен забыть в одиночестве, чтобы понять, что совершилось. Я нашел свой идеал. Таля, тебе все мечты с этой минуты! Прочь все мелочи жизни! Я парю на высотах чувства и не хочу, не могу, не в состоянии думать ни о чем низком. Только возвышенное может касаться меня своим крылом.
- Козлов, входя.** Вот вы где! Что это вас, батенька, одного в темноте покинули? Давайте-ка перед ужином в гусарский винт перекинемся?
- Финдесъеклев.** Винт?
- Козлов.** Да. Играете?
- Финдесъеклев.** «Винт – современный бог скучающей России».

- Козлов.** Я сейчас с болваном играл. Как везло ему — ужас!
- Финдесеклев.** С болваном?
- Козлов.** Вообразите, батенька: пришло ему зараз три коронки, одна до десятки и две до дамы, да еще туз пик!
- Финдесеклев.** Мальй без козырей?
- Козлов.** Разумеется! Так идемте? По маленькой?
- Финдесеклев.** Идемте, идемте!

Х.

Справа входят Мэри и Таля.

- Мэри.** Оставь меня! Я с тобой и разговаривать не хочу.
- Талья.** Да, ведь у тебя все равно ничего не вышло бы, а на мне он женится!
- Мэри.** Я ни об чем таком даже и не думала.
- Талья.** Если он тебе нравится сам по себе, отбей его у меня после свадьбы! Ничуть не пожалею. У меня другом дома будет улан с черными усами.
- Мэри.** Мне совестно даже слушать тебя.
- Талья.** Ничего, мы одни! Да ведь ты и сама в десятирех влюблялась!
- Мэри.** Талья, как ты смеешь?

- Таля.** Разве не правда? Прошное лето в двух была влюлена: в Иванова и в Петрова.
- Мэри.** А тебя застали, когда ты с Кошечкиным целовалась. Ты только тем и берешь, что всем на шею вешаешься. Больше-то в тебе ничего интересного и нет.
- Таля.** Да ты что форсишь? Лицом не больно-то, а если первой гимназию кончила – так уже все позабыла.
- Мэри.** А ты и не кончила!
- Таля.** Ну, а теперь ты ведь, как и я, кроме «*Новостей Дня*» ничего не читаешь!

XI.

Мэри, Таля, Обедов и Гитарин.

- Обедов.** Это мы! Это мы!
- Таля.** Что случилось?
- Обедов.** Еще не ужинали?
- Таля.** Нет. Да в чем дело?
- Обедов.** Надо заготовлять шампанского, чёрт возьми!
- Таля.** Вы и так, Иван Иванович, кажется, выпили лишнее?
- Обедов.** Я пьян. Чёрт побери, га! Я – пью, но ради друга!
- Таля.** Да говорите толком!

- Обедов.** Мы только что получили телеграмму. Вчера скончался дядя моего друга и...
- Таля.** }
Мэри. } И...
- Обедов.** И оставил ему свое состояние: два миллиона долларов и золотые прииски.
- Таля.** Два миллиона...
- Мэри.** И золотые прииски...
- Обедов.** Два миллиона долларов и золотые прииски в Патагонии.
- Таля.** Альфонс Пудович, правда это?
- Гитарин.** Вот телеграмма-с!
- Таля, читает.** «Калифорния. Вчера умер Джон Смит. Наследство Альфонсу Гитарину». Откуда же вы узнали, что два миллиона и прииски?
- Обедов.** Из письма. Еще письмо получили. Оно, того, дома осталось.
- Мэри.** Поздравляю, Альфонс Пудович!
Обедов. Два миллиона и прииски! К чёрту все! Теперь, Альфонс, ты можешь построить себе дворец из мрамора и ездить один на пятнадцати лошадях сразу.
- Таля.** Да что же вы молчите, Альфонс Пудович?
- Гитарин.** Я подавлен-с, такой случай...

Обедов. Ура, Альфонс! Идем, надо сообщить сия весть милейшей Лидии Валерьяновне и любезнейшему Игнатию Петровичу. У-р-р-а!

ХII.

Таля и Мэри. Таля одна. Потом Лидия Валерьяновна.

Мэри. А! Что, взяла? Вот и прогадала!

Таля. Оставь меня, пожалуйста, в покое! Не твое дело.

Мэри. Не вешалась бы на шею Финдесьеклеву, иное бы было дело!

Таля. Я пошутила с ним, а ты уж бог знает что воображаешь!

Мэри. Да, пошутила! И я немного понимаю.

Таля. Ничего не понимаешь! Убирайся от меня!

Мэри. Ухожу, ухожу.

Таля, одна. Как же быть? Неужели в самом деле два миллиона и прииски? Как же сравнивают с какими-то двумя домами да именем? Небось, еще все это заложено! Да и сам Финдесьеклев – такой дурак, а Гитарин... если и надоедлив немножко, все же очень милый кавалер и гораздо умнее. Ну, что из того, если я посмеялась сегодня над ним. Он так влюблен, что все простит.

Лид. Вал., поспешно входя.

Таля, Таля!

- Таля.** Я здесь, маман!
- Лид. Вал.** Ты уже слышала?
- Таля.** Слышала, маман.
- Лид. Вал.** Таля, он прежде за тобой ухаживал. Пока ему не успели вскружить голову, надо... ну, ты понимаешь... il faut...
- Таля.** Маман, я сегодня с ним поссорилась.
- Лид. Вал.** Какие глупости! Если постараться, ты всегда сумеешь увлечь его. Подумай: четыре миллиона и прииски!
- Таля.** Два миллиона, маман.
- Лид. Вал.** Мне Иван Иванович сказал, что четыре. Я сейчас постараюсь привести его сюда и оставить вас вдвоем. Не забывай, Таля, ведь мне так тяжело было воспитывать вас! А как дорого стоят ваши туалеты! Et votre pauvre père, он так устал работать!
- Таля.** Ах, маман, миллионы и прииски!

Лидия Валерьяновна уходит.

XIII.

Таля одна. Потом Лидия Валерьяновна, Гитарин и Обедов с фонарем.

- Таля.** Миллионы и прииски! Зимой будем жить в Петербурге, а на лето уезжать за границу. Гостиную я сделаю голубую, а будуар –

розовый. Мы будем принимать по четвергам, а бывать у нас будет только высший свет. И все будут ухаживать за мной – офицеры, уланы, но я буду суровой. «Monsieur, вы забываете, – я замужем!» А если ухаживать будет Александров? Ах, ну для одного можно сделать исключение! Какие у него глаза, особенно когда он смеется! Вот будут завидовать-то Юленька и Лизочка Пустяковы!

Лид. Вал., за ней остальные.

Вот сюда, Альфонс Пудович! Там сейчас все приготовят. Нет, нет, не отказывайтесь: мы должны поздравить вас шампанским! А, здесь и Таля! Садитесь, Альфонс Пудович, повесьте здесь фонарь! Вот так!

Гитарин.

Мне, право, совестно. Вы так заботитесь!

Лид. Вал.

Ах, оставьте! Мы так рады, что вы прямо к нам. Вы наш близкий знакомый. Таля, например, уж прямо считает вас за одного из своей семьи. Кстати, это ваш дядя с отцовской стороны или с материнской?

Гитарин.

С отцовской... то есть с материнской – обеих-с.

Обедов.

С материнской. Он муж его тетки – Адам Смит.

Лид. Вал.

И давно он уже в Америке?

Гитарин.

Давно-с.

Обедов.

Сорок лет тому назад уехал.

Лид. Вал.

Откуда же он знал вас, Альфонс Пудович?

- Обедов.** А он приезжал! Вот он в прошлом году приезжал.
- Лид. Вал.** Скажите! В прошлом году! Что же, он уже стар был?
- Гитарин.** Стар-с.
Обедов. Развалина! Еле ноги волочил.
- Лид. Вал.** Как же он решился ехать из Америки?
- Обедов.** Из любви к нему. Он его так любил, так любил! Бывало, эдак скажет мне. «Обедов, понимаешь ты, как я люблю Альфонса? Нет, – скажет, – чёрт побери, ты не понимаешь!»
- Таля.** Да ведь вы только в этом году познакомились с Гитариным!
- Обедов.** Э, нет! Мы возобновили знакомство. Я его знал мальчиком. В одной рубашонке без штанов предо мною бегал.
- Лид. Вал.** Иван Иванович!
- Обедов.** От любви говорю, Лидия Валерьяновна, честное слово, от любви! А у дяди была еще собака, и он ее на золотом шнурке водил, это так у них в Америке принято. Я все знаю, мы ведь приятели были.
- Таля.** А вы любили дядю?
- Гитарин.** Любил-с.
- Таля.** Да что вы такой расстроенный?

- Гитарин.** Неожиданность! Вдруг такая перемена в судьбе!
- Таля.** Вы и сами переменились. Скоро нас просто забудете. Где уж! Может быть, за границу уедете?
- Гитарин.** Наталья Игнатьевна, как вы можете так говорить? Кажется, вы знаете мои чувства.
- Лид. Вал.** Извините, Альфонс Пудович, я пойду потороплю прислугу!

Делает знак Обедову.

XIV.

Таля и Гитарин. Потом Мэри.

- Таля.** Я все-таки боюсь, что из-за этого наследства все изменится... и вы изменитесь...
- Гитарин.** Я-то не изменюсь! А вот вы изменились по отношению ко мне.
- Таля.** Да я просто не знаю, как с вами разговаривать. Вы теперь миллионер!
- Гитарин.** Нет, не теперь, а тогда, помните?
- Таля.** Ах, что вы за пустяки говорите! Неужели вы на это обратили внимание?
- Гитарин.** Наталья Игнатьевна, вы так жестоко смеялись надо мной!

- Таля.** Ха-ха-ха! Вот не ожидала, что вы такой! Дожидаясь гостей, я позволила себе пошутить с вами, а вы уж и обиделись.
- Гитарин.** Пошутить? Не в шутку ли вы и засматривались на этого Фин... Фин... Как его?
- Таля.** Так вы ревнуете?
- Гитарин.** Ну да! Мне было больно, я ревновал.
- Таля.** Ревнуете – значит, вы все еще любите меня?
- Гитарин.** Ведь я же говорил это тебе, Таля, а ты смеялась надо мной!
- Таля.** Ну, прости, мыйли! Я не думала, что это тебя так огорчит.
- Гитарин.** Таля, я твой раб!
- Таля.** А мне было так страшно: я думала, вдруг, с получением наследства, он и смотреть на меня не станет!

За кулисами видна подсматривающая Мэри.

- Гитарин, целуя.** Милая, как ты можешь так говорить? Я люблю тебя больше жизни.
- Таля.** И всегда будешь любить?
- Гитарин.** И до смерти и после смерти. О, моя богиня! А ты, скажи, ты любишь меня?
- Таля.** Ах, мне совестно!
- Гитарин.** Нет, скажи! Теперь ты должна сказать.

- Таля.** Я... если тамап... Я согласна быть твоей женой.
- Гитарин, в сторону.** Женой! Чёрт возьми! (Ей) Что задумывать о будущем, Таля!
- Таля.** Но ведь ты всегда будешь меня любить?
- Гитарин.** Ну да, всегда. Однако, Таля, это ты не ради моего наследства так говоришь?
- Таля.** Как ты смеешь так обо мне думать? Оставьте меня! Вы меня оскорбили.
- Гитарин.** Таля, Таля...
- Таля.** Да если бы у тебя ничего не было, вот если бы сейчас оспорили это завещание дяди, – я рада была бы делить с тобой и горе и радость.
- Гитарин.** И это правда? Таля, я верю тебе. Я должен тебе признаться во всем. Видишь ли... (Поцелуй.)

XV.

Те же, Финдесеклев и Мэри (которая тотчас же исчезает).

- Финдесеклев.** Так это правда?
- Гитарин.** Чёрт возьми!
- Таля.** Альфонс, спаси меня!
- Финдесеклев.** Так вот ваши клятвы? Теперь я понимаю. Полчаса назад...
О женщины, ничтожество вам имя!

- Тая.** Что за несчастная! (*Плачет.*)
- Финдесъеклев.** Вы надсмаялись (sic!) над святыней души поэта, вы оскорбили святую святых его чувств. О, если бы вы поняли, что совершили, то рыдали бы у ног моих!
- Гитарин.** Не кричите! Соседи услышат.
- Финдесъеклев.** А вы, вы! Крокодил под человеческим плащом! Завтра я пришлю вам своих секундантов!
- Гитарин.** Оставьте меня в покое!
- Финдесъеклев.** Нет! Я не оставлю этого! Ты не уйдешь от справедливой мести! Я в лицо бросаю тебе название подлеца! Вы подлец!
- Гитарин.** Позвольте, это уж слишком! Где тут урядник живет? Прямо протокол!

XVI.

Те же, Лидия Валерьяновна и Обедов. В глубине Мэри.

- Тая.** Мама́, мама́, меня оскорбляют!
- Лид. Вал.** Владимир Александрович, что с вами? Успокойтесь!
- Финдесъеклев.** Прочь! Прочь от меня, чудовище с зелеными глазами! Василиск, пожирающий дочерей своих!
- Лид. Вал.** Вы с ума сошли? Вы забываетесь!
- Финдесъеклев.** Вы недостойны развязать ремень у сапога моего, а осмелились смеяться надо мной. Вы...

- Лид. Вал.** Извольте выйти вон!
- Обедов.** Чего ты, брат, в самом деле разорался? Вон ступай!
- Финдесьеков.** Да, я уйду. Прозрачным ли струнам души поэта место там, где предпочтены Обедовы?
- Обедов.** Вон, говорят тебе! Чёрт побери, здесь не безобразничают!
- Финдесьеков.** Оставьте меня! Я сам уйду.

Пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок...

XVII.

Те же без Мэри и Финдесьекова. Потом Козлов.

- Гитарин.** Карету мне, карету!
- Лид. Вал.** Боже мой! Какой скандал! Все слышали.
- Таля.** Мама́, мы любим друг друга. Альфонс Павлович просил моей руки, и я... я согласилась, мама́.
- Лид. Вал.** Какой удар! Таля, дитя мое, я этого не ожидала от тебя. Вы, милостивый государь, я вас знала за благородного, честного молодого человека. Зачем было волновать юную душу неопытной девушки? Не лучше ли было обратиться к нам? Но, впрочем, *s'est fait*. В принципе я за свободу чувства. Никогда я не позволю себе налагать оковы на сердце дочери. (*Трону-*

тая.) Дети мои, благословляю вас, будьте счастливы!

Гитарин.

Я-с... я, собственно, не могу жениться.

Лид. Вал.

Таля.

Ах! Как?

Гитарин.

Я-с... я, собственно, не могу жениться. Я... я уже обручен-с.

Лид. Вал.

Как уже обручены? С кем обручены?

Гитарин.

Право, же, обручен. Я даже в двух местах обручен.

Лид. Вал.

Что за пустяки! Ведь вы любите Талю?

Таля.

Ты любишь меня, Альфонс?

Гитарин.

Люблю-с.

Лид. Вал.

Так вот, вы получили наследство, а с деньгами можно даже с женой расвестись. Зачем же жениться на той, кого не любишь?

Гитарин.

Я не могу-с... потому у меня... у меня нету-с денег.

Лид. Вал.

Но они будут! Шесть миллионов и золотые прииски.

Гитарин.

Нет-с, это не я... Это вот он все выдумал. Никакого наследства нет, мы сами телеграмму написали.

Таля.

Ах, маман!

- Лид. Вал.** Что же вы думаете? И на вас управа найдется! *(Кричит.)* Я в суд подам, я за честь дочери ничего не пожалею!
- Гитарин.** Это вот все он, не я-с!
- Лид. Вал.** Что ж это делается? Опозорили нас перед всеми соседями! Я ли не одного желала: счастья дочерей? Выбирая жениха, искала не богатства, а человека. А она, бедный голубок! Ведь она краснела только, разговаривая с мужчиной! Ведь она была просто сама невинность! За что же мы так наказаны? *(Плачет.)*
- Обедов.** Что, брат, видно, от ворот – поворот вдоль по улице?
- Козлов, идет. Издали.** Идемте ужинать, господа! А там в винт сыграем. Я уж карты приготовил.
- Лид. Вал., вдруг очнувшись.**
Изверг вы рода человеческого! Аспид!
Истукан бесчувственный.

Занавес.

УРОК ИГРОКУ

Комедия

А. С. Пушкин – В. Я. Брюсов

«Пушкин несколько раз начинал писать комедию, но не закончил ни одной. К 1821 г., к «кишиневскому» периоду жизни поэта, относится комедия об игроках и сцене между матерью и сыном; к 1825 г., к году ссылки в Михайловском, – сцена в Подмосковной. Из этих трех замыслов наиболее известен нам первый. От него сохранилась довольно подробно разработанная поэтом программа, почти полностью написанная первая сцена, в стихах, и отрывок из той же сцены, с дополнениями, в прозе. Кроме того П. В. Анненков передал содержание всей комедии, которое он узнал от современников Пушкина, слышавших изложение сюжета комедии из уст самого поэта. Все это дает возможность восстановить весь ход действия.»

Такая попытка и сделана нами в дальнейшем. При этом, разумеется, нами сохранены все подлинные слова Пушкина как из набросков первой сцены, так и из программы. Большую часть, однако, пришлось написать заново, пользуясь только общими указаниями Пушкина и Анненкова. Мы сознавали, что наше собственное творчество в слишком слабой степени может заменить пушкинское. Поэтому мы сознательно старались избегать всякой яркости в диалогах и монологах, довольствуясь только тем, что излагали смысл того, чему гений Пушкина придал бы жизнь и блеск. Конечно, это крайне ослабило рисовку характеров и выразительность сцен, но зато освобождает нас от обвинения в желании соперничать с Пушкининым. Мы решительным образом отказались от этого и даем не самую комедию, восстановленную нами, а только схему ее. По тем же соображениям, стихами мы только закончили первую сцену, начатую Пушкиным, и, в параллель ей, написали последнюю. Остальное изложили «смирненной» прозой.

Остается добавить, что действующим лицам Пушкин дал, конечно, временно, имена тех актеров своего времени, для которых предназначал соответственные роли. Мы эти имена сочли уместным сохранить.

Валерий Брюсов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вальберхова – вдова

Сосницкой – ее брат

Брянской – любовник Вальберховой

Рамазанов [шуллер, в прошлом друг Брянского и обязанный ему]

Боченков [приятель Сосницкого]

Величкин [старый слуга Сосницкого]

Сцена представляет приемную Сосницкого, в том же доме, где живет и Вальберхова. Три двери: одна ведет в переднюю и к выходу на улицу; другая – в парадные комнаты, столовую и др.; третья – во внутренние, спальню и др. Действие – в начале 1820-х годов.

Сцена I.

Сосницкой один

Сосницкой.

Мочи нет: устал, проигрался! (*Смотрит на часы.*) Но пора в театр, на репетицию, потолкаюсь за кулисами. Кроме того я обещал заехать к Верину. Наш друг дает свой последний завтрак, перед тем, как застрелиться. Он проиграл все свое состояние и открыто объявил всем, что после сегодняшнего завтрака он застрелится. Это интересно и быть у него надо непременно. Правда, я сегодня тоже звал гостей, Брянского, Рамазанова, Боченкова – пометать банк. У меня тоже будет завтрак. Но я успею вернуться.

Готовится выйти из дому. Слышен шум.

Ах, кто это ко мне?

Сцена II.
Сосницкой и Вальберхова.

[Вальберхова, входит стремительно.]*

Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?

В одном дому живем, и месяц не видались.
Откуда и куда?

[Сосницкой, смущенный.]

Я шел к тебе, сестра;
Хотелось мне с тобой увидеться.

[Вальберхова.]

Пора!

[Сосницкой.]

Ей-богу, занят был...

[Вальберхова.]

Да чем?

[Сосницкой.]

Делами... Службой...
Я [право] дорожу, сестра, твоею дружбой.
Люблю тебя душой и рад бы иногда
С тобою посидеть, – но, видишь ты, беда:
Всегда разъедемся, – я дома, ты – в карете;
Никак не съедемся.

[Вальберхова.]

Но мы могли бы в свете
Видаться каждый день.

[Сосницкой.]

Конечно, я бы мог.
Пуститься в [модный] свет... Нет, нет,
избави Бог!

* Текст Пушкина. В квадратных скобках дополнения В. Я. Брюсова.

По счастью, модный круг совсем теперь
не в моде;
Ты знаешь, мы живем в казармах на свободе,
Не ездим в общество, не знаем наших дам,
Мы вас оставили на жертву старикам,
Любезным баловням осьмнадцатого века...
А, впрочем, не найдешь живого человека
В отборном обществе...

[Вальберхова.]

Хвалиться есть ли чем?
Что тут хорошего! Ну, я прощаю тем,
Которые, пусться в пятнадцать лет на волю,
Привыкли [на войне] лишь к пороху, да
к полю,
Казармы нравятся им больше наших зал,
Но ты, который с год учиться перестал,
Который не знал походной пыли с роду,
За чем перенимать у них пустую моду?
Какая нужда в том?

[Сосницкой.]

В кругу своем они
О дельном говорят, читают Жомини...

[Вальберхова.]

Да ты не читывал с тех пор, как ты
родился. —
Ты шлафроком одним да трубкою
пленился;
Тебе уж грустно там, где только банка
нет,
Где вечно не курят и должен быть одет.
Сегодня дома я и, верно, тетка будет.**
Так приходи и ты, не то она осудит.

Сосницкой.

И рад бы я, сестра, но завтрак я даю...

Вальберхова.

Ты – завтрак? поняла уловку я твою!

** Начиная с этого стиха – текст, сочиненный В. Я. Брюсовым.

Опять играть? Ну как все то же не на-
скачит?

Ах, сколько человек себя нарочно мучит!
Какое общество! Пройдохи, шуллера. –
Сознайся, ты играл, наверно, и вчера?

Сосницкой, *не решаясь отрицать.*

Играл...

Вальберхова.

Да долго ли, бог знает где, ты будешь?
Добро твои друзья! об них ты лестно су-
дишь.
«О дельном говорят, читают Жомини».
Так – либералы то! А ты ведь не они.
Опять скажу, зачем ты не бываешь в свете?
Ведь там – вся молодежь.

Сосницкой.

У всех вы на примете.
Одно – браниться! Я успел тебе сказать,
Что в свете скучно мне! То ль дело – ночь
играть!

Вальберхова, *строго.*

Когда же кончишь ты? Ведь есть всему
граница.

Сосницкой.

Сказать по истине, так никогда, сестрица!
Но, милая, прощай: боюсь я, невзначай
Ко мне придут...

Вальберхова.

Играть?

Сосницкой, *стыдясь сказать правду.*

Нет, завтракать.

Вальберхова, *гневно.*

Прощай! (Уходит.)

Сцена III.
Сосницкой и Величкин

Сосницкой, зовет.

Эй, Величкин!

Величкин, входит.

Что прикажете?

Сосницкой.

Сейчас я уезжаю, но скоро вернусь. У меня сегодня будут гости, Брянской, Рамазанов, Боченков. Приготовь завтрак.

Величкин.

И опять будете играть?

Сосницкой.

Дурак! Ну, конечно, будут карты. Не сидеть же нам сложа руки.

Величкин.

Сударь, бросьте игру! Христом-богом вас умоляю. Хоть сегодня не играйте! Опять проиграетесь. Хотите, на колени стану?

Становится на колени.

Сосницкой.

Полно врать пустяки! (*Опять смотрит на часы.*) Однако, надо торопиться. Но я поспею во-время. Приготовь же все!

Уходит.

Сцена IV.
Величкин один. Потом Брянской

Величкин.

Эх, беда эти карты! Сколько уже барин проиграл. Да проиграет и еще. Ведь я вижу, что его обыгрывают наверняка. Эти

его приятели картежники – подлинные шуллера. По миру пойдет от карт.

Брянской, входит.

Что, Сосницкого нет дома?

Величкин.

Барин скоро вернется.

Брянской.

Хорошо, я знаю. Он меня предупредил. Стучай, займись своим делом, а я здесь буду принимать гостей.

Величкин.

Как прикажете. *(Уходит ворча.)*

Сцена V.

Брянской и Вальберхова

Вальберхова, входит.

Здравствуйте, Брянской. Мне сказали, что вы здесь один.

Брянской, целует у нее руку.

Да, я принимаю гостей в отсутствие Сосницкого.

Вальберхова.

Я нарочно пришла просить вас о важной услуге. Мой брат втянулся в игру. Он уже много проиграл и может совершенно погибнуть. Вы должны мне помочь спасти его.

Брянской.

Для вас я готов все сделать. Верьте, что я сам давно думаю об этом. У меня уже есть свой план. Сегодня здесь будет некто Рамазанов. Я его хорошо знаю, и он не откажется помочь нам.

Вальберхова.

Игрок?

Брянской.

Не стану скрывать. Теперь этот Рамазанов не что иное, как шуллер... Но прежде

мы были приятели. Он мне в прошлом очень многим обязан, и не может мне отказать. Я сговорюсь с ним, что мы будем играть пополам, и вдвоем мы обыграем Сосницкого до тла.

Вальберхова.

Чем же это поможет делу?

Брянской.

Ну, разумеется, мы обыграем Сосницкого только для вида, в шутку. Потом мы ему объясним это. Но для него то будет хороший урок.

Вальберхова.

Я верю вам, Брянской. Делайте, как найдете лучшим. Но сюда идут. Я уйду.

Уходит.

Сцена VI.

Брянской и Рамазанов; потом Величкин

Рамазанов, входит, раскланиваясь в дверях с Вальберховой; замечает Брянского и глядит на него с удивлением.

Брянской.

Узнал меня, старый товарищ?

Рамазанов.

Я не ошибаюсь... Это – ты, Брянской... *(Замолкает в смущении.)*

Брянской.

Да, это – я. Давно мы с тобой не видались.

Рамазанов, не решаясь подать руку.

Да... давно... кажется, года четыре.

Брянской.

Полно! Разве так встречаются со старыми друзьями! Здравствуй, старый товарищ! Очень рад тебя видеть. Ты к Сосницкому? Так я пока за него.

- Рамазанов, порывисто жмет руку Брянскому.**
Да, Сосницкой звал меня на завтрак.
- Брянской.**
И играть?
- Рамазанов, уклончиво.**
Ты сам прежде был не прочь от карт...
- Брянской, с ударением.**
Отчего же не пометать, если вести дело чисто.
- Рамазанов, вспыхнув.**
Я вижу, до тебя дошли слухи...
- Брянской.**
Полно, старый товарищ! Где нам судить друг друга! Или ты забыл наши старые общие проказы!
- Рамазанов.**
Я ничего не забыл. Да и услуга, какую ты мне оказал, не забывается. Желал бы я чем-нибудь отплатить тебе.
- Брянской.**
И об этом нечего говорить. Как не помочь товарищу в беду. Вот кстати я сегодня же хочу просить тебя об услуге.
- Рамазанов, с жаром.**
Говори! Для тебя я готов на все.
- Брянской.**
О, многого я не потребую...
Входит Величкин, чтобы накрыть стол для завтрака. Брянской отводит Рамазанова в сторону и продолжит говорить в полголоса.
- Величкин.**
Э-э! И Брянской, видно, такой же, как все остальные. Ишь, как они сговариваются. Ну, пропал мой барин! *(Продолжает дело, ворча.)*
- Брянской, свлук.**
Итак, решено: мы играем пополам?

Рамазанов. Решено, решено! Все будет сделано, как ты говоришь.

Звонок.

Величкин. Вот и барин вернулись.

Уходит.

Сцена VII.

Брянской, Рамазанов, Сосницкой; потом Боченков

Сосницкой, входя. Вот и я. Здравствуйте, господа. Вы знакомы?

Брянской. Не только знакомы, но и старые товарищи.

Сосницкой. Очень рад. Простите, что заставил себя ждать. Преуморительная история. Один наш общий приятель (уж не буду его называть) заявил открыто, что сегодня застрелится и звал к себе на это торжество. Я сдуру поверил, поехал, а он оказывается передумал! Вот и доверяйся после того людям!

Брянской. Почему же ему пришла в голову мысль застрелиться?

Сосницкой, пожимая плечами.
Проигрался, кажется.

Рамазанов. Нелепая причина. Сегодня проиграл, завтра выиграл. Счастье переменчиво.

Сосницкой. Ну, можно проиграться так, что не отыграешься...

Звонок.

Но вот и Боченков. (*Идет встретить.*)

Рамазанов, Брянскому. Легкомысленный юноша! Словно дитя.

Брянской. Тем более стыдно такого обыгрывать...

Сосницкой, возвращается; за ним Боченков.

Господа, рекомендую, Боченков.

Все раскланиваются.

И так как все в сборе, а мой завтрак еще не совсем готов, то предлагаю: промечем перед завтраком маленький банчок, а?

Боченков. Я – с удовольствием.

Брянской. Мы тоже.

Сосницкой. Тогда прошу, господа, пожалуйста сюда.

Проводит всех в комнату налево.

Сцена VIII.

Величкин, один; остальные в соседней комнате.

Величкин, входит.

Господи боже мой! Едва ввалились, как за карты! (*Глядит в дверь.*) Играют! Так и швыряются деньгами. (*Начинает готовить стол для завтрака, потом опять возвращается к двери.*) И барин все вынимает деньги да вынимает. И тут тебе золото, и тут ассигнации! Полуимпериалы так и сыпятся! И откуда они у него! Эх, лучше не смотреть.

*Отходит и опять накрывает стол.
Голоса из соседней комнаты.*

- Рамазанов.** Закладываю тысячу.
- Сосницкой.** Я в руке, держу.
- Рамазанов.** Мечу. Направо, налево...Ваша семерка бита.
- Сосницкой.** Идет! на пе!
- Брянской.** Ты увлекаешься, Сосницкой.
- Сосницкой.** Ужасно не люблю советов не во-время!
Мечите, пожалуйста.
- Рамазанов.** Извольте. Направо, налево... Моя девятка.
- Сосницкой.** Вам дьявольски везет. Пароли-пе!
- Рамазанов.** Идет...
- Величкин, опять подходит к двери.**

Этот длинный так и сгребает деньги, так и сгребает! Что это? Барин уж не деньгами платит, а какую-то бумагу пишет! вексель что ли! Господи боже мой! Царица небеская! Помоги барину выиграть! Только на этот раз! Больше он играть не будет! За него клянусь. Только бы сейчас не проиграл!

Звонок.

Это что же? Кого еще чёрт принес!

*Идет отпирать.
Голоса в соседней комнате.*

- Рамазанов.** В банке тридцать тысяч...
- Сосницкой.** Va banque!
- Брянской.** Сосницкой, подумайте...
- Сосницкой.** Прошу не вмешиваться не в свое дело. Va banque!
- Рамазанов.** Идет.

Сцена IX.
Вальберхова и Величкин.

- Вальберхова.** Что за шум?
- При звуке голоса Вальберховой шум в соседней комнате стихает.*
- Величкин, угрюмо.** Играют.
- Вальберхова.** А, уже играют. Поди за Брянским, позови его ко мне.
- Величкин, в сторону.** И Брянской такой же, как все! (*Идет в комнату к играющим.*)

Сцена X.
Брянской и Вальберхова; Величкин в стороне

- Вальберхова, входящему Брянскому.** Я зашла узнать, как идет дело.
- Брянской.** Превосходно. Я уговорил Рамазанова играть со мною пополам. Сосницкой уже страшно проигрался. Проиграл, кажется, больше, чем у него есть. Ему – урок...

Вальберхова.

Тише! Он сюда идет! Куда бы мне спрятаться.

Прячется в комнату направо.

Сцена XI.

Брянской, Сосницкой, Величкин

Сосницкой, входит в отчаяньи.

Все кончено! Я проиграл все! Хуже! Я задолжал то, чего заплатить не в состоянии. Мне остается одно – пулю в висок! Смерть или бесчестье, выбор нетруден. *(Шатаясь подходит к накрытому столу, наливает себе вина, пьет.)*

Брянской.

Успокойтесь, Сосницкой! Вы еще можете отыграться.

Сосницкой.

Мне больше нечего поставить. Рамазов уже заявил, что больше не может играть на слово. И он прав: я ему задолжал больше, чем могу заплатить. Я – подлец! *(Рыдает.)*

Величкин.

Барин, успокойтесь. Вы обо мне позабыли.

Сосницкой, горько.

Об тебе? А что ты? Отговаривал меня от игры? Помню, помню. Но от того мне не легче.

Величкин.

Нет, но я – ваш крепостной человек. Поставьте на карту меня, авось, бог даст, с того отыграетесь, хоть в половину.

Сосницкой, в ужасе.

Поставить на карту тебя? Тебя, кто меня в детстве нянчил?

- Величкин.** Ставьте, барин! Бог не без милости.
- Сосницкой.** Пусть я буду подлецом до конца! (*Бросается в соседнюю комнату.*)

Сцена XII.

Величкин, Брянской, Вальберхова; остальные в соседней комнате.

- Вальберхова, выходя.** Не слишком ли вы постарались...
- Брянской.** Ничего, ничего. Тем сильнее будет урок. (*Голоса в соседней комнате.*)
- Сосницкой.** Идет крепостной человек Величкин в тысячи рублях...
- Рамазанов.** Если прикажете.
- Сосницкой.** Мечите!
- Рамазанов.** Извольте. Направо, налево... направо, налево... направо, налево... Ваша двойка бита.
- Сосницкой, глухо.** Ваше счастье... Я прекращаю игру... Извините...

Сцена XIII.

*Все входят в первую комнату.
Вальберхова скрывается за креслами.*

- Сосницкой, идет к Величкину.**
Друг! я проиграл тебя, прости меня. (*Плачет.*)
- Величкин, тоже плачет.** Так Богу угодно было. (*Обнимают друг друга и рыдают.*)

- Боченков, в сторону.** Я тоже готов заплакать.
- Вальберхова, Брянскому.** Да скажите ему, в чем дело! Этого сил нет терпеть.
- Брянской, Рамазанову.** Объясни ему.
- Рамазанов, Сосницкому.** Сосницкой, послушайте! Вы напрасно отчаиваетесь. Все, что здесь происходило, было только шуткой. Вы ничего не проиграли и ничего мне не должны.
- Сосницкой, горько.** Как ничего не проиграл! Я не могу принять вашего великодушия. Я играл на честное слово и привык свое слово держать. Чего бы это мне ни стоило, я все заплачу вам.
- Брянской.** Полно, Сосницкой. Мы говорим тебе, что все было шуткой. Ты ничего не должен, потому что мы обыгрывали тебя наверняка. Мы с ним (*показывает на Рамазанова*) играли пополам, понимаешь?
- Боченков, в сторону.** Вот оно что!
- Брянской.** Поэтому нам честь не позволяет взять твои деньги.
- Рамазанов, выкладывая деньги на стол.** Да, я вам их обязан возвратить. Вот все ваши деньги и расписки. (*В сторону.*) А по совести сказать, жаль.
- Сосницкой.** Так это была шутка? (*Горько.*) И вы это называете шуткой! Да знаете ли вы... (*Задыхается.*)
- Брянской.** Не волнуйся. Мы так поступили по прось-

бе твоей сестры, чтобы отучить тебя от игры...

Сцена XIV.

Те же и Вальберхова.

Вальберхова, *выступая вперед.*

Да, мылий брат, во всем одна я виновата!
Ты видишь за игру вот какова расплата!

Сосницкой, *словно проснувшись.*

Все здесь, а мне об том никто не сказал...
(К Величкину.) Так я, Величкин – друг,
тебя не проиграл!

Величкин.

Да, барин, я опять – ваш человек до гроба!

Сосницкой.

Как счастлив я сейчас! Как счастливы мы
оба!

Вальберхова.

А бросишь ли играть? Пойдет ли в прок
урок?

Сосницкой.

Век не коснусь до карт! даю святой зарок.

Величкин.

О господи! мои услышал ты моленья!

Брянской.

Тепер же, господа, покончив треволенья,
Могли б мы приступить и к завтраку.

Сосницкой, *весело.*

Пора!
Величкин, подавай! Хозяйничай, сестра!
Все шумно устремляются к накрытому столу.

Конец.

КОМЕНТАŘЕ A POZNÁMKY

Три расцвета. Драма (1904–05)

Balmontovo *Trojí květenství* bylo poprvé uveřejněno jako součást manifestačního sborníku *Severní květy* v roce 1905 a hned o dva roky později se dočkalo též samostatné knižní podoby¹. Hra patří mezi první pokusy o vytvoření symbolistního dramatu v ruském prostředí a zároveň je také jediným autorovým počinem v této oblasti. V další spolupráci s divadlem se pak básník omezuje již pouze na překlady klasických děl dramatické literatury, které dodnes v ruském prostředí představují stálý a divadelníky uznávaný zdroj inspirace². Není jistě bez zajímavosti, že

¹ Бальмонт, К. Д., *Три Расцвета. Драма*. В кн. *Северные цветы Ассирийские*. Альманах кн-ва *Скорпион*. Москва, 1905, 1–28. In: *Театр юности и красоты*, С.-Петербург, Издание М. В. Пирожкова 1907.

² Гауптман, Г., *Собрание сочинений*. (*Утопленный колокол, Гангел, и др.*). Москва 1902.

Лопе де Вега, *Овечий ключ*. (Перевод с испанского, размерами подлинника, К. Д. Бальмонта), Москва 1919.

Калидаса, *Сакунтала*. (Перевод К. Д. Бальмонта. Вступительная статья и примечания И.С. Рабиновича), Москва 1955.

Кальдерон де ла Барка, *Сочинения Кальдерона*. Вып. 3-й. Драмы ревности и мести. (1. *Врач своей чести*. – 2. *За тайное оскорбление тайная месть*. 3. *Возлюбленная Гомеса Ариаса*.), Москва, *Искусство и литература* 1902.

Кальдерон, *Сочинения Кальдерона*. Вып. 2-й. Философские и героические драмы. (1. *Жизнь есть сон*. 2. *Поклонения Кресту*. 3. *Стойкий Прици*. 4. *Любовь после смерти*. 5. *Четыре статьи о К.*) Москва, *Искусство и литература* 1902.

Кальдерон, *Сочинения Кальдерона*. Вып. 1-й. Две статьи о Кальдероне и его драма, Москва, *Искусство и литература* 1902.

Уайльд, О., *Саломея*. (Перевод К. Д. Бальмонта и Е. Андреевой.) В кн: *Поэзия Оскара Уайльда*, С.-Петербург, Пантеон 1908.

Шелли, П. Б., *Полное собрание сочинений в переводе К. Д. Б.* (1. *Лирика*. *Царица Маб*. *Демон мира*. *Аластор*. – 2. *Возмущение ислама*. *Царевич Атаназ*. *Строки, написанные среди Евганиевских холмов*. *Розалинда и Елена*. *Юлиан и Маддало*. *Освобожденный Прометей*. *Ченчи*. – 3. *Поэмы и драмы*.) «Знание», С. Петербург 1903, 1904, 1907.

mnohé z těchto překladů zaujaly i takové osobnosti ruské kultury, jako byl K. S. Stanislavskij, či později A. J. Tairov.

Hra byla inscenována N. N. Vaškevičem – jedním z bývalých herců Moskevského uměleckého divadla, který jako jediný dokázal Balmonta nadchnout svým specifickým divadelním programem.³ Programové odlišení od dosavadního směru symbolistního divadla, usilující namísto o poznání vnitřní duševní krásy – o očištění temných symbolů, zaujalo básníka dokonce natolik, že souhlasil, aby se toto uvedení, které zároveň mělo otevřít nově vzniklé *Divadlo tragédie*, prezentovalo pod názvem *Dionýsův příběh*. Plánované datum premiéry Balmontova dramatu (10. 10. 1905) však připadlo na dobu uličních nepokojů, které nakonec odsunuly její konání až na 4. 1. 1906. I přes nejrůznější úskalí a finanční problémy se díky obrovskému nadšení všech zúčastněných představení přece jen uskutečnilo. Kritika se však vyjádřila o inscenaci negativně. Doslova hovoří o představení, které se jen marně pokouší o harmonii slova, hudby, prostoru, malby, světelných efektů či vůně živých květin, rozdáváných publiku. Mezi ty, jež uveřejnili nejtvrďší odsudky, patřil také V. Brjusov, přičemž právě jeho dobový záznam paradoxně představuje jeden z hlavních zdrojů informací o tomto jediném uskutečněném představení hry.⁴

Ačkoli *Trojí květenství* nezaznamenalo větší úspěch na poli divadelní praxe, zůstává jeho význam nepopiratelný. Za zajímavou v tomto smyslu můžeme označit zejména kompozici hry, která svou formální podobností

3 N. N. Vaškevič svůj divadelní program poprvé přednesl na jednom ze setkání Literárněuměleckého kroužku v Moskvě (8. 4. 1905), kde ostře vystoupil proti počínající stagnaci tradičního divadla a oznámil vytvoření Divadla tragédie (*Театр трагедии*), jehož programovým cílem se mělo stát odvrácení stinných stránek života skrze spoluprožívání vypjatých emocí, spojené s odklonem od konvenčnosti realistického inscenování. Namísto tradičního pojetí divadelní struktury chápal Vaškevič jednotlivá představení jako modlitební akt, v němž je vše vnějškově lidské odvrženo jako ve skutečnosti neexistující a na jeho místo nastupuje vnitřní prožitek. V plánovaném repertoáru figurovala mimo jiné Wildeova *Salomé*, D'Annunziovy *Prology*, *Sny jarního svítání a podzimního večera*, ale také např. Maeterlinckova *Smrt Tintagila*.

4 Брюсов, В. Я., *Вехи. II. Искания новой сцены*. (Подпись – Аврелий.), Весы, 1905, № 12 – 1906, № 1, с. 72–75. V podobném smyslu informuje i další kritika představení, uveřejněná v časopise *Театр и искусство*, 1906, № 3, с. 42. Další údaje, spojené s uveřejněním či uvedením Balmontovy hry na scénu však chybí. Хайченко, Г. А. – Холодов, Е. Г., *История русского драматического театра в семи томах*. Том 7 (1898 – 1917), Москва, Искусство 1987, 317–318.

s Maeterlinkovskými malými hrami o smrti tvoří symbolický most mezi jazykem francouzských průkopníků a jazykem ruské moderny.

Filozoficky pojaté drama lidského života je zde zosobněno nikoli formou konkrétních osob a dějů, ale spíše v podobě alegorických postav s nejobecnější platností. Oslabení akce proto nemá být chápáno pouze jako prostředek vyrovnání zesíleného slova, ale znamená také významný posun v dosavadním myšlení a chápání vztahu autor – dílo – divák. Aktivita scény se omezuje ve prospěch potření pasivity obecnstva, přičemž právě ona nově vzniklá syntéza jeviště a hlediště se stává hlavním inspiračním zdrojem symbolistního divadla, které tak nachází východisko pro konstrukci děje a uplatnění jednotlivých symbolů v něm. Rozumíme-li však správně žánrovému označení filozoficko-symbolistní drama, za které je *Trojí květenství* právem pokládáno, potom vedle vlastního jazyka hry, čerpajícího z bohatých tradic ruské moudrosti, stojí v popředí našeho zájmu právě ona filozofická idea, naplňující téma hry. Odhlédneme-li od domácích kořenů filozofie, znovuožívajících zejména v Solovjovově tvorbě, pak nemůžeme nevidět v dramatu také velmi silný vliv německé iracionální školy. Nietzscheho idea dokonalosti (nadčlověka), tolik opěvovaná i zatracovaná, zcela zjevně vytváří neoddělitelnou součást jednotlivých postav hry a personifikuje se v jejich myšlení do podoby touhy po získání moci. Jednání hlavních hrdinů příběhu, kteří za základní životní princip přijímají koncepci vůle, se podřizuje jedinému cíli a jeho dosažení. Dynamika příběhu se přesouvá do nitra jednotlivce – k vlastnímu hledání pravdy, a to prostřednictvím vědomého či intuitivního (magického) poznávání skutečnosti, což koresponduje také s filozoficko-etickým maximalismem v té době módním,⁵ a zároveň řadí tento experiment mezi nejúspěšnější pokusy o vytvoření ruské podoby čistě symbolistního dramatu.

* * *

Termín *pacuŕem* – *rozkvět, rozvítí*. V ruštině bývá tento výraz často používán také ve smyslu slova „svítání“, které je tak nejen symbolem nového počátku, zrození či opakování právě dokončeného cyklu, evokuje však i osvícení – ať už se jedná o akt víry, nebo třeba jen pouhého pochopení souvislostí mezi dvěma jevy.

⁵ Honzík, J. a kol., *Zlato v azuru*. (Lyrika ruského symbolismu), Praha, Odeon 1980, 5.

Путник. Психодрама в 1-ом действии (1910 – 11)

Hra *Poutník* byla poprvé otištěna časopisecky v roce 1911 a vzápětí vydána nakladatelstvím Škorpión jako samostatný výtisk. Následovalo její opětné zařazení do několika Brjusovových knižních výborů.⁶ Dochoval se i údaj o jejím inscenování v Petrohradě a provinciích, který však pro svou neúplnost znemožňuje bližší zkoumání.⁷

Na první pohled by se mohlo zdát, že básníkově drama *Poutník*, uzavřené do jednoho dějství, které navíc vyplňuje monolog jediné postavy, jíž sekunduje nemá persóna, připomíná spíše podivný experiment, než seriózní pokus o dramatický text. Je však zřejmé, že ačkoli tato hra po formální stránce nenaplnuje představu klasického dramatu v pěti dějstvích, je (ve smyslu rozvíjení dramatického konfliktu) vystavěna klasickým způsobem. Pečlivost, s jakou je dbáno na významovou výstavbu hry, a jí odpovídající zesilování dramatického napětí, navíc prozrazuje zralost autora i jeho díla a zbavuje veškerých pochybností o prvotně experimentálním charakteru jeho tvorby. Uvědomíme-li si, že básník v době vzniku této hry (r. 1910) je již dávno uznávanou osobností, která prostřednictvím předchozí práce v oblasti divadelní teorie, reprezentované například články *Nepotřebná pravda* (1902), *Hledání nové scény* (1906), *Divadlo budoucnosti* (1907) či *Realismus a konvence scény* (1908) získala dostatečné znalosti o tvorbě, konstrukci a potřebách dramatického textu ve vztahu k jeho budoucímu inscenování, musíme hledat důvod, kterým by se takovéto formální členění textu dalo vysvětlit.⁸ Klíčem k hledání odpovědi nám může být již samotný podtitul dramatu.

6 Брюсов, В. Я., *Путник. Психодрама в одном действии*. Русская мысль, 1911, № 1, с. 129–136. *Отдельный оттиск*: Москва, *Скорпион* 1911. Также в кн.: Б., *Ночи и дни*. Вторая книга рассказов и драматических сцен. 1908–1912. Москва, *Скорпион* 1913. Также в кн.: Брюсов, В. Я., *Полное собрание сочинений и переводов*, т. XV. – Театр 1904 – 1912, С. Петербург, Сирин 1914.

7 Хайченко, Г. А. – Холодов, Е. Г., *История русского драматического театра в семи томах*. Том 7 (1898–1917). Москва, Искусство 1987, 75.

8 Брюсов, В. Я., *Вехи. II. Искания новой сцены*. (Подпись – Аврелий.). Весы, 1905, № 12 – 1906, № 1, с. 72–75.

Брюсов, В. Я., *Ненужная правда*. (По поводу Московского художественного театра.) Мир искусства, 1902, № 4, с. 67–74.

Брюсов, В. Я., *Реализм и условность на сцене*. (Наброски и отрывки.). В кн.: Театр. Книга о новом театре. *Сборник статей*. С. Петербург, Шиповник 1908, 243 – 260.

Není totiž náhodou, že se hra pokouší sjednotit prvky vědy, reprezentované v tomto případě soudobou psychologíí Z. Freuda a prvky umělecké syntézy. Nutnost vzájemné provázanosti symbolistní tvorby, filozofie a vědy jako jednotného celku totiž Brjusov definoval již ve své teoretické práci *Divadlo budoucnosti* (1907)⁹ a *Poutníka* proto v tomto smyslu můžeme považovat za aplikaci jeho myšlenek do praxe. Za zmínku ve vztahu k divadlu zde stojí také básníkova práce překladatelská, zahrnující několik velmi kvalitních překladů z dramatické literatury, mezi kterými vévodí přebásnění Fausta.¹⁰

Брюсов, В. Я., *Театр будущего*. (Лекция, читанная автором в Москве 26 марта 1907 в Историческом музее.), *Новь* (28 марта), 1907, № 72, с. 5.

9 ...*Ideálem proto zůstává, aby umění, věda a filozofie tvořily celek, neboť každá i jen nepatrná změna v jedné z těchto oblastí se vždy musí projevit i v ostatních částech tohoto celku. Představíme-li si například, že chemie vytvořila nový objev, kterým se mění náš dosavadní pohled na stavbu hmoty, pak tento objev přece musí mít vliv na naši abstraktní představu hmoty obecně, a prostřednictvím toho také na naše filozofické představy a pojmání světa. Jak by ale bylo možné změnit naši vlastní představu o světě beze změny umělecké tvorby, která je odrazem tohoto světa? Jak by mohl skutečný život umělce existovat bez stálého ovlivňování? Jak by divadlo budoucnosti mohlo existovat bez této vzájemnosti?*" (Úryvek z manifestu *Divadlo budoucnosti*.)

10 Верхарн, Э., *Елена Спартанская*. Трагедия в 4-х действиях. (В переводе В. Брюсова), *Весы*, 1908, № 8, с. 39–46; № 9, с. 20–29; № 10, с. 24–37; № 11, с. 32–44; № 12, с. 23–35. Отдельный оттиск: Москва, Скорпион 1909.

Гете, И. В., Из второй части *Фауста*. Акт 1-й, сцены 2 и 4. (В переводе В. Брюсова), *Литературная газета*, 1923, № 14, 23 марта, с. 2.

Гете, И. В., *Фауст*. (В переводе В. Брюсова.) Москва 1928.

Гете, И. В., *Фауст*. 5 акт, 2 часть. (В переводе В. Брюсова.) Литературное наследство, т. 4–6. Москва 1932.

Габриел Д'Аннунцио, *Франческа да Римини*. Трагедия в 5 действиях. (Пер. с итальянского размерами подлинника В. Брюсова и Вяч. Ивановна.), С.-Петербург, Папгеон 1908. *Собрание сочинений Габриеля Д'Аннунцио*, Т. IX, С. Петербург, Шиповник 1908. Изд. 2-е., Москва, Польза 1914.

Метерлинк, М., *Пеллеас и Мелизанда*. (Пьеса в 5 действиях. В переводе с фран. В. Брюсова.) Москва, Скорпион 1907. Брюсов, В. Я., *Полное собрание сочинений и переводов*. Т. XV, 1904–1912, С.-Петербург, Сирин 1914. Постановка: *Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской*.

Мольер, Ж., *Амфитрион*. Драма в трех актах. В кн.: *Полное собрание сочинений*. Т. II., *Издательство «Сирин»*, С.-Петербург, Брокгауз–Ефрон 1913. *Полное собрание сочинений и переводов*, т. XV., 1904–1912, С. Петербург, Сирин 1914.

Расин, Ж., *Федра*. Драма в 5 актах. (В переводе В. Брюсова), Москва – Ленинград, Искусство 1940.

Základní konstrukce příběhu *Poutníka*, vystavěná na klasické protikladnosti mužského a ženského symbolu, je ozvláštněna jistou atypičností. Namísto tradičních statických symbolů a jejich počáteční rovnováhy, sloužící jako východisko pro rozvíjení symbolistního děje, přichází básníkův text s něčím novým. Prvotní vyváženost symboliky hlavních postav je zde narušena. Role ženy, porušující předpokládanou symbolickou rovnováhu ve vztahu k muži, předznamenává nesymbolistní pojetí východiska budoucího konfliktu. Hlavní hrdinka, jejíž dominantní postavení je predestinováno, spolu s touto dominancí, získává i dominanci slova na scéně. Muži (Poutník) je naopak dar řeči zcela upřen.

Žena (Julie) však s atributy muže nakládá typicky ženským způsobem. Její skutečná existence, uzavřená v domě (nevědomí), k ní může proniknout spolu s atributy ženství až prostřednictvím mužského hrdiny, vstupujícího do domu. Teprve tehdy se dívka zbavuje počáteční role vypravěče, komentujícího mužskou skutečnost. Symbolika vyprávění, postihující již proběhlé děje, udržuje hrdinu v prvotní antisymbolistní situaci, a stejně tak do ní navrácí i každý nový pokus Poutníka o překonání tohoto výchozího momentu. Vypravěč (mužský atribut slova) zde tak stojí v protikladu k popisu minulosti (ženský atribut pasivity). Přítomný čas i přítomný děj propuká až se změnou prostředí, která pro jednoho z hrdinů znamená zrození, zatím co pro druhého smrt. Poutník – odsouzený k nemotě, se tedy vytrácí z děje vlastně již vkročením do dveří Juliina domu. Faktická smrt ho však čeká až později. Zbytky jeho existence jsou totiž transformovány do snu, kterým se v příběhu minulost a nalezená přítomnost pojí s budoucností Juliiných nadějí. Sen – jako popis skutečnosti – však dívku opět vrhá do typicky mužské role vypravěče. Spojení počátku a konce v celistvosti původního bezčasu, jako jeden z hlavních symbolistních motivů, opravňuje autora k ukončení děje. Dívka poznává irealitu snu spolu s identifikací smrti Poutníka a znovuzrozením svého ženství. Účel očištění od prvotní existence je zcela v duchu moderní psychologie naplněn v ženě.

Formálně hru tvoří něco přes 250 veršů, monologů, pomlk a záměrných zastavení v řeči. Proti sobě zde stojí dvě postavy příběhu, z nichž jedné je

Роллан, Р., *Лиллюи*. Сатирическая драма в 1 действии. (В переводе В. Брюсова.) Москва, ГИЗ 1922.

Уайльд, О., *Герцогиня Падуанская*. Драма в 5 действиях. (В переводе В. Брюсова.) Москва, Польза 1911. *Полное собрание сочинений*. Т. IV. Под ред. К. Чуковского. С.-Петербург, А. Ф. Маркс 1912.

dovoleno promlouvat, zatím co druhá smí jen mlčet. Pětistopý jamb, obohačený o počáteční pyrrichios, odkazující k antické inspiraci a spojení se soudobým vyjádřením, tvoří základní metrický útvar hry. Jazyková stránka textu je podrobně zpracována také v jednom z tehdejších periodik.¹¹

Протесилай умерший. Трагедия в пяти сценах, с хором (1911 – 12)

Hra byla poprvé otištěna časopisecky v roce 1913 a později publikována společně s texty *Země* (1904) a *Poutníka* (1910) i několika dalšími překlady z dramatické literatury, v jednom ze svazků básníkůvých sebraných spisů, vydaných v roce 1914.¹²

Drama *Protesiláos zemřelý*, vzniklé na podkladě mytologické látky, formálně kopíruje antickou představu dramatu, vystavěnou podle vzoru Aristotelovy Poetiky. Vedle klasické struktury pěti dějství, z nichž každému přináší jedna fáze děje od počáteční expozice po závěrečnou katarzi, dodržuje autor i antickou představu členění textu střídajících se pasáží herců a chóru. Rozdělení jednotlivých postav mezi tři herce, z nichž protagonistou, tedy hercem hrajícím jedinou postavu, se stává Laodameia, navíc vkládá do hry i onen princip dialogu, jehož účastníky se mohou stát dle známého kompozičního principu pouze určité postavy děje. Znalost antické podoby inscenování dramatu, odkazující k Brjusovově erudici v této oblasti, pak dokládá pečlivost, s jakou je tato hra vystavěna. Jediným prohřeškem proti antické nápodobě se stává scénická poznámka, která hned na několika místech doplňuje děj. Důslednost nápodoby mezi antickým a symbolistním světem však není pouze formální. Právě naopak. Brjusovova představa historické continuity, vycházející z mýtického prázkladu symbolu, jako prvotního momentu utváření smyslu, zde za svůj vnějškovostí ukrývá mnohem více. Pokud uplatnit mytologické téma v odpovídající formě, jehož obsah, ve spojitosti s důsledným akcentováním symbolického zmnožení významu, napomáhá zpřítomnit současnost

11 Чудовский, В., *Путник В. Брюсова*, Аполлон 1911, № 2, с. 62–68.

12 Брюсов, В. Я., *Протесилай умерший*. Трагедия в пяти сценах, с хором. Русская мысль, 1913, № 9, с. 1–31. Брюсов, В. Я., *Полное собрание сочинений и переводов*, т. XV. – Театр 1904–1912, С. Петербург, Сирин 1914.

v mytickém obraze světa a propojit tak minulost s budoucností, má za cíl také konkretizovat symbolistní vizi nedělitelnosti příčiny a následku. Text, jehož základním tématem se stává osamělý boj člověka proti osudné následnosti, vytváří z počáteční vzpoury, konkretizované konfliktem božského s lidským, následek, jemuž není třeba příčiny. V analogii s antickým dramatem zde autor staví své hrdiny do pozice, která sice prezentuje ono rozhodnutí – vzepít se – jako rozhodnutí vycházející z vlastní nena-
plněné touhy, avšak zároveň ovlivněné prostředím, jež stejně jako osud sám určuje následné vztahy a jako prvotní hybatel veškerého pohybu iniciuje i počátek jejich utváření. Rozdílnost mezi příčinou porušení řádu a následným navrácením se zpět k jeho pravidlům je popřena a nahrazena symbolickou proměnností významu, vyplývající z prostředí, v němž se daný symbol vyskytuje. Role prostředí jako zdroje pro utváření smyslu symbolu v daném okamžiku, evokující antickou představu božského zákona, je povýšena na morální kodex, určující chování člověka v něm. Přechod od neměnnosti ke změně, jež se stává její nedílnou součástí, je zde zpodobován jako nutnost, provázející člověka po celou historii. Přítomná možnost změny však i přes své zvědomění odkazuje opět pouze k prostředí, které je schopno tuto proměnu iniciovat.

Prvotním činitelem děje i zde zůstává prostředí, determinující všechny budoucí vztahy. Hlavní hrdinové příběhu jsou hned na samém počátku symbolicky rozděleni, a z jejich původní celistvosti vzniká ona dramaticky nosná touha po opětném splnutí. Rozdělení páru ve dvě samostatné části však není rozdělením rovnocenným. Dívka (protágorás) získává oproti muži symbolickou převahu v jednání i v dialogu, a muž naopak ztrácí své výsadní postavení ve struktuře dramatu. Vzájemná nevyváženost obou hlavních hrdinů je podporována i faktickou smrtí jednoho z nich (Protesiláos). Náhrada mužského elementu, propůjčující ději zdání vyváženosti, spočívá v zmnožení protivníků, stojících v opozici k ženské postavě. Antické členění textu, zohledňující prvního herce na úkor ostatních dvou, jimž přináleží party několika postav zároveň, zde tak zastupuje nejen formální, ale i obsahovou zákonitost utváření dramatického konfliktu.¹³ Chór pak zcela ve shodě s pravidly klasického dramatu zůstává mimo dosah samotného konfliktu, a spíše vytváří komentář k ději, což v případě symbolistního chápání znamená orientaci na prostředí.

¹³ Protágorás – Laodameia; deuteágorás – stín zemřelého Protesilás, Timandr a Posel; tritágorás – Franson, Čarodějnice, Hermés.

Zdůraznění archaičnosti prostředí, jehož smyslem je zobrazovat minulost, v níž se odehrává přítomný děj, připomíná propojení jednotlivých historických období vývoje se současností. Symbolistní idea bezčasí, vyjádřená sepětím prostředí a děje, ve snaze napodobit aristotelské jednoty přebírá i poslední princip. K jednotě místa a děje je tak přidružena také jednota času. Příběh, odehrávající se v rozmezí jednoho jediného dne, ukončuje nové svítání.

Vrátíme-li se však k samotným postavám, pak je třeba říci, že jejich obecná charakteristika je zjevována zejména prostřednictvím slova. Důvodem ztráty výpovědní hodnoty jednání je opět se projevující touha po vyváženosti děje. Vlastní princip aktivity, která determinuje postavu, přisuzuje totiž autor Protesiláově rozhodnutí obětovat se pro blaho země. Smysl pro odpovědnost, úcta a podrobení člověka předurčenému osudu jako projev aktivity mužského symbolu, nutí Laodameiu využít ke svému vyjádření právě slovo, vytvářející protipól zmíněné scénické akci. Rozhodnuto je však i o dívčině charakteristice, neboť ta zpětně závisí na počáteční mužské symbolice, jež ovlivňuje vše následující. Síla činu, stojícího v záhlaví příběhu, propůjčuje ději prvotní impuls dynamičnosti, který kompozičně vyvažuje dialog. Jednání postav je omezeno na minimum a uzavřeno do scénických poznámek. Symbolika osudovosti, předurčené každému člověku a priori jako zcela neměnný elementární princip, přenáší hlavní hrdinku z reality statického světa do symbolistní proměnnosti. Mužská jednoznačnost zde stojí v opozici k potřebě změny. Odpor proti podřízenosti, jímž hlavní hrdinka reaguje na výzvu bohů, převádí její vlastní slova do obecné roviny. Původní konkrétní příběh, stavějící na antickém mýtu, nahrazuje filozofické zobecnění. Žena, ukřívající v sobě tajemství života, seznámena s jeho obsahem, ztrácí právo další existence. Muž však toto právo znovu a znovu získává. Vzájemnost sepětí osudu, jehož smyslem zůstává opakující se míjení, které je ve skutečnosti v okamžiku splnutí zapomenuto, naplňuje odevzdanost muže i revoltu ženy stejným smyslem. Nevyhnutelnost pokračování, opětovně zpřítomňující zapomenutý cíl, je nevyhnutelností osudu, rozdělujícího původní celistvost obrazu člověka do dvou střídajících se částí.

Hra obsahuje 1047 označených veršů, doplněných několika scénickými poznámkami a úvodním popisem prostředí. Nápodoba antické struktury má za následek i střídání dvojího typu verše, z nichž jeden (daktylský pentametr, střídající se s hexametrem) přináší jednajícím postavám, a druhý (jambický trimetr) chóru. Aristotelskému principu odpovídá i označení jednotlivých hrdinů příběhu. Vedle antických bohů a my-

tologických postav vystupuje v ději i Posel, přinášející zprávy z prostředí, stojícího mimo samotný děj, a chór, vedený svojí náčelníci. Klasická struktura výstavby je zachována. Střídání epeisodií a stasim zakončuje zcela v antickém tragickém duchu exodos.

Bohatost výrazů, sloužících k evokování prostředí, má za cíl nejen podpořit možnou inscenační obrazotvornost příběhu, ale zároveň zastínit statickosti slova. Oproti ostatním symbolistním textům však v případě *Protesiláa* nenahrazuje dialog zdlouhavá monologičnost replik, která by porušovala jeho antickou nápodobu. Text je přizpůsoben komunikaci, stojící sice v protikladu k scénické akci, odehrávající se mimo samotné prostředí děje (Trójská válka), avšak svým kompozičně vyváženým střídáním promluv jednotlivých aktérů odpovídá novodobým požadavkům divadla.

Zjevným protipólem jednoduchosti struktury se stává přesycenost textu odkazy ke stále novým antickým bohům, ovlivňujícím jednání postav. Místy až překombinované vztahy mezi těmito božstvy a dějem příběhu vyjadřují symbolistní potřebu zmnožení významu jednotlivých symbolů a zároveň opětovně zpřítomňují v ději ideu vzájemné propojenosti minulosti mýtu se současným světem. Oproti tomu sama podstata slovního vyjádření, zobrazující vztahy mezi jednotlivými symboly, zůstává ve své jednoduchosti účinnou a vysoce působící na recipienta příběhu, ať už se jedná o čtenáře či potenciálního diváka. Vzájemnost propojení symboliky s jejím obecným pojmenováním, která je v příběhu vyjádřena jak samotným symbolem, tak jeho popisem, umožňujícím identifikaci předkládaného smyslu, dodává symbolistní představě reálnější podobu. Celková vyváženost mezi dodržáním symbolistní ideje a připraveností textu k jeho scénické realizaci vytváří z tohoto dramatu prototyp symbolistní hry, která je díky své formální i obsahové dokonalosti schopna konkurovat ostatním dramatickým útvarům.

* * *

Λαοδαμια – Láodameia – žena Prótesiláa, vůdce bojovníků z Fylaky proti Tróji. Manžela záhy ztratila. Prótesiláos byl první, kdo vstoupil na trójský břeh, a proto i první zahynul, jak hlásala věštba.

Προτεσίλαϊ – Prótesiláos – syn Ífíklův, vedl fylacké bojovníky před Trójou. První zahynul, neboť věštba stanovila, že zemře ten, kdo první vkročí na břeh před Trójou.

Αρεc – Arés – v bájesloví syn Diův a Héřin – bůh lítého boje.

...дом Акаста – Akastos – syn Pélia, krále z Iólku, otec Láodameie.

торговцу финикийскому – Foiníčané – semitský kmen, sídlící na úzkém pobřeží Libanonu. Pro nedostatek jiné obživy se věnovali obchodu a stali se prvním plaveckým národem světa.

И Ате спорит дерзостно с Немесидой – Áté – dcera vládce bohů Dia, bohyně vášně, zaslepenosti a zkázy. Lidstvu přináší jen neštěstí a bědy. *Nemesis* – bohyně spravedlivé odplaty, stíhající každé bezpráví.

Аргос – Argos – prastaré, velmi slavné město, v němž jsou zachovány zbytky hradu z doby mykénské.

Агамемнон – Agamemnón – podle Homéra syn mykénského krále Átreia, stal se nejmočnějším řeckým králem.

Бакх-Заргей – Dionýsos – Zargeus, pův. asi thrácký bůh úrody a plodnosti, později uctíváný jako bůh vína a nespoutaného veselí, syn Dia a Semely.

Семеле – Semelé – neobyčejně krásná dívka, dcera thébského krále Kadma.

Клитемнестра – Klytaimnéstra – manželka a vražedkyně krále Agamemnona, matka Oresteia a Élektry.

Калхас – Kalchás – slavný řecký věštec, dotazovaný ve zvláště závažných chvílích, když např. prorokoval řeckému vojsku před trójskou výpravou, že bude devět let obléhat Tróju a teprve desátý rok město dobude.

Младой Тесеѳ – Théseus – syn athénského krále Aigea, po Héraklovi nejstatečnější řecký rek.

Тиндаридинка – dcera Tyndarea.

...нет путей из Тартара – Tartaros – místo nejtěžších trestů v podsvětí.

Гекате – Hekaté – dcera Persa a Asterie, určovala běh života, stanovila osud, ochraňovala děti a rodiny. Později se v podsvětí stala vládkyní přízraků.

Копьеносного Приама – Priamos – poslední král trójský, který byl se svou sestrou Hésionou zajat při dobytí a zpusťování Tróje, ostatní sourozenci zahynuli. Hésioné pak Priama vykoupila ze zajetí a Priamos se stal trójským králem, když vítězové odtáhli z dobytého města.

Антенора глас – Anténor – trójský šlechtic, který chtěl vydat Helenu Meneláovi, aby se zabránilo válce.

...волей Моир – Moira – bohyně životního údělu, osud.

Эфиона черного – Ethiopa – tj. černocho.

...оку Феба – Foibos – tzn. zářící, příjmení Apollóna.

...в Фессалии – Thessáliá – kraj v severovýchodním Řecku, tvořící úrodnou rovinu obklopenou horami. Odtud, ze severu, se šířily řecké kmeny stěhováním k jihu.

...холодной Скифии – Skythiá – rozsáhlé území ve starověku, nepřesně ohraničené v jihovýchodní Evropě, jádro oblasti kolem Kaspického a Černého moře včetně Krymu.

Эос (розовперстная) – Eos růžovoprstá – bohyně jitra a začínajícího dne.

...недоступный Ад – Hádés – vládce říše podsvětí – *Hádova říše mrtvých*.

...бог – Морфей – Morfeus – bůh snů, zjevující se v lidské podobě, syn Нурна, boha spánku.

...поле асфodelей – asfodel – kopíčko – zahradní liliovitá rostlina. Ve starověku byla považována za smuteční a hřbitovní rostlinu. Přisuzovali jí, snad pro její léčivou vlastnost, magickou moc, kterou měla ochraňovat nebožtíky před čarami. Byla zasvěcena podzemním bohům, zvláště Perse-

foně, a věřilo se, že duše zemřelých přebývají v podsvětí na asfodelových loukách.

...берега Стигийские – Styx – hrůzná řeka obtékající celou říši mrtvých, nepřekročitelná hranice podsvětí.

...с Ганимедом – Ganymédés - trójský princ, syn krále Tróa. Svou krásou okouzлил samého Dia, který se proměnil v orla a unesl ho na Olymp. Tam se stal Diovým číšníkem.

Хронос – Chronos – Čas, bůh Času.

Гермес – Hermés – syn Dia, stal se poslem bohů, přináší lidem blahobyť, byl bohem hlasatelů, dárce řečnického umění, obchodu, ale i lsti, podvodu a zlodějí. Ochraňoval cesty a pocestné a provázel též duše zemřelých do podsvětí.

Харон – Cháron – převozník duší zemřelých, jež mu přiváděl bůh Hermés.

Персефоне – dcera vládce bohů Dia a bohyně Démétrý, kterou unesl bůh Hádés do podsvětí.

Земля. Трагедия из будущих времен в пяти действиях и девяти картинах (1904 – 05)

Hra byla poprvé uveřejněna v manifestačním sborníku *Severní květy* v roce 1905. Později se stala také součástí souborného vydání autora.¹⁴

I přesto, že básníkovy drama *Země* bývá často považováno za čistě literární útvar bez divadelních ambicí, můžeme směle konstatovat, že po-

¹⁴ Брюсов, В. Я., *Земля. Трагедия из будущих времен в пяти действиях и девяти картинах. В кн. Северные цветы Ассирийские, Альманах кн-ва «Скорпион»*. Москва, 1905, 149–196. Брюсов, В. Я., *Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901–1906)*. Москва, Скорпион 1907. Брюсов, В. Я., *Полное собрание сочинений и переводов*. Т. XV. – Театр 1904 – 1912, С. Петербург, Сирин, 1914.

žadavky scény, kladené na symbolistní text, splňuje více než dokonale. Vedle kompozičně vyvážené struktury klasického schématu pěti dějství, již na první pohled zaujme i jedinečnost vnitřního členění jednotlivých obrazů, které ve snaze vytvářet menší samostatné poetické celky ve vzájemné souvislosti daleko intenzivněji působí na představivost recipientů příběhu. Miniaturní výstupy, proložené vzletnou básnickou řečí, navíc doplňuje filozoficky pojatá polemika, zobrazující motivy touhy člověka po svobodě, návratu k přírodě a prapůvodnímu základu světa, jejíž výsledné rezultáty postupně zakončují každé jednání hry.

Převládající dekadentní představa o nesmyslnosti lidského života, která tvoří východisko děje, nachází svůj předobraz v protikladnosti dobové situace, v níž se mísí pesimistická filozofie s předtuchou nastupující změny. Inspirace v soudobém společenském kontextu navíc námětově odlišuje toto dílo od ostatních symbolistních pokusů starší generace. Zajímavá je i souvislost tématického zaměření, spojující apokalyptickou vizi celkového konce lidstva s blížící se proměnou buržoazní civilizace. Na rozdíl od dekadence však veškeré náznaky spojitosti se společenským kontextem zůstávají skryty v nejednoznačnosti symbolistního oparu, propůjčující dílu povahu proměnosti, jež aktualizuje jednotlivé smysly v závislosti na konkrétní situaci doby.

Z hlediska dramatické výstavby napětí představují jednotlivé postavy děje samostatně stojící názorově roztržité individuality. Vzájemná konfrontace jejich směřování však naproti tomu připomíná spíše symbolistní boj dvojice, zastoupené v mnoha jiných textech protikladností vztahu mužského a ženského symbolu, usilujícího o vzájemné splynutí v nekonečnosti okamžiku. Této představě odpovídá i autorovo členění jednajících osob příběhu, tak jak je uveřejněno v záhlaví hry. Prvotnost mužských aktérů, vystřídaná výčtem ženských hrdinek, doplňuje soupis několika bezejmenných spoluhráčů.

Za další odchytku můžeme považovat netypickou roli hlavního hrdiny, kterým se stává muž. Žena, personifikovaná do prostředí nedostupnosti (Země), tentokrát přebírá úlohu pasivního pozorovatele, porušenou jen v několika málo případech. Abstraktní podobu jejího symbolu podporují též obecné principy, zosobněné v postavách vládkyně řádu Osvoboditelů (Smrt) či Duchu poslední čarodějnice (dívka s mečem v ruce), kterým vévodí v ději nepřítomná Krása. Mužský svět reprezentuje skupina mladíků, obklopující Mudrce (rozum), řád Osvoboditelů, vedený jeho zakladatelem (víra) a konečně i samostatně stojící člověk, toužící po plnohodnotném životě (cit). Nejednotnost této trojice, z níž první ustupuje ve svém přesvědčení přání většiny, druhý ze stejného důvodu ztrácí moc

i sílu, potřebnou k prosazování vyšších principů, a třetí bezohledně využívá davu, ústí v mnohokrát prorokovanou zkázu. Po krátkém okamžiku euforie, slibujícím nekonečnost nově zrozeného života, tak přichází zánik, jež je trestem za porušení jednoty.

Na rozdíl od klasické struktury rychle se střídajících replik, vychází i zde autor z koncepce jazyka jako literárního výrazu (pro symbolisty typické), jenž nemá být zbavován poetických kvalit na úkor ostatních prostředků scény. Z toho důvodu také drama na mnoha místech opomíjí akci a dialog proměňuje v prozaické vyprávění, jehož filozofická hodnota však do značné míry vyvažuje statičnost děje. Dynamiku naproti tomu podporuje i samotné členění textu, který s monologickou polemikou počítá jako s nedílnou součástí vzrůstajícího napětí, důmyslně zakomponovanou mezi dějově bohatší obrazy. Namísto přímé spojitosti s dějovou linií (současnost) tak k nejednoznačnému prostředí přibývá i bezčasí, umožňující rozšířit hranice posloupnosti o nový prostor, ve kterém smí zvítězit slovo. Jinak zdlouhavé filozofické promluvy se tak mění v mikropříběhy, jejichž gradace koresponduje jak s předchozím vystupňováním konfliktu, tak s následným zklidněním. Zcela specifickou se zdá být i problematika výpovědní hodnoty symbolů, ztrácejících své výsadní postavení v obsahovém vyjádření spojitosti příběhu s abstraktní mnohostí významů. Básník se pokouší tuto ztrátu nahradit prostřednictvím atributů, povýšených v každém jednotlivém okamžiku do role zvěstovatelů budoucího, které však zůstávají v dialogu skryty a omezují se pouze na scénickou poznámku, zohledňující divadelní obraznost. Futurologická vize prostředí pod zemským povrchem, v němž dominují stroje, pochopitelně ovlivňuje i samotnou řeč postav. Vedle atraktivity tématu je hlavním zdrojem místy neobvyklého charakteru promluv též představa slova vyjádřeného ve formě proctví, pronášeného k lidem, stojícím na prahu možné katastrofy, v němž se odráží analogie s dobovou situací, doprovázenou obavami z budoucího vývoje. Básníková snaha reagovat na podněty, přicházející z reality vnější skutečnosti, se projevuje hned v několika narážkách, počínaje kritikou F. Nietzscheho a konče polemickým uplatněním symboliky slunce, inspirovaným jen o rok dříve vydaným dílem K. Balmonta.¹⁵

Za zmínku stojí i autorova snaha doplnit drama o jisté režijní náznaky. Za všechny jmenujme alespoň odkazy k využití světelných efektů potemnění scény, či okamžitého zjasnění prostoru, podporující nejen navozenou

¹⁵ Бальмонт, К. Д., *Будем как Солнце*. Книга символов. Репринтное воспроизведение, Москва 1903 – Москва 1989.

atmosféru okamžiku, ale především omezenost inscenační praxe, jež zároveň prozrazují ochotu Brjusova přizpůsobit se scénickým limitům případného realizování hry.

* * *

«сверхчеловек, о котором мечтали наши предки, не пришел» – kritika Nietzscheho učení o nadčlověku.

Диктатор Трагедия в пяти действиях и семи сценах из будущих времен (1921)

Hra *Diktátor* byla poprvé otištěna až v osmdesátých letech s doslovem S. Gindina¹⁶ a spolu s *Pythagorovci* a fragmentem *Světa sedmého pokolení* tvoří trojici dramát, která v Brjusovově tvorbě spadají do období po roce 1917.

Fascinace budoucností a vědecko-fantastickými obrazy však nepřichází v básníkově díle až spolu s těmito hrami. Právě naopak. Již v prvním autorově sborníku nacházíme několik básní věnovaných této tématice,¹⁷ která se později objevuje také v prózách *Hora hvězdy* (1895 – 1899) *Vzpoua strojů* (1908) a konečně i ve vrcholném dramatu *Země* z roku 1905. Z hlediska historické perspektivy dnes pak v této souvislosti můžeme Brjusova zařadit mezi zakladatele ruské vědecko-fantastické literatury.

V *Diktátorovi* se tato fantastičnost stává navíc mocným a zároveň efektivním nástrojem zkoumání základních problémů lidského bytí, a to zejména ve chvíli, kdy porevoluční estetika prakticky znemožňovala jakýkoli kritický pohled na svět moci a postupně sílící ideologie.

¹⁶ Брюсов, В. Я., *Диктатор*. Трагедия в пяти действиях и семи сценах из будущих времен. (Публикация и комментарий С. Гиндина). Современная драматургия 1984, 176–201.

Машинопись этой пьесы находится в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР в Ленинграде (Ф. 444, ед. 17).

¹⁷ Стихотворения *С кометы*, *В будущем*.

Hra byla dokončena již v roce 1921 a ještě v tomtéž roce (2. 12. 1921) ji sám autor přečetl na veřejném čtení v Moskvě.¹⁸

Мир семи поколений. Драма. Действие первое и второе (1923)

Hra *Svět sedmi pokolení* představuje fragment dramatického textu autora, který byl poprvé otištěn až v sedmdesátých letech díky přispění bývalé Státní knihovny SSSR s doslovem S. Gindina – jako jeden z významných dokumentů, nalezených v autorově pozůstalosti.¹⁹ Ačkoli se z pěti původně zamýšlených jednání dochovaly jen dvě, z nichž druhé obsahuje pouze tři obrazy, můžeme s jistotou říci, že podobnost tématu i zpracování jasně ukazuje na souvislost tohoto díla s texty *Země* a *Diktátora*, pocházejícími z let 1905 a 1921.

Ve skutečnosti představuje tento pokus jednu z dochovaných verzí vědecko-fantastických námětů, které Brjusov rozpracoval hned v několika svých dílech. Zajímavé je v tomto smyslu především stále se opakující hledání autora, který se znovu a znovu vrací k tématům již jednou zpracovaným a pokouší se doplnit svá hledání o nové prvky. Samotný zlomek má v kontextu ostatních zde uveřejněných dramát pochopitelně pouze dokumentační charakter, který však může čtenářům přiblížit způsob, jakým autor své obrazy vytváří, a zároveň také podat svědectví o jeho schopnosti variovat zvolené téma, o čemž více vypovídá srovnání jednotlivých podob textu.

¹⁸ Трагедия была прочитана автором 2 декабря 1921 в Московском Доме печати.

¹⁹ Брюсов, В. Я., *Мир семи поколений*. Драма. Действие первое и второе. (Публ. С. Гиндина), Звезда, 1973, № 12, с. 205–221.

Пифагорейцы. Драматический этюд (1920)

Hra byla poprvé otištěna jako součást sbírky veršů *Okamžik*, vydané v roce 1921.²⁰ Ve skutečnosti však tento kratičkový dialog patří k těm experimentům autora, které ani on sám nepovažuje za součást své dramatické tvorby, o čemž svědčí i to, že se tento pokus ocitá v zajetí básnické sbírky, kterou vlastně do jisté míry (avšak bez jakýchkoli skrytých paralel s ostatním textem) ozvlášťňuje. Fragmentární struktura dialogu navíc znemožňuje také jakékoli úvahy o jeho možném inscenování.

Již z názvu *Пифагорейцы*, označovaných samotným Brjusovem za pouhou studii, která nepředstavuje nic víc, než jen nepatrný náznak jednotlivých fází dramatu bez dalšího rozvedení, vyplývá, že děj je stejně jako v případě *Protesiláa* umístěn do minulosti. Středobodem příběhu se stává postava mudrce, pokoušejícího se rozluštit starý posvátný svitek, pocházející pravděpodobně z bájně Atlantidy. Básník se zde poprvé dostává za hranice reality, která se ztrácí kdesi mimo dosah lidského vnímání. Namísto jasně definovaných paralel vyvstává celá řada otázek, na které není možné najít jednoznačnou odpověď. Symboly se stávají nesrozumitelné a k odhalení jejich tajemství je třeba najít klíč, jehož držitelem se může stát pouze zasvěcený. Dialog připomíná spíše hádanku či kryptogram, který sblížuje Brjusova s mlad-symbolistním světem nejen v jeho touze po společném zasvěcení vyvolených, ale i v příklonu k esoterice, stavící na samý počátek ono velké A, které odkrývá autorovi nový a přece dávno ztracený svět.

Na rozdíl od ostatních dramatických pokusů autora v textu zcela chybí polarita vztahu mužského a ženského principu. Symbolistní svět narušuje nerovnováha, vyjádřená jako ztráta schopnosti identifikovat symboly, přinášející poselství z dávné minulosti. Neznámé písmo zde zosobňuje všechna ukrytá tajemství světa, uvězněná za mnohoznačností vzdálených, ničemu nepodobných znaků. Spojení starce s magickým artefaktem symbolizuje spojení života s jeho smyslem, přinášejícím moc, zosobněnou neznámem, k němuž člověk získává onen pomyslný klíč, propůjčující vyvolenému pocit výjimečnosti, který je však (spolu s právem ovládat druhé) prisouzen pouze jedinému z lidí (nadčlověk). Dualita vztahu moci a bez-

²⁰ Брюсов, В. Я. , *Пифагорейцы*. Драматический этюд. (Подпись В. Бакулин.) Художественное слово. Временник литературного отдела Наркомпроса, Кн. 1, Москва, 1920. Брюсов, В. Я., *Миг*. Стихи 1920 – 21, Берлин – С.-Петербург, З. И. Грежбин 1922, 64–78.

moci tedy i v tomto případě odkazuje k přímým analogiím s filozofií F. Nietzscheho. Síla touhy vlastnit to, co ostatní okouzluje, proto nakonec přinutí mudrce podrobit se přání vládcy, přejícího si spisek získat, aby tak znovu potvrdil svoji pozici, ačkoli dosud nedošlo k odhalení obsahu poselství v něm ukrytého. Víru nahrazuje pesimismus, ústící v neodvratnou tragédii. Mudrc spolu se ztrátou možnosti hledání přestává věřit ve smysl sebe sama. Jediným vykoupením se mu stává smrt.

Prozření tedy není dosaženo, a na jeho místo vstupuje lidská slabost, jež ve spojení s pozemskými zákony vyjadřuje pouze nedokonalost a zmar. Následná ztráta smyslu života, obětovaného ve prospěch poznání, jemuž stojí v cestě protikladnost rozumu a citu, je potrestána smrtí, zakončující celý příběh. Základ symbolistní konstrukce tak i v tomto případě představuje umělecky nosné téma, jemuž nic nebrání v realizaci. Důvody, proč ani tentokrát Brjusov svůj záměr nerozpracoval do divadlem akceptovatelné formy vyjádření, však zůstávají skryty.

* * *

Давно ль вернулся из Афин? – Athény – hlavní město krajiny Attika s přístavem zvaným Peiraieus. Město bylo s krajem sjednoceno podle pověsti králem Théseem.

...особо о Солоне – Solón – athénský zákonodárce a státník, tvůrce athénské ústavy (r. 594 – 93 př. n. l.).

Пифагор – Pýthagorás (?580 – 500) – jeden ze zakladatelů řecké vědy, zvl. matematiky. O jeho autoritu se opírala škola, ve své podstatě náboženský spolek s přísnými pravidly, vycházejícími z Pýthagorových názorů. Tak řečení **Pýthagorovci**, věnující se matematice, věřili v to, že její počátky jsou počátky všech věcí, přičemž za základ svého učení zvolili čísla, jako elementární jednotky, umožňující popis světa. Jejich pokus o uplatnění vlivu na poli politickém (zdůraznění aristokratických tendencí) se však setkal s odporem a společenství bylo násilně rozehnáno.

...великий тавматург – (řec.) divotvůrce, pověrečné konání *zázraků*.

...найти в Эгипте, как бы либо, список Атлантов – podle esoterického výkladu mýtu o bájně Atlantidě byla vysoká kultura Atlantů plo-

dem jejich nesmírného magického vědění. Svého učení Atlanti postupem času však stále více zneužívali, což se konečně stalo příčinou zániku Atlantidy. Síly, které Atlanti sice magicky vyvolávali, jichž však už neužívali správným způsobem, se prý nakonec obrátily proti nim a přivodily jejich zkázu. Obyvatelé Atlantidy prý však rozšířili svůj politický a kulturní vliv i na určité oblasti na obou stranách Atlantického oceánu, na dnešní Střední Ameriku, Irsko, západní Británii, Baskicko a především na dnešní Egypt, kam se prý také uchýlili ti, kterým se podařilo katastrofu přežít, aby tam s pomocí svého magického vědění začali nový život.

...ведь это – наша алфа – alfa, počáteční písmeno řecké abecedy, symbolizující hlavně v esoterice počátek všech věcí.

...да будет милостив к нему суд Ада – Hádés – bůh podsvětí a vládce říše mrtvých, který pečlivě stráží svá práva a rozděljuje vše, hlavně tresty, všem stejně.

Дачные страсти. Пьеса в 1–м действии (1893)

Hra byla poprvé uveřejněna až po autorově smrti v roce 1939 v časopise *Zvezda* s doslovem V. Bocjanovského.²¹

Devatenáctiletý Brjusov text dokončil již v roce 1893 jako svoji prvotinu v oblasti dramatické literatury, avšak díky ostrážitosti carské cenzury bylo drama, odvolávající se k poetice *fin de siècle*, ještě v tomtéž roce zakázáno. I přes některé formální nedostatky představuje však tato hříčka cenný materiál, vydávající zajímavá svědectví o prvních literárních pokusech autora a jeho vztahu k utvářejícímu se modernistickému hnutí. Hra je navíc také plná autobiografických prvků, o čemž svědčí i sama hlavní postava (básník Findesjeklev), která ve skutečnosti představuje alter ego mladého básníka, promlouvající jeho vlastními verši nebo verši těch, které mladý Brjusov nejvíce obdivoval.²² Mnoho analogií s tímto dramatem nalezneme také v autorových pozdějších pracích, jež často využívají ně-

21 Брюсов, В. Я., *Дачные страсти*. Пьеса в 1–м действии. *Zvezda* 1939, № 10, с. 223–235.

22 Брюсов, В. Я., *Из моей жизни. Моя юность. Памяти*. Москва 1927, 57–76.

keré z postav zde představených jako prototypu k výstavbě stále nových, dokonalejších a propracovanějších lidských typů. Za všechny jmenujme alespoň postavu Nathalie, která se znovuzrodí v próze, nazvané *Poslední stránky z deníku jedné ženy* (rus. 1910), jež byla nedávno přeložena do češtiny.²³

* * *

Taisez-vous! (franc.) – Mlčte!

Новости дня – Aktuality

C'est charmant! (franc.) – To je okouzující!

Imaginez-vous (franc.) – představte si

...il faut... (franc.) – *to je potřeba...*

Байрону – Вугон *George Gordon* (1788 – 1824) – anglický spisovatel a dramatik.

Под угрозами ненастья... – citace Vrjusovovy básně, uveřejněné v jeho autobiografii («Дневник», с. 14)

Оставьте меня одного: Печаль моя... – citace básně *Одиночество* К. Фофанова (Фофанов, К., Стихотворения. СПб. 1889, с. 40).

Et votre pauvre père (franc.) – A váš ubohý otec

Monsieur (franc.) – pane

s'est fait (franc.) – stane se

²³ Vrjusov, V., *Poslední stránky z deníku jedné ženy*. Praha 1996.

Урок игроку. Комедия. (Разработка замысла Пушкина)

Komedie *Napravení hráče*²⁴ se vyznačuje hned několika výjimkami z pravidla. Na rozdíl od všech předchozích dramatických pokusů v ní autor opouští symbolistní problematiku, dramatický žánr i vlastní divadelní teorie, namísto kterých se ke slovu dostává jeho celoživotní zájem o dílo A. S. Puškina, o čemž svědčí i velké množství odborných statí a článků, věnovaných rozborům umělecké tvorby tohoto velikána ruské literatury, které Brjusov jako znalec Puškinova díla uveřejnil.²⁵ Seriózní snahy historika, podávajícího svědectví o nikdy nedokončené satíře, obohacené úsměvným závěrem z pera symbolisty, navazujícího na rozpracovaný text romantika, navíc dokladují i jinou stránku tvůrčí aktivity člověka, ovlivněného láskou k poezii zlatého věku, v Rusku stále živé.

Banální zápletka, zobrazující vytestání nenapravitelného hráče jeho přáteli, kteří v samém konci hry vrací postiženému všechny směnky i peníze, však nepřináší kromě publikace původního dramatického zlomku nic nového ani objevného. Za zmínku v této souvislosti snad stojí pouze předmluva, doplňující vlastní text, v níž Brjusov charakterizuje svůj osobní vztah k dílu zesnulého génia.²⁶

Více o povaze textu snad vypovídá jen úvodní stať M. A. Cjavlovského, kterou zde uvádíme jako nedílnou součást komentáře.

Text úvodní stati zde uveřejňujeme přesně tak, jak je uveden ve vydání almanachu Segodnja:

-
- 24 Брюсов, В. Я., *Урок игроку. Комедия. (Разработка замысла Пушкина. Вступ. заметка М. А. Цявловского.)* В кн.: *Сегодня. Альманах художественной литературы, критики и искусства.*, Кн. 2, Москва, Сегодня 1927, 111–125.
- 25 Detailní seznam článků, věnujících se dílu A. S. Puškina poskytuje reprezentativní bibliografie E. S. Danieljana. Srov. Даниелян, Э. С., *Библиография В. Я. Брюсова 1884 – 1973*, Ереван, Изд. Ереванского университета 1976, 493–494.
- 26 Samotnému textu dramatu předchází ještě krátká úvaha V. J. Brjusova, popisující souvislosti vzniku zlomku i pozdější vztahy romantika ke komedii jako žánru (viz předmluva autora, uveřejněná v záhlaví hry). Publikování této hříčky na puškinské téma se však básník již nedočkal. Hra doplněná autorovou předmluvou byla poprvé otiskána díky péči M. Cjavlovského až po jeho smrti.

В одной из черновых тетрадей Пушкина (л. 40-41, об. № 2356), ныне хранящихся в Публичной Библиотеке имени Ленина (б. Румянцевский Музей, имеется программа задуманной поэтом комедии. Персонажи комедии здесь названы фамилиями артистов. Вот что написано Пушкиним*:

* в прямых скобках – дополнения текста Пушкина. В круглых – зачеркнутое Пушкиным. Текст дается по акад. Изд. Сочинений Пушкина, т. III, 1912, стр. 73 – 74 примечаний.

Вальберхова вдова – Сосницкой ее брат – Бранской любовник Вальберговой. Рамазанов, Баченков, – С.[осницкой] дает завтрак – Брянской принимает гостей. Рамазанов узнает Брянского – изъяснения. Пополам – начинается игра –С.[осницкой] все проигрывает – гнет Величкина на карту – отчаяние его.

В.[альберховна:] играл? – играл – (играл). С.[осницкой] и В.[альберховы] (с бала, а тут) долго ли тебе быть – (не) быть бог знает где. Добро либералы, да ты-то что – (вот). Зачем не в свете – да все молодежь – вы все бранчивы – скучно то ли дело ночь играть – (ты) скоро ли отстанешь – никогда сестрица, милая, уезжай, у меня будет завтрак – игра? Нет. – Прощай.

С.[осницкой] и (В)[еличкин]

С.[осницкой] карты – Величкин – проиграетесь – С.[осницкой] полно врать – (не) я поспею – В.[еличкин] и Бр.[янской] и Вальб[ерхова]. – Бр.[янской] и Рамазанов узнают, уговариваются.

Вал.[ьберхова] – что за шум. Величкин – играют. Поди за Бр.[янским] – Ва.[льберхова] и Бр.[янской] (и пополам) так же – Бр.[янский] и Вальб.[ерхова] я пополам – ему урок – он проигрывает – С.[осницкой] в отчаянии Бр.[янской] – Вел.[ичкин] уговаривает тот его ставит на карту – проигрывает – Вел.[ичкин] плачет – С.[осницкой] также. Бр.[янской] и Рам.[азанов] Конец. –

Бр. [янской] Рам.[азанов] С.[осницкой] все здесь, а мне ничего не сказали. – Мочи нет, устал, проигрался. Пора в театр, наш друг дает последний завтрак, он застрелится. Я шел к тебе, сестра. Покорно благодарю, в одном доме мы неделю не видались, что ты делал – занят был – сегодня я дома; приезжай, пожалуйста, тебе надо быть у тетки –

я даю завтрак – (вечно) (играть – нет) (за чем же) бог знает, какое общество, зачем тебя нет в свете и проч. (После этой сцены идет черновой набросок начала комедии «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?», у Брюсова – первая половина 2-ой сцены.)

Výběrová bibliografie

- Althaus-Schonbucher, Silvia, K. D. *Bal'mont. Parallelen zu Anfang A. A. Fet. Symbolismus und Impressionismus*. Bern, Frankfurt 1975.
- Andrejeva-Bal'mont, Jekaterina Aleksejevna, *Vospominanija*. Moskva, Izd. Sa- bašnikovych 1996.
- Ašukin, N. S., *Valerij Brjusov i teatr*. (Bibliografičeskaja spravka k 50-letiju so dnja roždenija). *Chudožnik i zritel'*, 1924, No 1, s. 38–39.
- Bachtin, M., *Voprosy literatury i estetiki*. Moskva 1975.
- Bal'mont K. i mirovaja kul'tura*. Sbornik naučnych statej 1 Meždunarodnoj konfe- rencii (2–4 oktjabrja 1994 g.), Šuja, Šujskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut 1994, 247 s.
- Barré, André, *Le Symbolisme*. Genève, Slatkine Reprints, 1970.
- Boult, Džon E., *Chudožniki ruskogo teatra*. Moskva, Iskusstvo 1990.
- Brjusov, Valerij, *Polnoje sobranije sočinenij i perevodov*. T. 1–4, 13, 15 (*Dramy*), 21. SPb. 1913– 1914.
- Brjusov, V., *Dalekije i blizkije*. In: *Sobranije sočinenij*, t. 6, Moskva 1975.
- Camutaliová, Irena, *Konstantin Dmitrijevič Bal'mont – zagraničnyj člen ČANI*. Russkaja, ukrajinskaja i beloruskaja emigracija v Čechoslovakii meždú dvumja mirovymi vojnami. Rezul'taty i perspektivy provedennyh issledo- vanij. Fondy Slavjanskaj biblioteki i pražskich archivov. Praha, Národní knihovna ČR 1995, 245–252.
- Táž, *Konstantin Balmont. Přehledy ruské literatury 1898, 1899, 1900*. Publikace a komentář. In: *Východoevropská moderna a její evropský kontext*. I. Praha Karolinum 1999, 169–187.
- Cymborska-Leboda, Maria, *Dramaturgija Leonida Andrejewa*. Warszawa, PWN 1982.
- Táž, *Dramat pod znakiem Dionizosa*. Lublin, Wyd. Uniwersitetu Marii Curie- Skłodowskiej 1992.
- Čechov, A. P., *Werk und Wirkung*, R. D. Kluge, Hrsg. I-II, Wiesbaden, Otto Har- rasowits 1990, 1994.
- Čechov, A. P., *Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und im Werk*. V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Nohejl, Hrsg. München, Otto Sagner 1997.
- Čechovovskije čtenija v Jalte*. Moskva, Kniga 1973.
- Deák, František, *Symbolistické divadlo*. Bratislava, Tália-Press 1996.
- Dukor, I., *Problemy dramaturgii simvolizma*. In: *Literaturnoje nasledstvo*, t. 27– 28, Moskva 1937, 106–166.
- Fedorov, A. V., *Teatr A. Bloka i dramaturgija jego vremeni*. Leningrad, Lenin- gradskij universitet 1972, 42–45.
- Istorija ruskogo dramatičeskogo teatra. Ot istokov do konca 18 veka*. T. 1. T. 7, 1898–1917, Moskva, Iskusstvo 1977.

- Kasack, Wolfgang, *Die russische Schriftsteller-Emigration im 20. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte, den Autoren und ihren Werken*. München, Verlag Otto Sagner in Kommission 1996, 117–120.
- Klein, Pavel, K. D. Balmont (dramatik). Semestrální práce. Ústav divadelní a filmové vědy, FF MU, Brno 1996.
- Týž, *Příspevky k dějinám ruského symbolistního divadla první vlny. (Balmont – Brjusov – Gippius)*. Filozofická fakulta, Brno 1999 (diplomová práce).
- Kniga o russkich poetach poslednego desjatiletija*. Red. M. Gofmana. SPb.-Moskva, Izd. t-va M. O. Vol'f 1907.
- Kšicová, Danuše, *Ruská moderna*. In: *Moderna ve slovanských literaturách*, Praha, ČSAV (Slavia, 57), 1988, 75–84.
- Táž, *Ruská literatura 19. začátku 20. stol v českých překladech*. Praha, SPN 1988, 310 s. (35 obr. příl.), 204–238.
- Táž, *Russkaja poezija na rubeže stoletij (1890–1910)*. Praha, SPN 1990, 345 s. (49 obr. příl.), 123–141.
- Táž, *Stil' modern v rusckoj poezii i izobrazitel'nom iskusstve*, (K. D. Bal'mont, A. Achmatova, A. Belyj, N. K. Rerich), Slavia 1995, č. 1–2, 83–91.
- Táž, *The Symbol of the Spatial and the Linear in the Poetry of Russian Modernism*, Slavia Orientalis (Krakov), t. XLV, Nr. 3, 1996, 357–365.
- Táž, *Receptce ruské literatury do doby meziválečné*. Překlad a kritika. In: Táž a kolektiv: *Východoslovanské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*. Brno, Masarykova univerzita 1997, 13–118.
- Táž, *Secese. Slovo a tvar*. Brno, Masarykova univerzita 1998, 171–196.
- Táž, *Mýtus a filozofie života v poetice ruské a české moderny*. Česká slavistika, Praha, Euroslavica 1998, 199–205.
- Táž, *K. D. Balmont, Duše Českých zemí ve slovech a činech*. (Ed., překl.). Brno, MU 2001.
- Kubka, František, *Básníci revolučního Ruska*. Praha, Aventinum 1924.
- Lindovská, Naděžda, *Ruské symbolistické divadlo*. In: *Ruská symbolistická dráma*. Bratislava, Národné divadelné centrum Tália-Press 1997, 5–28.
- Literaturnyje manifesty*, I. München, W. Fink Verlag 1969.
- Nilsson, N. A., *Ibsen in Rußland*. Stockholm, Almqvist 1958.
- Pospíšil, Ivo, *Ruská literárněvědná metodologie 19. a počátku 20. století. Studie – texty*. Praha, SPN 1988.
- Týž, *Architektonika prostranstva i vremeni. (Obščije mesta v poetike očerkov K. D. Bal'monta, „Gde moj dom“)*. V. sb. Bal'mont i mirovaja kul'tura. O. c. 14–21.
- Požarskaja, M. N., *Russkije sezony v Pariže. Eskizy kostjumov i dekoracij*. Moskva, Iskusstvo 1988.
- Radiščeva, O., *Stanislavskij i Nemirovič-Dančenko. Istorija teatral'nych otnošenij. 1898–1906*, Moskva 1997.
- Rovda, K. I.: *Rossija i Čechija. Vzaimosvjazi literatur, 1870–1890*. Leningrad 1978, 203.
- Rusakova, A. A., *Simvolizm v rusckoj živopisi*. Moskva, Iskusstvo 1995.

- Ruská symbolistická dráma* (ed., přel. Eva Maliti-Fraňová). Bratislava, Národné divadelné centrum Tália-Press 1997.
- Severnyje cvety I-V. Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken, B. 114, München, W. Fink Verlag 1972.
- Schneider, Hildegard, *Der frühe Balmont*. Untersuchungen zu seiner Metaphorik. Forum Slavicum, B. 16, München, Fink Verlag 1970.
- Smaga, Józef, *Dekadentyzm w Rosji*. Wrocław, PAN, Ossolineum 1981.
- Smirnov, I. P., *Chudožestvennyj smysl' i evoljucija poetičeskich sistem*. Moskva, Nauka 1977.
- Simvolizm v Rossii*. SPb., Gosudarstvennyj Russkij muzej 1996.
- Východoevropské studie I. Východoevropská moderna a její evropský kontext*. I., Praha, Karolinum 1999.
- Zadražilová, Miluše, *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století*. Praha, Univerzita Karlova 1995.
- Táž, *Evropské kontexty vývoje ruské prózy a dramatu na přelomu 19. a 20. století*. In: *Východoevropské studie I. Východoevropská moderna a její evropský kontext*. I. Praha, Karolinum 1999, 25–48.
- Znosko-Borovskij, Jevg. A., *Ruskij teatr načala 20 veka*. Praga, Plamja, 1925.

OBSAH

Úvodem (<i>Danuše Kšicová</i>)	3
<i>Dramatika ruského symbolismu</i> (<i>Danuše Kšicová</i>)	5
К. Д. Бальмонт, <i>Три расцвета</i> . Драма	21
В. Я. Брюсов, <i>Путник</i> . Психодрама в 1-ом действии	59
В. Я. Брюсов, <i>Протесилай умерший</i> . Трагедия в пяти сценах с хором	70
В. Я. Брюсов, <i>Земля</i> . Трагедия в пяти действиях и девяти картинах	116
В. Я. Брюсов, <i>Диктатор</i> . Трагедия в пяти действиях и семи сценах из будущих времен	177
В. Я. Брюсов, <i>Мир семи поколений</i> . Драма. Действие первое и второе	252
В. Я. Брюсов, <i>Пифагорейцы</i> . Драматический этюд	276
В. Я. Брюсов, <i>Дачные страсти</i> . Пьеса в 1-ом действии	284
В. Я. Брюсов, <i>Урок игроку</i> . Комедия. (Разработка замысла Пушкина.)	320
<i>Komentáře a poznámky</i> (<i>Pavel Klein</i>)	337
<i>Výběrová bibliografie</i> (<i>Danuše Kšicová</i>)	361

DRAMATIKA
RUSKÉHO SYMBOLISMU

Hry v originále

I.

Konstantin Balmont – Valerij Brjusov

Vydání, studie, komentáře
Danuše Kšicová, Pavel Klein

Vydala Masarykova univerzita v Brně
roku 2001

Náklad 100 výtisků, 1. vydání, 2001

AA – 11,70 VA – 11,82

Vytisklo Vydavatelství MU
Areál Kraví hora, Brno

Pořadové číslo 3446–17/99

ISBN 80–210–2690–1